

ВЕСТНИК РГГУ

Серия

«Евразийские исследования. История. Политология.
Международные отношения»

Научный журнал

RSUH/RGGU BULLETIN

“Eurasian studies. History. Political science.
International relations”

Series

Academic Journal

Основан в 2018 г.
Founded in 2018

1
2019

VESTNIK RGGU. Seriya «Evraziyskie issledovaniya. Istoriya. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya»

RSUH/RGGU BULLETIN. “Eurasian studies. History. Political science. International relations” Series

Academic Journal

There are 4 issues of the magazine a year.

Founder and Publisher

Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH/RGGU BULLETIN. “Eurasian studies. History. Political science. International relations” Series is included: in the Russian Science Citation Index

Objectives and scope

“Eurasian studies. History. Political science. International relations” is a scientific journal devoted to topical issues of development of the post-Soviet States, Eurasian integration processes and international relations in the region.

The mission of the journal is to promote the development of interdisciplinary research related to the scientific study of the post-Soviet countries.

The journal publishes scientific reviews, studies, articles related to the study of the problems of modern historical development of the region, the building and transformation of political systems and the formation of a new political ideology and culture, international relations, the processes of integration and regionalization, ethno-cultural policy, inter-religious relations and humanitarian cooperation. The journal is focused on the publication of scientific reviews, studies, articles related to the study of the complex of theoretical and practical problems of development and interaction of the post-Soviet countries.

The journal accepts for publication original articles, complex studies of Russian and foreign authors, previously unpublished scientific reports.

RSUH/RGGU BULLETIN. “Eurasian studies. History. Political science. International relations” Series is registered by Federal Service for Supervision of Communications Information Technology and Mass Media. 06.07.2018, reg. No.: Series PI № FS77-73206 from 06 July 2018

Editorial staff office: 6, Miusskaya Sq., Moscow, 125993

tel: 495-250-62-11

e-mail: rggu@rggu.ru

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения»

Научный журнал

Выходит 4 номера печатной версии журнала в год.

Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения» включена в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Цели и область

«Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения» – научный журнал, посвященный актуальным вопросам развития государств постсоветского пространства, евразийских интеграционных процессов и международных отношений в регионе.

Миссия журнала – содействовать развитию междисциплинарных исследований, связанных с научным изучением стран постсоветского пространства.

На страницах журнала публикуются научные обзоры, исследования, статьи, связанные с изучением проблем современного исторического развития государств региона, становления и трансформации политических систем и формирования новой политической идеологии и культуры, международных отношений, процессов интеграции и регионализации, этнокультурной политики, межконфессионального взаимодействия и гуманитарного сотрудничества. Журнал ориентирован на публикацию научных обзоров, исследований, статей, связанных с изучением комплекса теоретических и научно-практических проблем развития и взаимодействия стран постсоветского пространства.

Журнал принимает к публикации оригинальные статьи, комплексные исследования российских и зарубежных авторов, ранее не публиковавшиеся научные доклады.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 06.07.2018 г., регистрационный номер: серия ПИ № ФС77-73206 от 06 июля 2018 г.

Адрес редакции: 125993, Москва, Миусская пл., 6

Тел: 495-250-62-11

электронный адрес: rggu@rggu.ru

Founder and Publisher

Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

E.I. Pivovarov, corresponding member of RAS, Dr. of Sci. (History), professor (Russian State University for the Humanities (RSUH)), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

A.S. Levchenkov, deputy chief editor, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.E. Titkov, deputy chief editor, Cand. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.B. Bezborodov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

N.A. Borisov, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

N.M. Velikaya, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

K.E. Meshcheryakov, Dr. of Sci. (History), professor, Saint Petersburg State University (SPbU), Saint Petersburg, Russian Federation

E.Ya. Wittenberg Evgeny, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.V. Vlasov, Cand. of Sci. (History), associate professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

A.V. Guschin, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

M.Yu. Mukhin, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

K.P. Kurylev, Dr. of Sci. (History), professor, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

O.V. Pavlenko, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

O.V. Solopova, Cand. of Sci. (History), associate professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

N.I. Kharitonova, Cand. of Sci. (History), associate professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

A.V. Fenenko, Dr. of Sci. (Political Science), associate professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

B.G. Ayagan, Dr. of Sci. (History), Institute of history of the state Committee of science of the Ministry of education and science of the Republic of Kazakhstan, Nursultan, Kazakhstan

M. Bassan, PhD, professor, University of Södertörn, Stockholm, Sweden

J.M. Jafarov, Dr. of Sci. (History), professor, Azerbaijan state pedagogical University, Baku, Azerbaijan

M. Laruel, PhDr, professor, Georgetown University, Washington, USA

M.-P. Ray, PhD, professor, University of Paris I Pantheon-Sorbonne, Paris, France

A.T. Sabirov, Cand. of Sci. (History), associate professor, Tashkent State Pedagogical University named after Nizami, Tashkent, Uzbekistan

P.P. Tolochko, full member of NAS of Ukraine, Dr. of Sci. (History), Kiev, Ukraine

A. Filler, PhD., professor, University of Paris 8, Paris, France

Executive editor:

E.A. Kosovan, Cand. of Sci. (History), associate professor (RSUH)

Учредитель и издатель

Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

Е.И. Пивовар, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), г. Москва, Россия

Редакционная коллегия

А.С. Левченко, заместитель главного редактора, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), г. Москва, Россия

А.Э. Титков, заместитель главного редактора, кандидат исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), г. Москва, Россия

А.Б. Безбородов, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), г. Москва, Россия

Н.А. Борисов, доктор политических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), г. Москва, Россия

Н.М. Великая, доктор политических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), г. Москва, Россия

К.Е. Мещеряков, доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Россия

Е.Я. Виттенберг, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), г. Москва, Россия

А.В. Власов, кандидат исторических наук, доцент, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ им. М.В. Ломоносова), г. Москва, Россия

А.В. Гуцин, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), г. Москва, Россия

М.Ю. Мухин, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), г. Москва, Россия

К.П. Курьлев, доктор исторических наук, профессор, Российский университет дружбы народов (РУДН), Москва, Россия

О.В. Павленко, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), г. Москва, Россия

О.В. Солопова, кандидат исторических наук, доцент, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ им. М.В. Ломоносова), г. Москва, Россия

Н.И. Харитонова, кандидат исторических наук, доцент, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ им. М.В. Ломоносова), г. Москва, Россия

Б.Г. Аяган, доктор исторических наук, профессор, Институт истории государства Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, г. Нурсултан, Казахстан

А.В. Фененко, доктор политических наук, доцент, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ им. М.В. Ломоносова), г. Москва, Россия

М. Бассан, профессор, Университет Зёдертёрна, г. Стокгольм, Швеция

Д.М. Джафаров, доктор исторических наук, профессор, Азербайджанский государственный педагогический университет, г. Баку, Азербайджан

М. Ларюэль, профессор, Университет Джорджтаун, г. Вашингтон, США

М.-П. Рей, профессор, Университет Париж I Пантеон – Сорбонна, г. Париж, Франция

А.Т. Сабиров, кандидат исторических наук, доцент, Ташкентский государственный педагогический университет им. Низами, г. Ташкент, Узбекистан

П.П. Толочко, академик НАН Украины, доктор исторических наук, г. Киев, Украина

А. Филлер, профессор, Университет Париж 8, г. Париж, Франция

Ответственный за выпуск:

Е.А. Косован, кандидат исторических наук, доцент (РГГУ)

CONTENTS

A word to the readers. *E.I. Pivovar* 10

The caspian region: today and yesterday

E.I. Pivovar

Special legal status of the Caspian Sea. Results and prospects
of the Fifth Caspian Summit in Aktau 12

Problematics of the Central Asia region

I.A. Baskakova

Causes of inefficiency of integrative cooperation among
Central Asian states in the 1990s 33

N.P. Kalashnikova, S.A. Zhasuzakov

New trends of public diplomacy 44

E.I. Pivovar, E.A. Kosovan

Phenomenon of “migrating capital” in the post-soviet area
(the case of the Republic of Kazakhstan) 54

Ukrainian and Belorussian studies

V.M. Shneider

The image of Belarus in modern Ukraine 66

V.V. Trukhachev

Attitude towards Ukraine in the political elite of Czechia 76

Russian “soft power” and Russian expatriate

I.E. Khanova

Vectors of Russian policy towards compatriots living abroad 91

A.O. Naumov

Soft power of the Russian Federation as a resource of influence
on the space of the Eurasian Economic Union 100

Review and bibliography

E.A. Kosovan

The world of paper and printing ink. Association analysis
of Georgiy Kasyanov’s investigation “Ukraine and its Neighbours.
Politics of Memory 1987–2018” 111

Scientific life

I.E. Khanova, V.M. Shneider

The Eurasian Economic Union (EAEU). Scientific analysis
of the issues of integration processes in the Eurasian Region
(2015–2018) 133

СОДЕРЖАНИЕ

К читателям. <i>Е.И. Пивовар</i>	10
--	----

Каспийский регион: вчера и сегодня

<i>Е.И. Пивовар</i> Особый правовой статус Каспия. Итоги и перспективы V Каспийского саммита в Актау	12
--	----

Проблематика Центрально-Азиатского региона

<i>И.А. Баскакова</i> Причины неэффективности интеграционного сотрудничества государств Центральной Азии в 1990-е годы	33
<i>Н.П. Калашикова, С.А. Жасузаков</i> Новые тренды народной дипломатии	44
<i>Е.И. Пивовар, Е.А. Косован</i> Феномен «мигрирующей столицы» на постсоветском пространстве (на примере Республики Казахстан)	54

Украинистика и Белорусистика

<i>В.М. Шнейдер</i> Образ Беларуси в современной Украине	66
<i>В.В. Трухачев</i> Отношение к Украине в политической элите Чехии	76

Российская «мягкая сила» и соотечественники, проживающие за рубежом

<i>И.Е. Ханова</i> Векторы российской политики в отношении соотечественников, проживающих за рубежом	91
<i>А.О. Наумов</i> «Мягкая сила» Российской Федерации как ресурс влияния на пространстве Евразийского экономического союза	100

Критика и библиография

<i>Е.А. Косован</i> Мир из бумаги и типографской краски. Ассоциативный анализ исследования Георгия Касьянова «Украина и соседи: историческая политика 1987–2018»	111
---	-----

Научная жизнь

<i>И.Е. Ханова, В.М. Шнейдер</i> ЕАЭС: Научный анализ проблем интеграционных процессов в евразийском регионе (2015–2018 гг.)	133
--	-----

К читателям

Перед вами первый номер нового периодического издания Российского государственного гуманитарного университета – «Вестник РГГУ», серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». Преподаватели и сотрудники университета с самых первых шагов его становления как ведущего исследовательского высшего учебного заведения гуманитарного профиля уделяли значительное внимание данной проблематике. Этот интерес постепенно нарастал в связи с созданием сначала центра по изучению постсоветского зарубежья, а затем, с 2006 г. – кафедры стран постсоветского зарубежья и управления по гуманитарному сотрудничеству со странами постсоветского зарубежья.

В дальнейшем, в связи с созданием в РГГУ Института постсоветских и межрегиональных исследований (ИПиМИ) организацией бакалаврских и магистерских программ подготовки в рамках университетских программ по истории и международным отношениям, защитой в стенах РГГУ целого ряда кандидатских и докторских диссертаций по проблематике постсоветского зарубежья, активизацией политики Российской Федерации по отношению к этим странам и региону Большой Евразии в целом, этот интерес не только стал постоянно возрастать, но и приобрел новое качество – данное направление научных и образовательных усилий коллектива РГГУ стало одним из ведущих в его деятельности в целом. Этому способствовало множество факторов – и активное участие сотрудников нашего университета в ряде российских и международных научно-исследовательских проектов, так или иначе связанных с тематикой евразийских исследований, и разносторонняя деятельность, помимо ИПиМИ, Института Конфуция, Российско-турецкого учебно-научного центра, Учебно-научного центра иранистики, факультета международных отношений и зарубежного регионоведения ИАИ РГГУ и ряда других структур университета, и придание РГГУ статуса базовой организации стран СНГ по историческому образованию, и многое другое.

Все это предопределило решение Ученого совета РГГУ организовать в структуре «Вестника РГГУ» новую серию «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». Редколлегия журнала, в которую вошли известные российские и зарубежные специалисты по данной проблематике, намеревается систематически знакомить читателей с новейшими исследованиями и предоставлять страницы журнала экспертам как по истории отдельных стран, так и по интеграционным процессам на просторах Евразии, гуманитарному и культурному сотрудничеству народов региона.

Е.И. Пивовар
*главный редактор журнала «Вестник РГГУ»,
серия «Евразийские исследования. История.
Политология. Международные отношения»,
член-корреспондент РАН, президент РГГУ*

Каспийский регион: вчера и сегодня

УДК 347.79

Особый правовой статус Каспия. Итоги и перспективы V Каспийского саммита в Актау

Ефим И. Пивовар

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, rggu@rggu.ru*

Аннотация. В статье предпринимается анализ постсоветского переговорного процесса по определению статуса и разграничению водного пространства и дна Каспийского моря. Рассматривая взаимодействие пяти прикаспийских государств в формате саммитов, которое началось в 2002 г. в Ашхабаде и завершилось подписанием Конвенции о правовом статусе Каспия в августе 2018 г. в казахстанском городе Актау, автор указывает, что корни «каспийской проблемы» уходят глубоко в историю, ее истоки следует искать в первой четверти XIX в. Проявление «каспийской проблемы», которая является одной из наиболее сложных проблем постсоветского региона, объясняется геополитическими и геоэкономическими особенностями Каспийского региона, его высокой значимостью для целого ряда региональных и мировых держав, а значит и повышенной конфликтогенностью. В статье показано, что регулярные переговоры глав государств, входящих в «Каспийскую пятерку» (России, Азербайджана, Ирана, Казахстана и Туркменистана), завершились успешным подписанием Конвенции о правовом статусе Каспия в первую очередь потому, что участниками переговорного процесса был достигнут компромисс относительно сохранения за ними исключительного права военно-политического контроля над бассейном Каспийского моря.

Ключевые слова: Каспийское море, разграничение, особый правовой статус, переговорный процесс, Каспийские саммиты, Каспийская конвенция

Для цитирования: Пивовар Е.И. Особый правовой статус Каспия. Итоги и перспективы V Каспийского саммита в Актау // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2019. № 1. С. 12–32.

© Пивовар Е.И., 2019

Special legal status of the Caspian Sea. Results and prospects of the Fifth Caspian Summit in Aktau

Efim I. Pivovar

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, rggu@rggu.ru*

Abstract. The paper focuses on the post-Soviet negotiation process over the status and the demarcation of the water body and the bottom of the Caspian Sea. The author looks at the interaction of five Caspian bordering countries as summits which started in 2002 in Ashkhabad and resulted in signing the Convention on the Caspian legal status in August, 2018, in Aktau, a Kazakhstan city. The author underlines that the Caspian issue is rooted deeply in its history, it originated back in the first quarter of 19th century. Previously, the Caspian issue, which is one of the most challenging issues in the post-Soviet region, was explained by the geopolitical and geoeconomic features of the Caspian region, its high importance for a number of the regional and world leaders, thus its increased conflictogenity. The paper shows that regular negotiations between the heads of the states from the Caspian Five (Russia, Azerbaijan, Iran, Kazakhstan, and Turkmenistan) led to a successful signing of a Convention on the Caspian legal status, thus the negotiators managed to reach a compromise over the preservation of their exclusive right for the military and political control over the Caspian Sea basin.

Keywords: the Caspian Sea, delimitation, a special legal status, negotiation process, the Caspian summits, the Caspian Convention

For citation: Pivovar, E.I. (2019), "Special legal Status of the Caspian Sea. Results and Prospects of the Fifth Caspian Summit in Aktau". *RSUH/RGGU Bulletin "Eurasian studies. History. Political science. International relations" Series*, vol. 1, pp. 12-32.

В отечественной и зарубежной историографии, политических исследованиях современности, в работах международных ученых немало порой противоречивых оценок интеграционных и дезинтеграционных процессов на постсоветском пространстве. Нередко отмечаются неудачи, иногда они рассматриваются и как провалы на пути евразийской экономической и политической интеграции.

Вместе с тем есть и примеры поиска и нахождения компромиссов, которые укрепляют региональную безопасность и сулят в перспективе большие возможности мирного и позитивного взаимодействия сопредельных государств. Именно примером такого взаимодействия является переговорный процесс, в котором участвуют пять прикаспийских государств и который в августе

2018 г. завершился подписанием Конвенции о правовом статусе Каспия на V Каспийском саммите, проходившем в казахстанском городе Актау.

Этот саммит по образному выражению заместителя министра иностранных дел РФ Г.Б. Карасина замкнул «символическое кольцо». Начавшись в 2002 г. в Ашхабаде, регулярные встречи глав пяти государств обогнули Каспийское море через Тегеран, Баку и Астрахань и «вновь возвратились на восточный берег в Актау. Дата тоже значимая – с 2007 г. в прибрежных странах 12 августа отмечается День Каспия»¹.

Значение подписания каспийской конвенции признается даже теми экспертами, которые пытаются весьма скептически оценить высказывания самих участников саммита, и здесь нельзя не отметить и слова В.В. Путина об «эпохальности» данного события, и высказывание Н.Н. Назарбаева, что конвенция – это «конституция» Каспия. И при этом даже скептики вынуждены согласиться с тем, что «подписание каспийской конвенции в Актау – одно из самых значительных событий на постсоветском пространстве после распада СССР»². В чем же причины подобных оценок? Прежде всего следует отметить сам факт соглашения, к которому пришли в итоге все прикаспийские государства. Не менее важно, что на компромиссное решение пошли все участники переговорного процесса, тем самым этот вариант выгоден всем переговоривавшимся странам. Нельзя не учитывать и длительность и упорный характер переговоров, которые начинались еще в 1990-е годы и завершились лишь более чем двадцать лет спустя.

Последнее обстоятельство связано и со значительным историческим этапом, как бы предысторией Каспийской конвенции 2018 г. А она уходит очень далеко в глубь веков. Достаточно сказать, что статус Каспия регулировался еще Гюлистанским (1813 г.) и Туркманчайским (1828 г.) договорами между Российской империей и Персией. Согласно этим договорам, только Россия имела право держать на Каспии свой военный флот [Рожков 2017, с. 212].

Не существует строгих юридических критериев, по которым Каспий мог бы быть определен как озеро или как внутреннее море.

¹ «У Каспийского моря будет особый правовой статус». Заместитель главы МИД РФ Григорий Карасин – о завершении 20-летних переговоров по Каспийской конвенции [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. 2018. № 141. 09 авг. С. 6. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3707893> (дата обращения 13.01.2019).

² Дубнов А. Дораспад СССР: Что изменит раздел Каспия [Электронный ресурс] // Московский центр Карнеги. 15.08.2018. URL: <https://carnegie.ru/commentary/77042> (дата обращения 13.01.2019).

В правовом отношении отсутствие ясности по данному вопросу создает дополнительные трудности при определении статуса Каспия. Площадь моря составляет 381 тыс. км, длина – 1200 км, средняя ширина – 320 км, максимальная глубина – 1025 м. Объем содержащейся воды – около 77 тыс. км³. Возможность прохода из Каспийского моря в Балтийское по системе каналов и рек существует уже с 1880 г. После завершения в 1952 г. строительства Волго-Донского канала, корабли могут попасть в Азовское и Черное моря как из Каспийского, так и из Балтийского морей.

Комплекс причин, связанных с ресурсными, экономическими, экологическими, правовыми и другими особенностями Каспийского региона, делают его центром притяжения глобального характера. Регион представляет собой уникальный случай пересечения интересов сразу нескольких групп стран.

В то же время Каспийский регион представляет не только экономический, но политический и военно-стратегический интерес. Его стратегическое значение обусловлено в первую очередь геополитическим расположением на стыке Европы и Азии, в потенциально конфликтоопасной зоне.

В 1998 г. в США был опубликован доклад, известный под названием «Инициатива по Каспийскому бассейну» (Caspian Basin Initiative) [Zonn, Kosarev, Glantz, Kostianoy 2010, p. 508], и введен пост специального советника президента и госсекретаря США по энергетическим проблемам Каспийского бассейна. В июле 1999 г. этот пост занял карьерный американский дипломат и бывший посол США в Малайзии и Азиатско-Тихоокеанском совете Дж. Уолф. Объектами энергичной челночной дипломатии Дж. Уолфа стали Турция, Грузия и три новых прикаспийских государства – Азербайджан, Туркменистан и Казахстан. Объединяющей идеей этих усилий явилось создание так называемого Евроазиатского энергетического коридора, под которым подразумевается объединение проектов нефтепровода Баку – Тбилиси – Джейхан и Транскаспийского газопровода, который, соединив по дну Каспия Туркменистан и Азербайджан, перекачивал бы газ этих двух стран через территорию Грузии в Турцию и далее на западные рынки.

Энергетическая политика США и других западных стран в Прикаспии осуществляется не только средствами официальной дипломатии, но и например таких корпоративных гигантов, как Chevron, ExxonMobil, Bethel, General Electric, BP Amoco, Royal

³ Каспийское море [Электронный ресурс] // Словари и энциклопедии на Академике: Географическая энциклопедия (Краткий географический словарь. EdwART. 2008.). URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_geo/129/КАСПИЙСКОЕ (дата обращения 13.01.2019).

Dutch/Shell и др. На заседании Военного совета НАТО в сентябре 2000 г. по инициативе начальника генерального штаба вооруженных сил Турции рассматривался вопрос о создании в Стамбуле штаба сил быстрого реагирования НАТО, в зону ответственности которых должны были войти Средняя Азия, Кавказ и Балканы.

Помимо активизации третьих стран в прикаспийском регионе здесь накопилось немало других проблем, связанных с непризнанием правовых рамок и границ. Вследствие деятельности человека был сильно нарушен экологический баланс Каспия, возникли проблемы экосистемы региона, поэтому необходимо оперативно объединить усилия всех прикаспийских государств для разработки согласованных совместных действий в этом направлении.

Однако главным стратегически важным ресурсом Каспийского моря для прибрежных государств являются углеводороды. По запасам нефти Каспийское море уступает Персидскому заливу, но превышает ресурсы Северного моря в два раза. Доказанные запасы нефти в Каспийском регионе составляют 5,1 млрд т, доказанные запасы газа – 8 трлн м [Пивовар 2012, с. 128–129]. По оптимистичным оценкам экспертов, экспорт нефти из Каспийского региона может достичь 2–4 млн баррелей в день, или около 100–200 млн т в год [Пивовар 2012, с. 128–129].

Морское бурение на нефтяных месторождениях Каспия началось в 1949 г. В преддверии активного освоения минеральных ресурсов Каспийского моря все острее вставали вопросы, связанные с определением его правового статуса. Речь идет о большом комплексе проблем регулирования государственной принадлежности акватории, суверенных прав на недропользование, сохранения уникальных биоресурсов, согласованной природоохранной политики. Принципиальное значение для прикаспийских стран имеет также проблема энергетической безопасности, включающая транспортировку нефти и газа, добываемых на шельфе Каспия и территории прикаспийских государств, к их собственным центрам нефтепереработки и на мировые рынки.

Режим Каспийского моря до распада Советского Союза регулировался Договором между РСФСР и Персией от 26 февраля 1921 г.⁴ и Договором между СССР и Ираном от 25 марта 1940 г.⁵

⁴ Договор между РСФСР и Персией от 26 февраля 1921 г. // Хрестоматия по истории России: Учебное пособие / Авт.-сост. А.С. Орлов, В.А. Георгиев, Н.Г. Георгиева, Т.А. Сивохина. М.: Проспект, 2000. С. 310.

⁵ Договор о торговле и мореплавании между СССР и Ираном от 25 марта 1940 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. 10 (1 января 1937 – 21 июня 1941). М.: Госполитиздат, 1955. С. 241.

В договоре 1921 г. особо подчеркивалось, что «обе Высокие Договаривающиеся Стороны согласны, что, с момента подписания настоящего Договора, они будут в равной степени пользоваться правом свободного плавания по Каспийскому морю под своим флагом»⁶. Таким образом, Каспийское море было объявлено общим для всех судов обеих сторон. В то же время вопрос о разграничении вод Каспия в договоре отражен не был.

Установленные положения были подтверждены и в статье XIII Договора между СССР и Ираном от 25 марта 1940 г. о торговле и мореплавании. Так, в документе отмечалось: «Договаривающиеся Стороны условились, что в согласии с принципами, провозглашенными Договором от 26 февраля 1921 г. между Российской Социалистической Федеративной Советской Республикой и Персией, на всем протяжении Каспийского моря могут находиться только суда, принадлежащие Союзу Советских Социалистических Республик или Ирана»⁷.

Помимо того, существовал секретный приказ народного комиссара внутренних дел СССР от 1935 г., согласно которому Ирану отводилась акватория в южной части моря, за линией Астара – Гасанкули. Фактически Каспий на девять десятых являлся внутренним морем СССР.

Позднее в советско-иранских документах появились пункты, согласно которым на бортах судов, плавающих по Каспийскому морю под советскими и иранскими флагами, могли находиться только граждане этих государств.

В этих соглашениях подчеркивался закрытый статус Каспия как моря, где могут находиться только иранские и советские граждане.

В контексте дискуссий относительно использования прикаспийскими странами российских водных путей, в том числе доставки тяжелого оборудования для нефтедобывающих платформ, до сих пор сохраняют свое значение положения Договора 1940 г. об обязательствах СССР предоставлять свободный транзит в Иран для продукции тех стран, с которыми СССР имел торговые соглашения, а также о том, чтобы с наибольшей благожелательностью рассматривать просьбы о транзите в случае импорта в Иран продукции государств, с которыми СССР таких соглашений не имел (статья X)⁸.

Истоки серьезной юридической проблемы, касающейся правового статуса и секторального деления Каспия, объясняются тем

⁶ Договор между РСФСР и Персией...

⁷ Договор о торговле и мореплавании...

⁸ Там же. С. 242.

обстоятельством, что за долгие годы Каспийское море так и не было официально разделено между СССР и Ираном. Следовательно, линия «Астара – Гасанкули» не являлась признанной морской советско-иранской границей. Более того, в двусторонних договорах между СССР и Ираном нет положений, которые бы прямо или косвенно подтверждали, что ресурсы моря находятся в совместной собственности двух стран. Таким образом, любое прибрежное каспийское государство имеет теоретические основания, апеллируя к советско-иранским договорам, устанавливать нефтедобывающие платформы практически в любой точке моря [Пивовар 2012, с. 130–131].

Геополитические изменения в мире, произошедшие в конце XX века, породили принципиально новую ситуацию и в регионе Каспия. На месте Советского Союза, являвшегося наряду с Ираном одним из двух государств на Каспийском море, в 1991 г. возникли четыре новых суверенных прикаспийских государства – Азербайджан, Казахстан, Россия и Туркменистан, которые также получили доступ к ресурсам Каспия [Пивовар 2012, с. 131].

С появлением на карте мира новых независимых государств вопрос о правовом статусе Каспия приобрел новое актуальное звучание. Кроме того, лидеры прикаспийских государств справедливо указывали на то, что советско-иранские договоры регулировали далеко не все аспекты правового статуса Каспия, не опирались полностью на инструменты современного международного права. В частности, такие важные в сфере морского права международно-правовые акты, как Женевская конвенция о континентальном шельфе и Конвенция ООН по морскому праву, появились соответственно в 1958 и 1982 гг.⁹

Россия долгое время настаивала на установлении кондоминиума, предлагая рассматривать Каспийское море в качестве общего достояния пяти прибрежных государств и соответственно не позволять каких-либо односторонних действий по присвоению его пространств, а также ресурсов без согласия других [Пивовар 2012, с. 131].

В 1998 г. российская позиция претерпела изменения: Москва выступила за разграничение дна моря между сопредельными и противолежащими сторонами по модифицированной срединной линии, идущей от существующих сухопутных границ, при сохранении толщи вод в общем пользовании. Как заявлял Виктор Калюжный, занимавший на тот момент пост министра топлива и

⁹ Назарбаев Н. Как нам поделить Каспий [Электронный ресурс] // Известия. 2003. 3 окт. URL: <https://iz.ru/news/267931> (дата обращения 21.01.2019).

энергетики России, «делим дно, точнее, ресурсы дна. Вода общая и никаких границ»¹⁰.

Такая позиция России была закреплена в двустороннем соглашении с Казахстаном «О разграничении дна северной части Каспийского моря с целью соблюдения суверенного недропользования» от 6 июля 1998 г. [Мамедов 2000] и подтверждена в российско-казахстанской Декларации о сотрудничестве на Каспийском море, подписанной 9 сентября 2000 г. в Астане¹¹. В результате переговоров между Россией, Казахстаном и Азербайджаном к 2003 г. стороны договорились о разделе северной части Каспия на национальные секторы по методу срединной линии. Это решение являлось компромиссным для сторон, однако не означало преодоление всех существующих между прикаспийскими странами противоречий [Пивовар 2012, с. 132].

В связи с необходимостью закрепления юридического статуса Каспийского моря в ходе заседания министров иностранных дел прикаспийских государств, состоявшегося 11–12 ноября 1996 г. в столице Туркменистана Ашхабаде, была создана специальная рабочая группа (СРГ) на уровне заместителей министров иностранных дел для разработки Конвенции о правовом статусе Каспийского моря [Пивовар 2012, с. 132].

22 ноября 2011 г. в столице Казахстана Астане состоялось тридцатое заседание СРГ. Открывая заседание, министр иностранных дел Республики Казахстан Ержан Казыханов выразил уверенность в возможности скорого преодоления противоречий между прикаспийскими странами: «Сейчас можно с уверенностью заявить, что выработка единой позиции возможна, а скорейшее подписание Конвенции о правовом статусе Каспийского моря вполне реально». По словам внешнеполитического ведомства Казахстана, имеющиеся результаты переговорного процесса «наглядно продемонстрировали, что между прикаспийскими странами не существует разногласий, которые в ближайшее время нельзя было бы урегулировать»¹².

¹⁰ *Калужный В.* Медлить с определением статуса Каспия опасно [Электронный ресурс] // Независимая газета. 2001. Вып. 10-02. 2 окт. URL: http://www.ng.ru/economics/2001-10-02/3_kaluzhny.html (дата обращения 18.01.2019).

¹¹ *Кусов О.* Почему не удастся поделить Каспийское море? Итоги саммита в Актау [Электронный ресурс] // Радио «Свобода». 16 сентября 2009. URL: <http://www.svobodanews.ru/content/transcript/1824493.html> (дата обращения 19.01.2019).

¹² Казыханов: Казахстан рассчитывает на скорейшее подписание Конвенции о правовом статусе Каспия [Электронный ресурс] // Медиа-портал

Проведенные переговоры, консультации и обмен мнениями между прикаспийскими государствами показывают, что все прикаспийские страны в целом поддерживают вопрос раздела Каспийского моря.

На переговорах по проекту конвенции обсуждались такие вопросы, как разделение дна Каспийского моря на секторы и использование минеральных ресурсов, находящихся на дне секторов прикаспийских государств, которые образовались на основе этих делений, а также использование поверхности воды – судоходство, охрана биологических ресурсов, вопросы безопасности, охрана окружающей среды и др.

Основные принципы раздела Каспия зафиксированы в документах, подписанных группой прибрежных государств, каждое из этих соглашений предоставляет сторонам (или стороне) гарантии при разработке углеводородных месторождений. Такие соглашения (по недропользованию в северной части моря) подписаны между Россией и Казахстаном, между Россией и Азербайджаном, между Россией, Азербайджаном и Казахстаном.

В настоящее время с разделом дна Каспийского моря по принципу срединной линии на основе подписанных документов между Российской Федерацией, Азербайджаном и Казахстаном прикаспийские государства стали обладать исключительными правами на разработку и использование минеральных ресурсов в принадлежащих им секторах морского дна, а также на осуществление любой правовой хозяйственно-экономической деятельности.

Помимо вышеупомянутых Соглашения между Азербайджанской Республикой и Российской Федерацией о разделе сопредельных участков дна Каспийского моря (23 сентября 2002 г.), Соглашения между Азербайджанской Республикой и Казахстанской Республикой о разделе дна Каспийского моря между Азербайджанской Республикой и Казахстанской Республикой (29 ноября 2001 г.) и Рамочной Конвенции о защите морской окружающей среды Каспийского моря (4 мая 2003 г.) между прикаспийскими государствами были заключены следующие двусторонние и многосторонние договоры: Договор о разделе дна северной части Каспийского моря между Казахстанской республикой и Российской Федерацией с целью осуществления суверенных прав по использованию морского дна от 6 июля 1998 г. и дополнительный протокол к нему от 13 мая 2002 г., Договор между Азербайджанской Республикой, Казахстанской Республикой и Российской Федерацией

«Караван». 22.11.2011. URL: <https://www.caravan.kz/news/kazykhanov-kazakhstan-rasschityvaet-na-skorejjshee-podpisanie-konvencii-o-pravovom-statuse-kaspiya-303941/> (дата обращения 25.01.2019).

о точке пересечения разделительных линий сопредельных участков дна Каспийского моря от 14 мая 2003 г.

Двусторонние соглашения по северной части Каспия между Азербайджаном, Россией и Казахстаном предполагают деление национальных секторов дна по модифицированной срединной линии. Упрощенно это выглядит примерно так: берутся две точки на западном и восточном берегах Каспия на одной географической широте. С учетом приливов и отливов, а также изгибов береговой линии рассчитывается край срединной линии на берегу по согласованной отметке (для каждой точки берега). Набор этих точек по каждой географической широте – срединная линия деления между странами [Пивовар 2012, с. 133–134].

Согласно принципу раздела Каспия на национальные секторы по методу срединной линии на долю Азербайджана приходится немногим более 19%, Ирану отходит 14%, России – до 19%, Казахстану – более 29% и Туркмении – немногим более 19%. По оценкам добывающих компаний на 2002 год, странам достаются приблизительно следующие доли ресурсов: Азербайджану – 4 млрд тонн условного топлива, Ирану – 0,9 млрд, Туркмении – 1,5 млрд, России – 2 млрд, Казахстану – 4,5 млрд тонн.

Первым серьезным экономическим документом по Каспию был согласованный проект сохранения и использования биоресурсов, в соответствии с которым водоем был признан уникальным природным образованием межгосударственного пользования (30 января – 2 февраля 1995 г., Ашхабад). В 2003 г. была подписана, а в августе 2006 г. вступила в силу Тегеранская конвенция – единственный документ пятистороннего формата, определяющий параметры экологической безопасности. Рамочная Конвенция по защите морской среды Каспийского моря, обязывающая Азербайджан, Иран, Казахстан, Россию и Туркмению бороться с загрязнением Каспия и разумно использовать его ресурсы, была принята не без давления Программы ООН по окружающей среде ЮНЕП. Согласно этому документу, прикаспийские государства должны объединить свои усилия, чтобы восстановить природную среду Каспия и гарантировать его экологическую безопасность.

С конца 1990-х годов Россией была предложена 15-мильная зона, включая экономическую, Казахстаном – 25-мильная, Ираном – 30-мильная, Азербайджаном – 40-мильная, Туркменистаном – тоже около 40 миль. Предлагая столь широкую национальную экономическую зону, партнеры РФ существенно расширили область исключительных прав на рыболовство, поскольку до сих пор согласно еще советско-иранским договорам рыболовная зона не превышала 10 миль.

Как мы уже отмечали, в 1996 г. была создана Специальная рабочая группа (СРГ) на уровне заместителей министров иностранных дел (статус участников мог меняться, например, Россию на переговорах представляет специальный представитель президента РФ). В ходе своей деятельности СРГ провела более 50 встреч, было организовано также 11 встреч министров иностранных дел¹³. Однако важнейшим инструментом на долгом переговорном пути по решению проблем использования Каспия прибрежными государствами явились саммиты прикаспийской пятерки, в ходе которых удалось прийти к взаимоприемлемому решению.

В 2001 г. президент Туркменистана С. Ниязов на фоне очередного витка напряженности из-за принадлежности спорных месторождений на шельфе Каспия выступил с идеей о проведении первой встречи лидеров прикаспийских государств [Рожков 2017, с. 214]. В ходе встречи на высшем уровне предполагалось оценить ситуацию в целом, обменяться мнениями по нерешенным вопросам, наметить пути движения вперед. Тем самым первый саммит прикаспийских государств должен был по замыслу организаторов закрепить достигнутое и зафиксировать спорные позиции, причем в качестве главной задачи ставилось скорейшее урегулирование международно-правового статуса Каспия.

I Каспийский саммит состоялся в Ашхабаде 23–24 апреля 2002 г. Впервые на президентском уровне обсуждались ключевые проблемы региона, выдвигались конкретные предложения по совершенствованию нормативно-правовой базы водоема, выявлялись сходства и различия национальных позиций по «тонким» аспектам взаимодействия. В ходе доверительной дискуссии затрагивался вопрос о применимости «северной формулы» ресурсной делимитации к ситуации на Юге, рассматривались разнообразные подходы к определению ширины национальных зон под суверенитетом. Было продемонстрировано общее видение будущего Каспия как моря мира, равноправного сотрудничества и экономического благополучия, достигнуто взаимопонимание о совместном решении региональных проблем на основе доверительного диалога, а не применения силы.

Несмотря на конструктивное обсуждение сложившейся в регионе обстановки, по итогам встречи главам стран «пятерки» не удалось согласовать проект совместной декларации (сказалась

¹³ *Притчин С.* Каспийский переговорный полумарафон завершен [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам (РСМД). 13 августа 2018 г. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kaspiyskiy-peregovornyy-polumarofon-zavershen/> (дата обращения 25.01.2019).

разница в подходах по узловым проблемам). Тем не менее лидеры прикаспийских государств подчеркнули перспективность и безальтернативность подобного формата переговоров, заложивших основу для более интенсивного и открытого пятистороннего диалога, и условились в дальнейшем проводить их на регулярной основе.

I саммит внес стабилизирующую ноту в отношения прикаспийских государств, придал положительный импульс развитию взаимодействия прибрежных стран, сблизил их позиции по ряду вопросов международно-правового статуса водоема. Был найден и признан эффективным пятисторонний механизм сотрудничества, позволявший комплексно рассматривать возникающие в регионе проблемы с прицелом на выработку совместных путей их разрешения [Рожков 2017, с. 214].

16 октября 2007 г. в Тегеране состоялся II Каспийский саммит. Как мы уже отмечали, к этому времени была заключена первая Рамочная конвенция по защите морской среды Каспийского моря. Тегеранская конвенция была принята 11 ноября 2003 г. и вступила в силу 12 августа 2006 г. Сам факт принятия ее всеми прикаспийскими государствами свидетельствовал о существенном прогрессе во взаимоотношениях сторон. На этом фоне главным достижением II Каспийского саммита было впервые имевшее место подписание совместной Декларации, в которой формулировались основные принципы взаимодействия на Каспийском море. В этом «кодексе поведения» были «зафиксированы... договоренности о том, что суверенными правами в отношении Каспийского моря и его биологических и минеральных ресурсов обладают исключительно прибрежные государства, а также закреплены развернутые положения об укреплении доверия, безопасности и стабильности в регионе, обязательства не допускать использования территорий прикаспийских стран другими государствами против любой из сторон» [Рожков 2017, с. 215].

На встрече в Тегеране 2007 г. состоялась важная дискуссия о необходимости создания пятисторонних механизмов противодействия современным угрозам безопасности – терроризму, организованной преступности, распространению наркотиков и др. Президенты прикаспийских стран договорились о дальнейшем обсуждении этих вопросов на очередной встрече в Баку. Как справедливо отмечает И.С. Рожков, «взаимодействие на данном направлении отвечало духу времени, в том числе в свете активизации в регионе деятельности США и их союзников по НАТО и планов по реализации программы “Каспийский страж”, нацеленной на укрепление влияния альянса на море и обеспечение беспрепятственного доступа к его месторождениям. Декларация II КС посылала четкий сигнал о том, что прибрежные страны в состоянии удержать

ситуацию на Каспии под контролем без привлечения помощи со стороны» [Рожков 2017, с. 215].

В ходе II Каспийского саммита было отмечено принципиальное согласие сторон в регулярных встречах на высшем уровне, а в промежутках между ними встречах министров иностранных дел, а также экспертов пяти стран в рамках Специальной рабочей группы.

III Каспийский саммит состоялся в Баку 18 ноября 2010 г. На этой встрече было подписано Соглашение о сотрудничестве в сфере безопасности на Каспии, которое вступило в силу в сентябре 2014 г.

Документ создает правовую основу для сотрудничества спецслужб и правоохранительных органов стран-участниц договора в таких областях, как борьба с терроризмом, организованной преступностью, контрабандой, торговлей людьми и незаконной миграцией.

Стороны подтвердили намерение сотрудничать в борьбе с незаконным оборотом оружия и военной техники, взрывчатых и отравляющих веществ, с незаконным оборотом наркотиков, с отмыванием доходов, полученных преступным путем¹⁴.

Соглашением также предусматривается взаимодействие в обеспечении безопасности морского судоходства, мореплавания, в борьбе с пиратством и браконьерством.

Документ предусматривает возможность расширения сфер сотрудничества стран.

Соглашение содержит нормы, регулирующие вопросы правовой защиты конфиденциальной информации и документов, полученных в процессе осуществления сотрудничества, также согласовываются источники финансирования, связанные с выполнением договора. Бремя расходов каждая сторона несет самостоятельно.

Положениями документа устанавливается процедура разрешения споров относительно толкования или применения соглашения и определяется структура компетентных органов сторон, которые будут участвовать в его реализации¹⁵.

Документ подтверждает курс РФ и других прикаспийских государств на развитие всестороннего сотрудничества, одной из важнейших граней которого является совместное обеспечение безопасности на Каспии, говорится в пояснительной записке.

¹⁴ Соглашение о сотрудничестве в сфере безопасности на Каспийском море (Баку, 18 ноября 2010 г.) [Электронный ресурс] // Система ГАРАНТ. URL: <http://base.garant.ru/70104428/#ixzz5pm98oahY> (дата обращения 19.01.2019).

¹⁵ Там же.

В совместном заявлении по итогам Бакинского саммита президенты пяти стран подтвердили необходимость дальнейшего углубления диалога в духе дружбы и добрососедства, а также поручили экспертам проработать механизм введения на Каспии пятилетнего моратория на вылов осетровых рыб и предоставить соображения о возможной ширине национальной зоны в размере 24–25 морских миль [Рожков 2017, с. 216]. Вместе с тем значение саммита состояло и в том, что впервые было подписано пятистороннее соглашение по проблемам безопасности.

О намерении прибрежных государств прийти к консенсусу по приоритетным направлениям сотрудничества на Каспии свидетельствуют итоги проведенной 15 марта 2011 г. Астрахани международной конференции «Каспий – территория развития: в поисках новых форм прикаспийского сотрудничества». Организатором мероприятия выступил Институт каспийского сотрудничества (Россия). В работе конференции приняли участие эксперты, представители аналитических, образовательных, медийных и других структур, дипломатических представительств Азербайджана, Ирана, Казахстана и России¹⁶.

В ходе конференции были рассмотрены следующие вопросы.

1. Каспийский регион в поисках новой интегративной модели: pro et contra.
2. На пути к формированию общего информационно-гуманитарного пространства: проблемы и перспективы.
3. Развитие новых энергетических маршрутов: от ресурсоориентированной политики к модернизации Каспийского региона.
4. Транспортная стратегия развития Каспийского региона: «Север-Юг» и «Восток-Запад»¹⁷.

В итоговом заявлении участников международной конференции «Каспий – территория развития: в поисках новых форм прикаспийского сотрудничества» был обозначен ряд инициатив по развитию дальнейшего эффективного диалога между прикаспийскими государствами:

– создать условия для модернизации экономик стран региона, перевода их на инновационный путь развития, в том числе за счет интенсификации регионального экономического взаимодействия на основе добрососедских отношений при нивелировании существующих противоречий;

¹⁶ Экспертные группы пяти государств разработают план каспийской интеграции [Электронный ресурс] // Российское информационное агентство Iran.ru. 16.03.2011. URL: https://www.iran.ru/news/politics/72683/Ekspertnye_gruppy_pyati_gosudarstv_razrabotayut_plan_kaspiyskoy_integracii (дата обращения 10.01.2019).

¹⁷ Там же.

- выработать перспективную повестку дня для региона, качественно отличающуюся от нынешней сырьевой модели развития, подверженной сильному внешнему воздействию и масштабным геополитическим рискам;
- снизить конфликтный потенциал в межгосударственных отношениях, сосредоточившись прежде всего на решении общих вопросов регионального развития в социально-экономической и гуманитарной сферах;
- продолжать развитие международного транспортного коридора «Север–Юг» на основе реального учёта взаимных интересов всех государств «каспийской пятерки», что могло бы дать стимул для региональной интеграции на Каспии;
- углублять гуманитарное сотрудничество на Каспии, целью которого должно стать формирование общего образовательного, социокультурного и информационного пространства;
- укреплять сотрудничество прикаспийских государств в информационной сфере с целью формирования позитивного и неискаженного имиджа стран в восприятии друг друга.

Участники конференции выделили ряд рекомендаций государственным органам прикаспийских государств, которые должны способствовать успешной реализации обозначенных выше задач:

- рекомендовать правительствам России, Ирана, Казахстана, Азербайджана и Туркменистана создать региональную межправительственную комиссию в составе экспертных рабочих групп по изучению и обобщению позиций стран «каспийской пятерки» по вопросам экономического, социального и гуманитарного сотрудничества и по подготовке соответствующих проектов для дальнейшей практической реализации;
- рекомендовать Институту каспийского сотрудничества координировать деятельность правительственных и неправительственных организаций по обобщению предложений, направленных на развитие регионального сотрудничества, организовывать ежегодные форумы по обсуждению проблем и перспектив развития Каспийского региона;
- содействовать иным информационным, социальным и культурным акциям, направленным на укрепление сотрудничества и поиск новых форм интеграции в Каспийском регионе¹⁸.

IV Каспийский саммит был созван 29 сентября 2014 г. в Астахани. Этот форум стал наиболее результативным по достигнутым на нем договоренностям. Было подписано политическое Заявление, которое содержало основные принципы деятельности пяти государств на Каспии и заложило основу будущей конвенции.

¹⁸ Экспертные группы пяти государств...

В документах вновь указывалось, что только страны-подписанты обладают суверенными правами на Каспийском море, фиксировался запрет на присутствие на море нерегиональных вооруженных сил. Последнее обстоятельство позволило приступить к согласованию пятистороннего Соглашения о предотвращении инцидентов на Каспии. В Астрахани впервые удалось достичь договоренностей о будущем разграничении морской акватории. В соответствии с Заявлением вся акватория Каспия подразделялась на три зоны: морское пространство под национальным суверенитетом (15 морских миль вдоль границ государств); примыкающая к национальному морскому пространству зона, где действует исключительное право данного прибрежного государства на добычу рыбы и других биоресурсов, шириной в 10 морских миль; общее водное пространство для всех прикаспийских государств.

На IV Саммите в Астрахани было подписано три пятисторонних соглашения: о сохранении и рациональном использовании водных биологических ресурсов Каспийского моря; о сотрудничестве в сфере предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций в Каспийском море; о сотрудничестве в области гидрометеорологии Каспийского моря.

Была отмечена необходимость укрепления экономического взаимодействия и производственной кооперации, определены транзиты возможностей, инвестиций, формирования в регионе зоны свободной торговли и др.

Президент Туркменистана Г.М. Бердымухамедов выступил с инициативой создания постоянно действующего экономического форума и логистического центра [Рожков 2017, с. 217].

Основной задачей экспертов пяти стран стала формулировка текста Конвенции, которую предполагалось утвердить на очередном саммите.

Старт к его подготовке был объявлен в июле 2016 г. в Астане на встрече министров иностранных дел каспийской пятерки. В том же году вступили в силу два соглашения, подписанные на Астраханском саммите, – о сотрудничестве в области гидрометеорологии и о водных и биологических ресурсах Каспия, а также создан Координационный комитет пяти стран по гидрометеорологии. Согласно Соглашению о сотрудничестве в сфере предупреждения чрезвычайных ситуаций в сентябре 2016 г. в Астрахани прошли учения спасательных служб прикаспийских стран «Каспий 2016» [Рожков 2017, с. 218–219].

Встреча министров иностранных дел в Москве в декабре 2017 г. завершилась серьезным продвижением на пути к заключению Конвенции по Каспию. Министр иностранных дел РФ С.В. Лавров заявил по ее итогам, что стороны завершили согласование

основных проблемных вопросов и уже в первой половине 2018 г. состоится заключительный саммит, в ходе которого будет подписана Конвенция о статусе моря¹⁹. Несколько месяцев спустя на сайте правовой информации правительства РФ было размещено решение об одобрении проекта Конвенции Правительством России после согласования его с Азербайджаном, Ираном, Казахстаном и Туркменистаном²⁰.

Значение Конвенции о правовом статусе Каспийского моря и для самих прикаспийских государств, и для безопасности и стабильного развития в регионе и вокруг него трудно переоценить. В данном случае речь идет об основополагающем для системы взаимодействия в Каспийском море документе, который принесет неоспоримую выгоду всем странам-участницам. Неслучайно ее с легкой руки Н. Назарбаева называют своеобразной Конституцией Каспийского моря, регулирующей основные принципы и фундаментальные положения, заключенные в 24 статьях этого документа. Как отметил В.В. Путин, «многоплановое взаимодействие государств “каспийской пятерки” получило современную юридическую основу на многие годы вперед... Конвенция закрепляет за пятью государствами исключительные и суверенные права на Каспийское море, ответственное освоение и использование его недр и других ресурсов, надежно гарантирует решение всех актуальных вопросов на принципах консенсуса и взаимного учета интересов, обеспечивает по-настоящему мирный статус Каспийского моря, неприсутствие на Каспии вооруженных сил нерегиональных государств»²¹.

Конвенция, безусловно, значительно укрепляет доверие между прикаспийскими государствами, усиливает их безопасность, будет способствовать росту их экономической кооперации и конкурентоспособности, реализации совместных проектов, направленных на развитие в самых передовых отраслях.

Конвенция заполнила существовавший долгие годы юридический вакуум в решении вопросов международного регулирования статуса Каспия. Согласно тексту документа у Каспийского моря отныне особый юридический статус. Это объясняется спецификой его географических, гидрологических и иных характеристик. Каспийское море представляет собой внутриконтинентальный водоем, который не связан непосредственно с океаном и тем самым не рас-

¹⁹ *Притчин С.* Указ. соч.

²⁰ Там же.

²¹ Заявление Владимира Путина по итогам Пятого каспийского саммита 12 августа 2018 г. [Электронный ресурс] // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/58297> (дата обращения 23.02.2019).

сма­три­ва­ет­ся в ка­че­стве мо­ря. Но в си­лу сво­их раз­ме­ров, со­ста­ва во­ды и осо­бен­но­стей дна Ка­спий не мо­жет счи­тать­ся и об­ыч­ным озе­ром. В свя­зи с э­тим к Ка­спий­ско­му мо­рю не­применимы как по­ло­же­ния Кон­вен­ции ООН по мор­ско­му пра­ву 1982 г., так и прин­ци­пы, ис­поль­зуе­мые в от­но­ше­нии транс­гран­ич­ных озе­р: на сек­то­ры, раз­гра­ни­чи­ва­ет­ся толь­ко дно Ка­спия, су­ве­ре­ни­тет в от­но­ше­нии вод­ной тол­щи ус­та­нав­ли­ва­ет­ся на ос­но­ва­нии дру­гих прин­ци­пов²².

Под­пи­сан­ная 12 ав­гу­ста 2018 г. кон­вен­ция чет­ко ого­ва­ри­ва­ет прин­ци­пы раз­де­ле­ния вод­ных про­странств Ка­спия. Со­глас­но до­ку­мен­ту вво­дит­ся оп­ре­де­ле­ние 15-миль­ной зо­ны тер­ри­то­ри­аль­ных вод, что яв­ля­ет­ся от­ны­не го­су­дар­ствен­ной гра­ни­цей ка­ждо­го при­бре­жно­го го­су­дар­ства, кро­ме то­го вво­дит­ся по­ня­тие до­пол­ни­тель­ной 10-миль­ной зо­ны для ры­бо­лов­ства, ко­то­рая при­мы­ка­ет к пер­вой, а вся ос­та­ль­ная часть вод Ка­спия ста­но­вит­ся об­щей. Тем са­мым ка­ждо­е при­ка­спий­ское го­су­дар­ство име­ет об­щепри­зна­н­ные тер­ри­то­ри­аль­ные во­ды, ры­бо­лов­ную зо­ну, в ко­то­рой ка­ждо­е го­су­дар­ство мо­жет про­во­дить «обос­но­ван­ный до­смотр су­дов с по­мощью на­ци­о­наль­ных су­дов бе­ре­го­вой ох­ра­ны»²³.

Ис­поль­зо­ва­ние вод­ных про­странств ого­во­ре­но в до­ку­мен­те осо­бо. При­зна­ет­ся пра­во пяти го­су­дарств на ко­мер­че­ское су­до­ход­ство (вк­лю­чая до­ступ к транс­ит­ным пе­ре­воз­кам), ры­бо­лов­ство, рей­сы ко­мер­че­ских авиа­ком­па­ний, ре­гу­ли­ро­ва­ние во­ен­но­го при­су­т­ствия и др.²⁴

К на­сто­я­ще­му вре­ме­ни не все дис­кус­си­он­ные во­про­сы от­но­си­тель­но ста­ту­са Ка­спия раз­ре­ше­ны. Речь пре­жде все­го идет о раз­де­ле дна и не­др Ка­спий­ско­го мо­ря. Это и по­нят­но, ведь прак­ти­че­ски все дно, а зна­чит, и не­дра яв­ля­ют­ся неф­те­га­зо­вым бас­сей­ном. Не­случайно по­сто­ян­но иду­т споры о юрис­дик­ции тех или иных учас­т­ков, пре­жде все­го в юж­ной части ак­ва­то­рии. Это об­яс­ня­ет и то об­стоя­тель­ство, что Кон­вен­ция не ре­гла­мен­ти­ру­ет прин­ци­пы раз­де­ла ка­спий­ско­го дна и оста­вля­ет ре­ше­ние дан­но­го во­про­са для даль­ней­ших пе­ре­го­во­ров со­пре­дель­ных и про­ти­во­ле­жа­щих го­су­дарств с уче­том об­щепри­зна­н­ных прин­ци­пов и норм ме­жду­на­род­но­го пра­ва²⁵. В дан­ном слу­чае про­явил­ся один из ком­про­мис­сов, ко­то­рый по­зво­лил учас­тни­кам пе­ре­го­во­ров при­йти к об­ще­му со­гла­ше­нию.

²² Ни море, ни озеро: Пять фактов о новом статусе Каспийского моря [Электронный ресурс] // Коммерсант. 2018. 12 авг. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3712593> (дата обращения 23.02.2019); Статус Каспийского моря [Электронный ресурс] // РИА Новости. 12.08.2018. URL: <https://ria.ru/20180812/1526225626.html> (дата обращения 10.06.2019).

²³ Ни море, ни озеро...

²⁴ Там же.

²⁵ Статус Каспийского моря...

Еще один из компромиссов, отраженных в итоге переговоров, связан с возможностью прокладки трубопроводов по дну моря, например для доставки туркменского газа через Каспий в Азербайджан. Конвенция дает право каждой стране прокладывать трубопроводы в своем секторе, устанавливать добывающие платформы и т. п. Вместе с тем для этого требуется экологическое одобрение всех прикаспийских стран²⁶. На такой компромисс все участники переговоров, в том числе Россия и Иран, пошли и в связи с тем, что Конвенция решает важные проблемы безопасности на Каспии. Ведь только страны – участники соглашения могут иметь вооруженные силы и военные базы в регионе и, согласно положениям Конвенции, «каспийская пятерка» также обязуется не предоставлять свою территорию для деятельности против каспийских соседей²⁷. В этом отношении Конвенция стала важнейшим геополитическим документом, который обеспечивает право пяти прибрежных государств и только их на беспрепятственную военную деятельность на общей неразделенной акватории моря²⁸.

Помимо Конвенции о правовом статусе Каспийского моря участники V саммита подписали Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве в области транспорта²⁹. Последние годы все прикаспийские государства включены в процессы формирования обновленной инфраструктуры морских, автомобильных, железнодорожных, авиа- и трубопроводных перевозок. Это приводит к активизации как национальных, так и международных проектов в этой сфере. Так, с этой целью в ноябре 2017 г. Российская Федерация приняла «Стратегию развития морских портов в Каспийском бассейне и железнодорожных и автомобильных подходов к ним до 2030 года»³⁰. Дальнейший прогресс в развитии торгово-экономических, политических, транспортных, энергетических, экономических, военно-политических связей стран-участниц Соглашения по Каспию будет, конечно, ясен после ратификации Конвенции всеми прикаспийскими государствами. Но уже сегодня видно, что переговорный процесс идет по нарастающей. Если за все годы до саммита в Актау было подписано всего девять юридически обязывающих пятисторонних документов, то в августе 2018 г. помимо самой

²⁶ Статус Каспийского моря...

²⁷ *Притчин С.* Указ. соч.

²⁸ *Дубнов А.* Указ. соч.

²⁹ *Жильцов С.С.* «Каспийская пятерка» завершила 20-летний переговорный марафон [Электронный ресурс] // Независимая газета. 2018. 13 авг. URL: http://www.ng.ru/kartblansh/2018-08-13/3_7287_kartblansh.html (дата обращения: 23.02.2019).

³⁰ Там же.

«Каспийской конституции» было заключено шесть новых межправительственных соглашений³¹. Есть все основания полагать, что новый каспийский формат может заметно окрепнуть, включая и существенное расширение гуманитарной составляющей, научных, молодежных, культурных контактов и т. д. Определенный позитивный опыт в этой сфере уже накоплен. Так, одним из основных инструментов создания единого образовательного и научного пространства является созданная в 1996 г. Ассоциация университетов Прикаспийских государств.

Значительное число вузов, расположенных в прикаспийском регионе, принимают активное участие в деятельности Ассоциации. Руководителем Ассоциации является ректор Астраханского государственного технического университета (АГТУ). В АГТУ входят Постоянная исполнительная дирекция Ассоциации, а также Российский национальный координационный центр Ассоциации.

Мировой опыт свидетельствует о том, что любые переговоры, связанные со спорными районами, будь то на море или на суше, тем более с крайне богатыми нефтегазовыми ресурсами, могут приводить к неразрешимым конфликтам или в лучшем случае длиться многие десятилетия без какого-либо результата. В конкретном случае, связанном с Акваторией Каспия, в этих переговорах многие годы участвовало пять государств, изначально выдвигавших порой взаимоисключающие предложения. И в этой связи следует отметить, что достигнутый за более чем двадцатилетний период интенсивных переговоров результат можно безусловно рассматривать как огромный и беспрецедентный успех всех пяти стран-участниц Конвенции о правовом статусе Каспийского моря.

Литература

- Мамедов 2000 – *Мамедов Р.* Международно-правовой статус Каспийского моря: вчера, сегодня, завтра (вопросы теории и практики) [Электронный ресурс] // Центральная Азия и Кавказ: Общественно-аналитический журнал. 2000. № 2(8). URL: <https://www.ca-c.org/journal/cac-09-2000/19.Mamedov.shtml> (дата обращения: 23.02.2019).
- Пивовар 2012 – *Пивовар Е.И.* Российско-азербайджанские отношения: конец XX – начало XXI века. М.: Kremlin Multimedia, 2012. 448 с.
- Рожков 2017 – *Рожков И.С.* Ретроспектива каспийских саммитов: от стабильности к прогрессу // Международные отношения. 2017. Вып. 4. № 3. С. 210–220. DOI: 10.24975/2313-8920-2017-4-3-210-220.
- Zonn, Kosarev, Glantz, Kostianoy 2010 – *Zonn I.S., Kosarev A.N., Glantz M., Kostianoy A.G.* The Caspian Sea Encyclopedia. Berlin; Heidelberg: Springer-Verlag, 2010. 525 p.

³¹ «У Каспийского моря будет особый правовой статус»...

References

- Mamedov, R. (2000), "International legal status of the Caspian Sea: yesterday, today, and tomorrow. Issues of theory and practice", *Central Asia and the Caucasus Journal*, vol. 8, no. 2, [Online], available at: <http://www.ca-c.org/journal/cac-09-2000/19> (Accessed 23 Feb. 2019).
- Pivovar, E.I. (2012), *Rossiisko-azerbaidzhanskije otnosheniya. Konets 20th – nachalo 21st veka*. [Russian-Azerbaijani Relations (the end of 20th – beginning of 21st centuries)], Kremlin Multimedia, Moscow, Russia.
- Rozhkov, I.S. (2017), "Retrospective of the Caspian Summits: from stability to progress", *Mezhdunarodnye otnosheniya*, iss. 4, no. 3, pp. 210-20.
- Zonn I.S., Kosarev A.N., Glantz M. and Kostianoy A.G. (2010), *The Caspian Sea Encyclopedia*, Springer-Verlag, Berlin; Heidelberg, Germany.

Информация об авторе

Ефим И. Пивовар, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; ГСП-3, 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; rggu@rggu.ru

Information about the author

Efim I. Pivovar, Dr. of Sci. (History), professor, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, GSP-3, 125993; rggu@rggu.ru

Проблематика Центрально-Азиатского региона

УДК 339.924(5)

Причины неэффективности интеграционного сотрудничества государств Центральной Азии в 1990-е годы

Ирина А. Баскакова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, baskakova.i@rggu.ru*

Аннотация. Статья посвящена проблемам региональной центральноазиатской интеграции в первое десятилетие после распада Советского Союза. Анализируя экономические и военно-политические последствия дезинтеграции единого государства, автор делает вывод, что трансформационный кризис 1990-х годов в государствах Центральной Азии (Казахстан, Киргизия, Узбекистан, Таджикистан и Туркменистан), порожденный общесоюзными процессами разрушения старых хозяйственных и политических связей, был усугублен местными, региональными проблемами, среди которых следует выделить экологические катастрофы, этнотерриториальные конфликты, распространение религиозного экстремизма и т. п. Резкое падение уровня жизни в регионе и необходимость совместной защиты Центрально-Азиатского региона от военно-политических вызовов обусловили попытки лидеров государств региона создать интеграционные объединения, альтернативные Содружеству Независимых Государств. Среди них следует выделить Центрально-Азиатский союз и Центрально-Азиатское экономическое сообщество. Автор отмечает, что макро- и микроразличия в экономической политике стран региона, их преимущественная ориентация на внешние, а не на внутрирегиональные рынки, а также политическое соперничество между Казахстаном и Узбекистаном, претендовавшими на региональное лидерство, и отсутствие единого плана интеграции центральноазиатских государств – все эти факторы помешали в полной мере реализовать интеграционный потенциал указанных региональных союзов.

Ключевые слова: Центральная Азия, интеграция, региональный союз, экономика, безопасность, экологические проблемы, единый рынок

Для цитирования: Баскакова И.А. Причины неэффективности интеграционного сотрудничества государств Центральной Азии в 1990-е годы // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2019. №1. С. 33–43.

© Баскакова И.А., 2019

Causes of inefficiency of integrative cooperation among Central Asian states in the 1990s

Irina A. Baskakova

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, baskakova.i@rggu.ru*

Abstract. The article is dedicated to the issues of the Central Asian regional integration in the first decade after the break-up of the Soviet Union. When analyzing the economic, military and political consequences of the disintegration of the unified state, the author concludes that the transformational crisis of the nineties in the Central Asian states (Kazakhstan, Kyrgyzstan, Uzbekistan, Tajikistan and Turkmenistan), caused by the all-Union processes of destruction of the old economic and political ties, was aggravated by the local and regional challenges, among which a special mention should go to the environmental disasters, ethnic and territorial conflicts, spread of religious extremism, etc. A sharp decline in standards of living in the region and the need for joint protection of the Central Asian region from military and political challenges led up to the attempts of the leaders of this states to create integration associations alternative to the Commonwealth of Independent States. Among them, the emphasis should be laid on the Central Asian Union and the Central Asian Economic Community. The author denotes that macro- and micro-differences in the economic policies of the states in the region, their preferred commitment to external rather than intra-regional markets, as well as political rivalry between Kazakhstan and Uzbekistan, which claimed regional leadership, and lack of a common plan of integration of Central Asian states prevented the full realization of the integration potential of the regional unions specified above.

Keywords: Central Asia, integration, regional association, economy, security, environmental challenges, single market

For citation: Baskakova, I.A. (2019), "Causes of inefficiency of integrative cooperation among Central Asian states in the 1990s". *RSUH/RGGU Bulletin. "Eurasian studies. History. Political science. International relations" Series*, vol. 1, pp. 33-43.

Лидеры государств Центральной Азии (особенно Казахстана и Узбекистана) неоднократно высказывались о необходимости развития внутрирегиональной интеграции. В 2018 г. в Астане прошел первый саммит лидеров стран Центральной Азии¹, в котором при-

¹ Подробнее см.: Химшиашвили П. Опора на свои силы: зачем лидеры Центральной Азии встречались в Астане [Электронный ресурс] // Информационное агентство «РБК». 15.03.2018. URL: <https://www.rbc.ru/politics/15/03/2018/5aaa48df9a79479c52f6861c> (дата обращения 19.11.2018).

няли участие президенты Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана и Таджикистана, а также спикер туркменского парламента Акджа Нурбердыева. Участники саммита обсудили насущные проблемы Центрально-Азиатского региона и декларировали необходимость дальнейшего диалога. Однако из практических инициатив последнего времени можно упомянуть только «Silk visa» – проект создания центральноазиатского аналога «шенгена»². Таким образом, интеграционный потенциал региона во многом остается нереализованным. Для оценки перспектив развития интеграционного сотрудничества важно понимать, почему оказался неудачным опыт создания Центрально-Азиатского союза в 1990-е годы.

Нарастание дезинтеграционных тенденций внутри СССР способствовало росту интереса в Казахстане и республиках Средней Азии³ к активизации и укреплению внутрорегионального взаимодействия. Уже летом 1990 г. в столице Казахской ССР Алматы лидеры среднеазиатских республик и Казахстана подписали Соглашение об экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве с целью объединения усилий по реформированию национальных экономик. В Соглашении были определены основные направления сотрудничества. Кроме того, оно предполагало формирование «постоянно действующего координационного совета делового сотрудничества»⁴. Однако совет так и не был создан.

² Подробнее см.: *Алексеева Н.* Шелковый шенген: зачем среднеазиатские республики планируют создать новый интеграционный союз [Электронный ресурс] // Russia Today. 19.09.2018. URL: <https://russian.rt.com/ussr/article/555792-shengen-azia-integrazia> (дата обращения 19.11.2018).

³ В данной статье термин «Казахстан и республики Средней Азии» используется применительно к событиям до 1991 г., так как именно этот термин использовался советскими географами и историками в отношении пяти республик СССР (Казахской ССР, Киргизской ССР, Узбекской ССР, Туркменской ССР, Таджикской ССР). В постсоветский период (во многом благодаря инициативе Нурсултана Назарбаева) в русскоязычных работах историков и политологов для обозначения среднеазиатских постсоветских государств стал использоваться термин «Центральная Азия». Подробнее см., например: *Шарко С.* Центральная Азия как евразийский геополитический центр: новые возможности или иллюзии? // *Международная жизнь.* 2013. № 10. С. 66–88. Соответственно в данной работе при рассмотрении событий, произошедших после 1991 г., используется термин «Центральная Азия».

⁴ Соглашение об экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве Узбекской ССР, Казахской ССР, Киргизской ССР, Таджикской ССР и Туркменской ССР // К Союзу Суверенных Народов: Сборник документов КПСС, законодательных актов, деклараций,

Реализовывать на практике суверенитет ни в Казахстане, ни в среднеазиатских республиках тогда не торопились. Единое государство все еще оставалось более предпочтительным вариантом. Весьма характерно, что несмотря на начавшийся процесс суверенизации, в заявлении руководителей республик, принятом на той же встрече, говорилось об «углублении экономических связей, взаимопонимания, упрочении дружбы между нашими народами», которые должны были «прежде всего способствовать укреплению всего Союза»⁵ (курсив мой. – И. Б.).

Но спустя полтора года с распадом СССР бывшие союзные республики оказались в новой экономической и политической реальности. Начался так называемый процесс ухода России из региона Средней Азии. Как и в других регионах постсоветского пространства, начался процесс разрушения существовавших экономических, инфраструктурных и производственных связей.

Важно помнить и о внутрирегиональных проблемах, имевших большое значение для выстраивания отношений между новыми государствами: экологическая катастрофа на Аральском море⁶, рациональное использование водных ресурсов, гражданская война в Таджикистане, этнотерриториальные конфликты в Ферганской долине (расположена на территории Узбекистана, Киргизии и Таджикистана), рост религиозного экстремизма, нарастающая дестабилизация в Афганистане и др. Из-за этого постсоветский среднеазиатский регион оказался в состоянии глубокого экономического кризиса, уровень жизни начал стремительно падать.

Резкое падение уровня жизни и сокращение ВВП было характерно для всех центральноазиатских государств на протяжении целого десятилетия после распада СССР. Улучшение экономической ситуации произошло только к концу десятилетия. Правда,

обращений и президентских указов, посвященных проблеме национально-государственного суверенитета. М.: Институт теории и истории социализма ЦК КПСС, 1991. С. 448.

⁵ Заявление руководителей Узбекской Советской Социалистической Республики, Казахской Советской Социалистической Республики, Киргизской Советской Социалистической Республики, Таджикской Советской Социалистической Республики и Туркменской Советской Социалистической Республики // Там же. С. 447.

⁶ Подробнее см.: Михайлов В.Н., Кравцов В.И. Оценка современного состояния Аральского моря // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2001. № 6. С. 14–21; Винокуров Е.Ю., Либман А.М. Евразийская континентальная интеграция. СПб.: ЕАБР, 2012. С. 160.

в Казахстане уровень падения казахстанской экономики был ниже, чем в соседних государствах. Но экономическая ситуация в стране в любом случае была крайне тяжелой.

Рост ВВП в республиках Центральной Азии в 1990-е годы⁷

	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
Казахстан	-5,3	-9,2	-12,6	-8,2	0,5	1,7	-1,9	2,7	9,8
Киргизия	-13,88	-15,45	-20,08	-5,42	7,08	9,91	2,12	3,65	5,42
Таджикистан	-29	-16,4	-21,3	-12,4	-16,7	1,7	5,3	3,7	8,29
Туркменистан	-14,96	1,5	-17,29	-7,2	6,69	-11,4	7,1	16,5	5,46
Узбекистан	-11,2	-2,3	-5,2	-0,9	1,7	5,2	4,3	4,3	3,8

ВВП на душу населения в республиках Центральной Азии (в пост. дол. США, 2011 г.)⁸

	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
Казахстан	10 669	9 751	8 647	8 079	8 243	8 517	8 500	8 813	9 706
Киргизия	2 681	2 226	1 812	1 696	1 790	1 939	1 950	1 991	2 075
Таджикистан	2 300	1 891	1 465	1 266	1 040	1 045	1 086	1 111	1 186
Туркменистан	6 402	6 320	5 094	4 623	4 841	4 221	4 460	5 132	5 351
Узбекистан	2 561	2 446	2 274	2 213	2 208	2 280	2 340	2 414	2 471

Одним из способов решения этих проблем для Центральной Азии стала попытка развития внутрирегиональной интеграции [Шерьязданова 2010, с. 81]. Стоит отметить, что развитию внутрирегиональных интеграционных инициатив способствовала также слабость предлагаемых Россией интеграционных проектов, а также заинтересованность США в том, чтобы государства региона активнее взаимодействовали друг с другом без участия России [Казанцев 2012, с. 155]. В то же время более тесное сотрудничество стран Центральной Азии соответствовало и принципам многовекторной

⁷ Источник: World Development Indicators [Электронный ресурс] // World Bank. World Development Indicators. URL: <http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=world-development-indicators#> (дата обращения 19.12.2018).

⁸ Там же.

внешней политики Казахстана, и разработанной Нурсултаном Назарбаевым евразийской доктрине, поэтому особенно активно участвовал в реализации внутрирегиональных проектов именно независимый Казахстан. Н.А. Назарбаев сохранял свою приверженность идеям внутрирегиональной интеграции и впоследствии, несмотря на то, что практической реализации они так и не получили⁹.

В январе 1993 г. главы пяти государств, встретившись в Ташкенте, заявили о необходимости создания регионального союза. В рамках этой встречи состоялось подписание протокола о мерах по формированию общего рынка, были приняты взаимные обязательства по торговле, экономическому сотрудничеству и координации экологической деятельности на Арале [Богатуров, Дундич, Коргун 2011, с. 267–268]. Однако практическое значение принятых решений было незначительными¹⁰.

В 1994 г. к вопросу интеграции вернулись в более узком формате. Это объяснялось продолжавшейся гражданской войной в Таджикистане, а также внешнеполитическим курсом Туркменистана, не стремившегося к участию в интеграционных объединениях. 11 января 1994 г. был подписан Договор о создании Единого экономического пространства между Казахстаном и Узбекистаном. Вскоре участницей договора стала Киргизия, а объединение получило новое название – Центрально-Азиатский союз (ЦАС). Целью Договора было создание условий для «свободного перемещения товаров, услуг и капитала между тремя государствами... координации бюджетной, кредитной, налоговой, ценовой, таможенной политики»¹¹. Реализация положений договора потребовала создания (впервые в Центральной Азии) новых управленческих структур – Межгосударственного совета и Центральноазиатского банка

⁹ Нурсултан Назарбаев настаивает на необходимости дальнейшей интеграции в Центральной Азии [Электронный ресурс] // Информационный портал «Матрица.Kz». 04.05.2014. URL: <http://www.matritca.kz/news/9572-nursultan-nazarbaev-nastaivaet-na-neobhodimosti-dalneyshey-integracii-v-centralnoy-azii.html> (дата обращения 01.11.2018).

¹⁰ Подробнее см.: Саидазимова Г. Интеграция в Центральной Азии: реалии, вызовы, возможности [Электронный ресурс] // Сайт журнала «Центральная Азия и Кавказ». URL: http://www.ca-c.org/journal/2000/journal_rus/cac09_2000/10.Saidazim.shtml (дата обращения 12.11.2018).

¹¹ Договор о создании Единого экономического пространства между Республикой Казахстан и Республикой Узбекистан [Электронный ресурс] // Официальный сайт Информационно-правовой системы нормативных правовых актов Республики Казахстан. URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/O9400000003> (дата обращения 12.11.2018).

сотрудничества и развития (уставной капитал банк составил 9 млн дол. США) [Богатуров, Дундич, Коргун 2011, с. 268].

При этом государства-члены ЦАС не стремились к отказу от сотрудничества в формате СНГ. В договоре 1994 г. в качестве одной из причин создания новой организации называлась «необходимость принятия мер по реализации положений Договора о создании Экономического союза Содружества Независимых Государств»¹², т. е. проекта объединения, предлагавшегося в то время Москвой.

Не стал принимать участие в деятельности ЦАС Туркменистан. Ашхабад сразу же дистанцировался от активного межгосударственного сотрудничества (особенно в многостороннем формате) и провозгласил в 1995 г. постоянный нейтралитет¹³. Таджикистан смог присоединиться к Союзу только в 1998 г., когда завершилась гражданская война и ситуация в стране стабилизировалась. Тогда же ЦАС был преобразован в Центрально-Азиатское экономическое сообщество (ЦАЭС).

Одним из ключевых направлений сотрудничества в ЦАЭС должны были стать вопросы водно-энергетического регулирования. В 1998 г. страны согласовали вопрос о создании водно-энергетического консорциума для регулирования поступления речных вод из Киргизии и Таджикистана в государства, лежащие ниже по течению рек, истоки которых находятся на кыргызской и таджикской территориях [Богатуров, Дундич, Коргун 2011, с. 294].

К сожалению, многосторонний формат сотрудничества так и не был реализован в рамках Сообщества. Большинство вопросов (включая такой важный, как упомянутое выше совместное водопользование), как и раньше, решалось на основе двухсторонних договоренностей.

Кроме того, на деятельности ЦАЭС негативно сказывались различия в экономической политике, особенности государственного регулирования производственно-хозяйственной и финансовой сфер, что осложняло взаимную конвертируемость национальных валют. Это, в свою очередь, негативно влияло на платежно-расчетные отношения. Еще одним негативным фактором стала переориентация внешнеэкономической деятельности стран-участниц

¹² Договор о создании Единого экономического пространства между Республикой Казахстан и Республикой Узбекистан.

¹³ Постоянный нейтралитет Туркменистана [Электронный ресурс] // Официальный сайт Организации Объединенных Наций. Резолюции, принятые Генеральной Ассамблеей [по докладу Первого комитета (A/50/601)]. 11.01.1996. URL: http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/50/80&referer=/english/&Lang=R (дата обращения: 12.11.2018).

на рынки за пределами СНГ (доля стран вне Содружества в суммарном внешнеторговом обороте государств ЦАЭС увеличилась с 37,4% в 1994 г. до 60,3% в 2001 г.)¹⁴.

Усиливавшаяся конкуренция между Казахстаном и Узбекистаном за региональное лидерство также негативно сказывалась на перспективах сотрудничества¹⁵. Государства региона по-разному представляли желаемый уровень интеграции. Все больше и больше стали различаться и внешнеполитические приоритеты. Например, для Узбекистана на рубеже XX–XXI вв. приоритетным становилось сотрудничество с США и участие в Организации за демократию и экономическое развитие – ГУУАМ, а не внутрирегиональная интеграция. Негативно влияла на отношения между странами и ситуация с межгосударственными границами. Их делимитация к концу 1990 – началу 2000-х годов по-прежнему не была завершена, что, однако, не помешало Узбекистану (ввиду проблемы с безопасностью в регионе) создать минные поля на границе с Таджикистаном и Киргизией¹⁶. Еще одним примером напряженной ситуации были вооруженные инциденты на границе между Казахстаном и Узбекистаном [Голунов 2006, с. 118].

В конце 1990-х годов целью ЦАЭС на ближайшие годы стало создание зоны свободной торговли, тогда как вопрос о ЕЭП был отложен на неопределенное будущее¹⁷. Статистика подтверждала

¹⁴ Договор о создании Единого экономического пространства между Республикой Казахстан и Республикой Узбекистан.

¹⁵ Подробнее см.: *Калишевский М.* Центральная Азия: Борьба за региональное лидерство [Электронный ресурс] // Сайт информационного агентства «Фергана». 01.03.2010. URL: <http://www.fergananews.com/articles/6485> (дата обращения 24.11.2018); *Зиядуллаев Н.* Центральная Азия: конкуренция и партнерство [Электронный ресурс] // Независимая газета. 2007. 2 июля. URL: http://www.ng.ru/courier/2007-07-02/13_asia.html (дата обращения 24.11.2018); *Парамонов В.* Узбекистан и Казахстан: соперники или партнеры [Электронный ресурс] // Центральная Евразия: авторский проект Владимира Парамонова. 21.02.2014. URL: <http://www.ceasia.ru/forum/694-2014-02-21.html> (дата обращения: 24.11.2018) и др.

¹⁶ *Матвеев А.* В Центральной Азии вспыхивают межгосударственные территориальные конфликты [Электронный ресурс] // Военно-промышленный курьер. 2008. 28 мая // Портал «Militaryarticle». URL: <http://militaryarticle.ru/voenno-promishlennii-kurer/2008-vpk/2500-druzhba-druzhboj-a-pogranichnye-problemy-ne> (дата обращения 24.11.2018).

¹⁷ *Ушакова Н.* Центральноазиатское сотрудничество: направления трансформации [Электронный ресурс] // Сайт журнала «Центральная Азия и Кавказ». URL: http://www.ca-c.org/journal/2003/journal_rus/cac-03/16.usarus.shtml (дата обращения 24.11.2018).

неэффективность ЦАЭС: за период с 1994 по 2001 г. доля торговли между странами Сообщества в суммарном объеме их внешнеторгового баланса сократилась с 15,6 до 7,2% , а в торговле со странами СНГ – с 25,6 до 18,1%. Показательно, что для Казахстана взаимная торговля с другими государствами ЦАЭС не имела существенно-экономического значения (объем ВВП Республики Казахстан в 2001 г. составлял 60% суммарного ВВП ЦАЭС)¹⁸.

Россия к интеграционным инициативам Центральноазиатских стран относилась достаточно спокойно и не препятствовала их реализации. В 1996 г. она даже получила статус ассоциированного члена ЦАС. Однако для РФ важнее были собственные проекты с аналогичным составом участников (и Белоруссией), нежели активное взаимодействие в рамках ЦАЭС.

Постепенно основным направлением деятельности ЦАЭС стала сфера безопасности. После «баткенских событий»¹⁹ был подписан четырехсторонний Договор о совместных действиях по борьбе с терроризмом, политическим и религиозным экстремизмом, транснациональной организованной преступностью и иными угрозами стабильности и безопасности.

После терактов 11 сентября 2001 г. вопросы безопасности окончательно вытеснили из повестки экономические проблемы, поэтому организация вновь сменила название. ЦАЭС стал Организацией «Центрально-Азиатское Сотрудничество» (ОЦАС). Показательно, что в преамбуле договора о создании ОЦАС подчеркивалась в первую очередь «важность взаимодействия в вопросах обеспечения региональной безопасности и стабильности, совместного противостояния любым проявлениям терроризма и экстремизма», и только потом упоминалось экономическое сотрудничество²⁰. Преамбула договора 1994 г. начиналась с указания на «необходимость коорди-

¹⁸ Содружество Независимых Государств в 1994 г.: Статистический ежегодник. М., 1995. С. 56–57; Содружество Независимых Государств в 2001 г.: Статистический ежегодник. М., 2002. С. 82–83; Статистический бюллетень СНГ. 2002. № 8. С. 93.

¹⁹ Боестолкновения между боевиками Исламского движения Узбекистана (ИДУ) и вооруженными силами Узбекистана и Киргизии в 1999–2000 гг. (боевики ИДУ пытались проникнуть в Узбекистан и Таджикистан через территорию Киргизии).

²⁰ Договор между Республикой Казахстан, Кыргызской Республикой, Республикой Таджикистан и Республикой Узбекистан об учреждении организации «Центрально-Азиатское сотрудничество» (подписан в г. Алма-Ате 28.02.2002) [Электронный ресурс] // Сайт правовой базы «КонсультантПлюс». URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=INT;n=28226> (дата обращения 12.01.2019).

нации совместных действий в проведении экономических реформ, развитии рыночных отношений и формировании эффективных взаимовыгодных экономических связей»²¹.

Очевидно, что при указанных обстоятельствах государства Центральной Азии не имели возможности создать успешное региональное экономическое объединение. По сравнению с региональным форматом интеграции гораздо более перспективным для них оказался евразийский интеграционный формат.

Литература

- Богатуров, Дундич, Коргун 2011 – *Богатуров А.Д., Дундич А.С., Коргун В.Г.* Международные отношения в Центральной Азии: События и документы / Под ред. А.Д. Богатурова. М.: Аспект Пресс, 2011. 549 с.
- Голунов 2006 – *Голунов С.В.* Проблемы пограничной политики Республики Казахстан // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2006. № 11. С. 114–125.
- Казанцев 2012 – *Казанцев А.А.* Политика США в постсоветской Центральной Азии: характер и перспективы // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 4. С. 155–164.
- Шерьязданова 2010 – *Шерьязданова К.Г.* Современные интеграционные процессы. Астана: Академия государственного управления при Президенте Республики Казахстан, 2010. 107 с.

References

- Bogaturov, A.D., Dundich, A.S., Korgun, V.G. (2011), *Mezhdunarodnye otnosheniya v Tsentral'noi Azii: Sobytiya i dokumenty* [International Relations in Central Asia: Events and Documents], in Bogaturov, A.D. (ed.), Aspekt Press, Moscow, Russia.
- Golunov, S.V. (2006), "Border Policy Problems of the Republic of Kazakhstan", *Science Journal of VolsU. History. Area Studies. International Relations*, no. 11, pp. 114-25.
- Kazantsev, A.A. (2012), "US Policy toward Post-Soviet Central Asia", *MGIMO Review of International Relations*, no. 4, pp. 155-64.
- Sher'yazdanova, K.G. (2010), *Sovremennye integratsionnye protsessy* [Modern Integration Processes], The Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan, Astana, Kazakhstan.

²¹ Договор о создании Единого экономического пространства между Республикой Казахстан и Республикой Узбекистан.

Информация об авторе

Ирина А. Баскакова, кандидат исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; ГСП-3, 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; *baskakova.i@rggu.ru*

Information about the author

Irina A. Baskakova, Cand. of Sci (History), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; *baskakova.i@rggu.ru*

Новые тренды народной дипломатии

Наталья П. Калашникова

*Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева,
Нур-Султан, Республика Казахстан, nerush50@mail.ru*

Сакен А. Жасузаков

*Национальный университет обороны
имени Первого Президента Республики Казахстан – Елбасы,
Нур-Султан, Республика Казахстан, kuandikkz1@mail.ru*

Аннотация. В статье представлены результаты исследовательской работы по изучению истоков народной дипломатии и процессов ее развития в современных условиях. Центром внимания авторов стал Евразийский регион, перспективный с точки зрения изучения протекающих в нем интеграционных процессов в целях дальнейшего распространения успешного опыта по укреплению международного сотрудничества.

При формировании нового международного тренда «Великая Евразия» наряду с экономической и военно-технической составляющими значение гуманитарного сотрудничества как фактора «мягкой силы», в целом выходит на первый план. Традиции народной дипломатии, сложившиеся с древних времен на просторах Великой степи, в современных условиях трансформации приобретают новое содержание, способствуют укреплению сотрудничества между странами, созданию объединяющих политических институтов и коммуникаций. Авторы анализируют различные направления взаимодействия стран на пространстве Евразии, в том числе диалог духовных лидеров, сотрудничество в сфере образования и науки, взаимное проникновение и обогащение культур стран региона. Положения исследования и полученные выводы иллюстрируются примерами международных проектов и совместной деятельности в рамках международных организаций, таких как Евразийский экономический союз и Организация Договора о коллективной безопасности. Кроме того, в публикации показана роль, которую играют в развитии народной дипломатии Ассамблея народа Казахстана и подобные структуры в других странах Евразии.

Ключевые слова: Большая Евразия, евразийская интеграция, публичная дипломатия, международное сотрудничество, философские корни Евразии, Евразийский экономический союз

Для цитирования: Калашникова Н.П., Жасузаков С.А. Новые тренды народной дипломатии // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2019. № 1. С. 44–53.

New trends of public diplomacy

Natal'ya P. Kalashnikova

*L. N. Gumilyov Eurasian National University,
Nur-Sultan, Kazakhstan, nerush50@mail.ru*

Saken A. Zhasuzakov

*National Defense University named after the First President
of the Republic of Kazakhstan – Yelbasy
Nur-Sultan, Kazakhstan, kuandikkz1@mail.ru*

Abstract. The article presents the research work on studying the origins of public diplomacy, the processes of its development in modern conditions. Authors' attention is focused on the Eurasia region which has various perspectives of exploring its ongoing integration processes in order to further spreading a successful experience of strengthening the international cooperation.

When forming the new international trend “Great Eurasia”, along with the economic, military-technical component the significance of humanitarian cooperation as a factor of “soft power” comes to the fore in general. The traditions of public diplomacy, which have been established since ancient times in the expanses of the Great Steppe, in modern conditions of transformation acquire the new meaning, contribute to the strengthening of inter-country cooperation, and to the creating unifying political institutions and communications. The authors analyze different areas of inter-country interactions within Eurasia region, including the dialogue between spiritual leaders, educational and scientific cooperation, as well as mutual penetration and enrichment of cultures in the region's countries.

Also ideas and achieved results of the research are illustrated by examples of conducting international projects, joint efforts of international organizations, such as the Eurasian Economic Union and The Collective Security Treaty Organization. Furthermore, this publication demonstrates how the Assembly of People of Kazakhstan and similar organizations of Eurasian countries take part in developing public diplomacy.

Keywords: Greater Eurasia, Eurasian integration, public diplomacy, international cooperation, philosophical roots of Eurasia, Eurasian Economic Union

For citation: Kalashnikova, N.P. and Zhasuzakov, S.A. (2019), “New trends of public diplomacy”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Eurasian studies. History. Political science. International relations” Series*, vol. 1, pp. 44–53.

Знание особенностей политического диалога в каждой из стран Большой Евразии¹ – это одна из важнейших предпосылок успеш-

¹ Термин «Большая Евразия» предложен английским ученым Майклом Эмерсоном в 2013 г. и объединяет европейские и азиатские страны,

ного решения конкретных задач, которые возникают в ходе диалога между народами и цивилизациями. Обладание таким знанием лежит в основе культуры политического диалога между представителями разных стран, поскольку оно предполагает владение вполне определенными политическими, правовыми, нравственными ценностями и нормами, свойственными той или другой стране.

В отличие от диалога управленческого, культура политического диалога имеет свою специфику. Вступление в диалог предполагает понимание содержания и смысла политической культуры, характерной для той или иной страны. Отсутствие же понимания может затруднить взаимодействие или даже перевести диалог в плоскость политического отчуждения и недоверия.

Сегодня возможно и необходимо достижение гораздо более высокого уровня взаимопонимания между странами Большой Евразии. Важную роль здесь могут сыграть ученые, представители общественности и деловых кругов, которые и должны наглядно и убедительно показать глубинное содержание современных культурных основ политического диалога между странами Большой Евразии. Необходимое условие народной дипломатии – мир не может быть заключен лидерами одним лишь подписанием мирного соглашения; мир может быть достигнут через объединенные усилия всего общества. Поэтому особенно важно, чтобы политическая элита прислушивалась к мнению ученых, представителей институтов гражданского общества, составляющих основу народной дипломатии [Большая Евразия 2018, с. 557]. В данной статье на конкретных источниках и примерах из практики авторы стремились показать роль и значение народной дипломатии, ее истоки,

расположенные на евразийском суперконтиненте. В рамках данной концепции рассматриваются вопросы взаимодействия по таким стратегическим направлениям, как внутристрановая и международная безопасность, внешняя и внутренняя политика и идеология, социально-экономическое развитие, соотношение культурных ценностей населяющих регион народов. В русскоязычную науку данный термин вошел при посредстве Высшей школы экономики, эксперты которой в своей трактовке отмечают геостратегический характер отношений, складывающихся в рамках «Большой Евразии», а в качестве стержневого признака выделяют стремление участников Евразийского пространства к безопасности, миру, регулированию и предотвращению конфликтов. См.: Emerson, M. (2014), *Towards a Greater Eurasia: Who, Why, What, and How?* *Global Journal of Emerging Market Economies*, no. 6/1, January, pp. 1-88; *Казаганов С.* От поворота на Восток к Большой Евразии [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике. 30.05.2017. URL: <http://globalaffairs.ru/pubcol/Ot-povorota-na-Vostok-k-Bolshoi-Evrazii-18739> (дата обращения 28.11.2018).

в том числе в укреплении международных связей и разрешении конфликтов.

Как свидетельствует научная и дипломатическая литература, народная дипломатия представляет собой комплексное, многогранное явление в современных международных отношениях, включает различные аспекты, в том числе и культурные, и представляет особую важность в контексте выстраивания внешней политики и дипломатии в целом. Мы убеждены, что народная дипломатия становится залогом успешного межстранового сотрудничества и эффективным механизмом построения международных отношений в постсоветском, центральноазиатском и евразийском контексте. Она открывает новые возможности для того, чтобы народы Евразии смогли углубить взаимопонимание, проистекающее из продолжительной совместной истории и схожих ценностных ориентиров. Именно ценности, культура, политические институты, а также гражданское общество составляют истоки народной дипломатии и сильно влияют и на то, насколько конструктивно осуществляется взаимодействие отдельных государств с акторами международных отношений, и на то, как государства определяют свои национальные интересы и выстраивают систему собственной и международной безопасности. А ведь именно обеспечение международной безопасности и стабильности является актуальной задачей не только для государств Центральной Азии, но и для всего мирового сообщества.

Структура и содержание целей народной дипломатии не идентичны целям государственной дипломатии (хотя и не обязательно противоположны им). При этом они не конкурируют друг с другом, создавая целый комплекс механизмов формирования объединительных трендов, укрепления евразийской толерантности и солидарности. Народная дипломатия и экспертные мнения, влияющие на формирование торговых, экономических и иных отношений в рамках Большой Евразии, приобретают сейчас особую важность потому, что в меняющихся условиях современного мира эффективность решений зависит не только от принимаемых «сверху» решений, но и от того, кто и как их будет реализовывать. Следует отметить, что за последние годы в этом направлении проделана большая работа в Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС), интерес к которому в постсоветском регионе и за его пределами не только не снижается, но и возрастает, все новые страны демонстрируют готовность к сотрудничеству с ним либо войти в его состав. Также в рамках ШОС (Шанхайская организация сотрудничества), ОДКБ (Организаций Договора о коллективной безопасности) и в других структурах появились аналитические центры, формирующие повестку дня модернизации Большой Евразии.

В рамках сотрудничества стран Евразии решаются вопросы сохранения исторических связей между населяющими их народами, а также выстраивания конструктивного диалога в регионе. Отмечая наличие определенного конфликтного потенциала на евразийском пространстве, российский эксперт Владимир Якунин обращает внимание на необходимость укрепления культурных связей и создания действенных механизмов народной дипломатии². Так, культурное взаимодействие, молодежное сотрудничество, спортивное воспитание нации, продвижение идей нравственности и патриотизма – ключевые аспекты работы консолидирующих институтов стран Евразии, обеспечивающие их реализацию через каналы народной дипломатии.

Как уже отмечалось, интерес к деятельности Евразийского экономического союза проявляют и гражданские институты, способствующие в целом росту доверия населения центральноазиатских стран к процессам, происходящим на евразийском пространстве. К примеру, проведенные Институтом Евразийской интеграции (Астана, 2017 г.) исследования, с непосредственным участием авторов данной статьи, свидетельствуют о том, что евразийская интеграция воспринимается населением как положительное явление. Так, поддержку в отношении участия Республики Казахстан в ЕАЭС выражают в различной мере 86% респондентов и только 6,5% настроены критически по данному вопросу. Позитивно относятся к евразийским интеграционным процессам и эксперты: 82% одобряют участие Казахстана в ЕАЭС, 16% скорее одобряют, а отрицательный ответ дали только 2% участников опроса [Медеров, Кудайбергенов, Капаров и др. 2017, с. 260].

Интеграционные тренды вызывают заинтересованность и среди евразийской молодежи, включая представителей крупнейших стран региона – Российской Федерации и Республики Казахстан. Это подтверждает, например, исследование, посвященное отношению студенчества к сотрудничеству в рамках Евразийского экономического союза. Согласно результатам, полученным в ходе данного исследования, 77% казахстанской и 81% российской молодежи воспринимают интеграцию и сотрудничество в регионе как положительное явление и понимают, в чем состоят перспекти-

² Мягкая сила – источник мира и согласия стран Евразии. О чем говорили на заседании Генерального совета Ассамблеи народов Евразии [Электронный ресурс] // Ассамблея народов Евразии: Международный союз неправительственных организаций. 03.02.2019. URL: <http://eurasia-assembly.org/ru/news/myagkaya-sila-istochnik-mira-i-soglasiya-stran-evrazii-o-chem-govorili-na-zasedanii-generalnogo> (дата обращения: 25.02.2019).

вы различных форм кооперации на евразийском пространстве. По мнению подавляющего большинства респондентов из Казахстана, «ЕАЭС отвечает национальным интересам страны, обеспечивая принципы взаимной экономической выгоды (67%) и суверенитета (73%)» [Медеуов, Кудайбергенов, Капаров и др. 2017, с. 260].

Очевидно (и это подтверждают результаты обоих исследований), что интеграция должна приниматься и восприниматься обществом, как процесс, улучшающий и облегчающий жизнь каждого гражданина. Это тем более верно, что с момента создания ЕАЭС его отличительной особенностью было то, что параллельно с решением интеграционных задач в контексте экономического развития стран-участниц особое внимание стало уделяться вопросам социального плана и организации безопасности в регионе.

При этом для разных постсоветских государств характерна разная степень вовлеченности в евразийский проект. Так, по мнению старшего научного сотрудника Института международных исследований Московского государственного института международных отношений Министерства иностранных дел России (МГИМО МИД) Леонида Гусева, наиболее активно участвуют в евразийских интеграционных процессах Россия, Казахстан и Кыргызстан, причем это касается не только государственных институтов, но и негосударственного сектора.

Другой российский эксперт – представитель Евразийского Аналитического Клуба Никита Мендкович обращает внимание на проблему распространения терроризма и экстремизма в Центральной Азии. По его мнению, эти угрозы обусловлены частично социально-экономическими, частично межэтническими проблемами, которые должны решаться региональными властями через повышение уровня жизни населения, в том числе включая социально-экономическое измерение и безопасность³. Именно институты народной дипломатии могут более активно продвигать вопросы развития сотрудничества в таких сферах как торговля, трудовая миграция, военно-промышленный комплекс и др., способствуя повышению ВВП стран-участниц. Созданы и эффективно развиваются такие объединяющие страны и народы международные институты как ЕАЭС, ОДКБ, ШОС, СВМДА (Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии) и др. Все они расширяют границы народной дипломатии.

³ Социальный тупик – основная причина радикализации молодежи [Электронный ресурс] // Некоммерческое партнерство «Экспертный клуб «Урал-Евразия». 20.02.2018 URL: <http://berlek-nkr.com/tadzhikistan/6560-socialnyu-tupik-osnovnaya-prichina-radikalizacii-molodezhi.html> (дата обращения: 25.02.2019).

При всем этом, конечно, нельзя забывать и традиции народной дипломатии, веками складывавшиеся и успешно применявшиеся на широких просторах Евразии. Мы полагаем, что особый интерес представляет в данном случае пример Казахстана, в основе дипломатии которого традиционно находятся принципы сбалансированности и прагматичности, миролюбия, добрососедства и толерантности. Казахстан глубоко ценит межэтническое и межконфессиональное согласие, спокойствие в обществе, целеустремленно продвигает инициативы, направленные на укрепление дружбы и безопасности на международной арене. «Нельзя правильно понять ни одну эпоху, не имея представления о ее великих людях, – отмечал первый президент Казахстана Нурсултан Назарбаев. – Ибо сквозь человеческие судьбы мы не только видим ход истории, но и проникаемся ее духом»⁴.

Казахстанское общество полиэтнично. В стране проживает свыше 100 этносов, здесь представлено 17 конфессий, и лидеры этноконфессиональных общин являются активными представителями гражданского общества, – это активные участники народной дипломатии как внутри страны, так и на международной арене. Именно они являются инициаторами, мотиваторами и медиаторами международных мостов связей со многими государствами, способствующих привлечению инвестиций в человеческий капитал, снижению конфликтов в регионе.

Рассмотрим подробнее, какие тренды современные народной дипломатии выработал Казахстан, предлагая их для ускоренного процесса интеграции в контексте Большой Евразии.

Так, посредством шести Съездов мировых и традиционных религий, проведенных постсоветским Казахстаном, сформирован диалог духовных лидеров. Это мощнейший дипломатический ресурс: принятые совместные документы и декларации, призывают мировую общественность постоянно поддерживать и способствовать усилиям религиозных лидеров и организаций для установления истинного межрелигиозного диалога, способствовать поддержанию диалога религий и цивилизаций, направленного на улучшение взаимопонимания и уважения в государствах и обществах⁵.

⁴ Назарбаев Н.А. Евразийский союз: от идеи к истории будущего [Электронный ресурс] // Известия. 25.10.2011. URL: <https://iz.ru/news/504908> (дата обращения: 20.09.2018).

⁵ Хроника Съездов лидеров мировых и традиционных религий [Электронный ресурс] // Информ.kz. 05.09.2013. URL: https://www.inform.kz/ru/hronika-s-ezdov-liderov-mirovyh-i-tradicionnyh-religiy_a2586990 (дата обращения: 20.09.2018).

Ключевой составляющей народной дипломатии остается система образования и науки. То, как осуществляется сейчас взаимодействие в этой сфере, показывает неисчерпаемый потенциал гуманитарного сотрудничества между государствами, принадлежащими к единому историко-культурному, образовательному и научно-экспертному евразийскому пространству. В этом отношении особое значение приобретает наращивание образовательного взаимодействия в рамках, например, Евразийского экономического союза.

Расширение военно-политического сотрудничества между членами ОДКБ также подкрепляется установившимся историческими связями и служит фундаментом для слаженной работы по противостоянию разнообразным рискам и вызовам, включая экстремистские и террористические угрозы. Миссия ОДКБ, как называют ее эксперты, – «зонтик безопасности» Евразийского экономического союза; Университетская лига ОДКБ и общественные патриотические инициативы также являются важным элементом интеграции на евразийском пространстве и сферой имплементации потенциала народной дипломатии, которая становится весьма эффективным механизмом урегулирования конфликтов.

Подготовка военных кадров государств-членов ОДКБ свидетельствует о том, что в странах Договора исторически складывались единые подходы к воспитанию новых поколений военнослужащих. Например, одна из основных целей нравственного воспитания военнослужащих стран ОДКБ, которые проходят обучение в Республике Казахстан, заключается не только в том, чтобы ознакомить их с лучшими боевыми традициями, но и в том, чтобы привить учащимся гуманистические ценности и чувство преданности своему Отечеству, сформировать ощущение приоритета общественно-государственных интересов над личными, развить самоотверженность и социальную активность и т. п.

Необходимо упомянуть и такие специфические, но активно культивируемые в Казахстане инструменты народной дипломатии, как Караван-Сарай и тамырство. Сущность концепции современного Караван-Сарая сводится к созданию особого института общения, который стимулировал бы взаимопроникновение и взаимообогащение культур и создание особого «языка дружбы» народов Большой Евразии, то есть объективно способствовал бы их сближению. Тамырство же представляет собой древнюю тюркскую традицию: это особый вид отношений между казахом и русским или представителем другой национальности, которые выстраиваются на основе понимания потребностей друг друга. Тамырство как необходимый элемент во взаимоотношениях с людьми другой

национальности приобретает новое наполнение в современной народной дипломатии.

К примеру, международный общественно-значимый проект «Беседы на Шелковом пути», инициируемый общественными структурами Казахстана, стал той интеллектуальной площадкой, на которой одновременно осуществляется исследование традиций межкультурного диалога в Центральной Азии, осмысление исторической роли Шелкового пути в сближении народов региона, осмысление интеллектуального потенциала ученых и институтов гражданского общества как акторов предотвращения конфликтов. Пожалуй, справедливо будет отметить, что социальную базу потрясений нужно снижать, необходимо формировать концепты евразийской философии, общекультурные ценности, систему объективного их освещения, поскольку в информационном плане государства Центральной Азии пока существенно проигрывают.

Итак, больше не вызывает сомнений факт, что в современном мире политики и госорганы утратили монополию на реализацию дипломатических практик вообще и развитие международного сотрудничества в частности. Евразийское сотрудничество не может и не должно осуществляться только силами государственных органов. Важнейшая роль здесь принадлежит народам Евразии, а также наиболее активной их части в лице общественных организаций. Евразийскому континенту, как и всей планете, нужны новые конкретные механизмы построения совместного будущего, основанного на человечности, справедливости, равноправии и взаимном уважении.

Значимость народной дипломатии для поддержания мира и согласия на планете трудно переоценить. Именно укрепление общественных связей между народами является лучшей прививкой против экстремизма, ксенофобии, национальной и религиозной вражды.

Литература

- Большая Евразия 2018 – Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. Вып. 1. Ч. 1 / Отв. ред. В.И. Герасимов. М.: ИНИОН РАН, 2018. 612 с.
- Медвуев, Кудайбергенов, Капаров и др. 2017 – Медвуев Ж.К., Кудайбергенов Р.А., Капаров К.Н. и др. Коммуникативная политика Казахстана: современное состояние и перспективы развития. Астана: Институт Евразийской интеграции, 2017. 348 с.

References

- Gerasimov, V.I. (ed.) (2018), *Bol'shaya Evraziya: razvitie, bezopasnost', sotrudnichestvo: ezhegodnik* [Greater Eurasia. Development, security, cooperation: yearbook], *INION RAN*, iss. 1, part 1, Moscow, Russia.
- Medeuov, J.K., Kudaibergenov, R.A. and Kaparov, K.N. et al. (2017), *Kommunikativnaja politika Kazakhstana: sovremennoje sostojanie i perspektivy pazvitija* [Communicative policy of Kazakhstan. Current state and the development perspectives], Institute of Eurasian Integration, Astana, Kazakhstan.

Информация об авторах

Наталья П. Калашникова, доктор политических наук, профессор, Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Нур-Султан, Республика Казахстан; 010008, Республика Казахстан, Нур-Султан, ул. Сатпаева, 2; nerush50@mail.ru

Сакен А. Жасузаков, Национальный университет обороны имени Первого Президента Республики Казахстан – Елбасы, Нур-Султан, Республика Казахстан; 010000, Республика Казахстан, Нур-Султан, пр-т Туран, 72; kuandikkz1@mail.ru

Information about the authors

Natal'ya P. Kalashnikova, Dr. of Sci. (Political Science), professor, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan; bld. 2, Satpaeva Street, Nur-Sultan, Kazakhstan, 010008; nerush50@mail.ru

Saken A. Zhasuzakov, National Defense University named after the First President of the Republic of Kazakhstan – Yelbasy, Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan; bld. 72, Turan Avenue, Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan, 010000; kuandikkz1@mail.ru

Феномен «мигрирующей столицы»
на постсоветском пространстве
(на примере Республики Казахстан)

Ефим И. Пивовар

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, rggu@rggu.ru*

Елена А. Косован

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, ekkade@gmail.com*

Аннотация. В статье предпринимается анализ процессов переноса и номинации столицы в контексте постсоветского транзита. На примере Республики Казахстан, в истории которой перенос столицы осуществлялся неоднократно, авторы раскрывают значение столичности для народа, создавшего суверенное национальное государство только в конце XX в., и для государства, реализующего евразийскую прагматическую стратегию. Авторы анализируют пять этапов становления института казахской столичности и трансфер («миграции») столицы на каждом из них: Алашская автономия (Семипалатинск, или Алаш-Кала), Киргизская Автономная Советская Социалистическая Республика (КАССР) (Оренбург), Казакская автономная советская социалистическая республика КазАССР (Ак-Мечеть, или Кызылорда, затем Алма-Ата), Казахская советская социалистическая республика (Алма-Ата), Республика Казахстан (Алма-Ата, затем Акмола, или Астана). Выявление причин переноса столицы на каждом этапе помогает понять роль столицы в казахском государстве. Исследование последовательно сменявших друг друга столичных проектов в истории Казахстана позволяет авторам сделать вывод о наличии положительной корреляции между феноменом «мигрирующей столицы» и транзитными процессами в национальном государстве XX–XXI вв., связанными прежде всего с политической модернизацией и становлением гражданской нации.

Ключевые слова: Казахстан, фронтир, столичность, номинация столицы, перенос столицы, символическая политика, модернизация

Для цитирования: Пивовар Е.И., Косован Е.А. Феномен «мигрирующей столицы» на постсоветском пространстве (на примере Республики Казахстан) // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2019. № 1. С. 54–65.

Phenomenon of “migrating capital” in the post-Soviet area (the case of the Republic of Kazakhstan)

Efim I. Pivovar

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, rggu@rggu.ru*

Elena A. Kosovan

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, ekkade@gmail.com*

Abstract. The article undertakes an analysis of the processes of relocation and naming of the capital in the context of post-Soviet transit. Taking as an example Republic of Kazakhstan, in the history of which relocation of capital took place many times, the authors reveal the meaning of capital for the nation that created a sovereign national state only at the end of 20th century; and for the state which realizes Eurasian pragmatic strategy. The authors analyze five stages in formation of the institute of Kazakh capital and transfers (“migration”) of the capital at each of them: Alash Autonomy (Semipalatinsk or Alash-Kala), Kirghiz Autonomous Socialist Soviet Republic (KASSR) (Orenburg), Kazak Autonomous Socialist Soviet Republic Kazak ASSR (Ak-Mechet’ or Kyzylorda, then Almaty), Kazakh Soviet Socialist Republic (Almaty), Republic of Kazakhstan (Almaty, then Aqmola or Astana). Identification of the reasons for relocations of the capital helps to understand the role of the capital in Kazakh state. Studying the consistently changing capital projects in the history of Kazakhstan, lets the authors make a conclusion about presence of positive correlation between the phenomenon of “migrating capital” and transitive processes in the national state of 20th – 21th centuries, which are connected in the first place with political modernization and formation of civil nation.

Keywords: Kazakhstan, frontier, metropolitan character, capital nomination, relocation of the capital, symbolic politics, modernization.

For citation: Pivovar, E.I. and Kosovan, E.A. (2019), “Phenomenon of “migrating capital” in the post-Soviet area (the case of the Republic of Kazakhstan)”. *RSUH/RGGU Bulletin. “Eurasian studies. History. Political science. International relations” Series*, no. 1, pp. 54-65.

Столица – необходимая часть политико-географического ландшафта, важнейший атрибут государства и одна из его фундаментальных культурных основ [Россман 2013, с. 132]. Институт столичности представляет «уникальную комбинацию процессов территориального доминирования и становления государств, а также физического пространства» [Трубина 2011, с. 15], в нем

воплощаются одновременно все аспекты жизни общества и государства – административно-политический, идеологический, культурный, экономический и т. д., причем это воплощение должно соответствовать презентационной роли столицы. Ведь столичный город – главный «имиджмейкер» государства. В своем исследовании казахстанских столиц Нелли Бекус и Кульшат Медеуова очень точно определяют его сущность, называя столицу не только важнейшим и при этом полисемантическим символом нации, но и своего рода зеркалом, в котором безошибочно отражается и «актуальное состояние общества с характерными для него культурными и политическими архетипами»¹, и то, как это общество представляет себе свое прошлое и настоящее².

Столица, таким образом, многофункциональна и должна обладать достаточными ресурсами для реализации всех перечисленных обязанностей. Однако можно выделить триаду функций, невыполнение которых обычно влечет за собой утрату столичного статуса и его трансфер (перенос). Это воплощение власти, справедливости, национальной и гражданской идентичности [Россман 2013, с. 12–14].

Временный или безвозвратный перенос столицы – нечастое, но вместе с тем естественное событие в мировой истории. Причинами могут быть военные действия, установление нового политического режима, изменение стратегий государственного и национального строительства [Россман 2013, с. 11]. Очевидно, что процессы выбора столицы, ее номинации, упразднения, переноса не только тесно связаны с глубинными трансформациями всей общественно-политической, социокультурной и экономической жизни социума и обусловлены ими, но и, повторимся, выступают в качестве зеркала, которое с большой точностью отражает эти трансформации.

Манипуляции институтом столичности несомненно являются частью стратегии, к которой прибегают властные элиты, чтобы придать устойчивость нестабильному обществу, преодолеть кризис легитимности и идеологии, обуздать территориально-политические конфликты, определенным образом структурировать физическое и символическое пространство государства. Такие манипуляции не могут, по мнению специалистов, привести к долгосрочному результату [Россман 2013, с. 6], но в качестве паллиативного средства они обладают достаточно высокой эффективностью.

¹ Бекус Н., Медеуова К. Смена эпох как смена столиц: Астана как глобальный центр [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. 2011. № 6(80). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2011/6/n10.html> (дата обращения 27.07.2018).

² Там же.

Особый интерес в контексте вышесказанного представляет институт столичности в транзитивных государствах. И постсоветские государства являются в данном случае идеальным объектом исследования. Ведь постсоветский ландшафт – это большая лаборатория, в которой вот уже почти три десятилетия проводятся опыты с демократическим транзитом и политической модернизацией. История постсоветских столиц и эволюции института столичности в постсоветских государствах отражает в полной мере специфику мышления национальных властей и их методов стабилизации транзита. Изучая трансформации института столичности, мы получаем выгодный исследовательский ракурс, который дает возможность увидеть скрытые стратегии и тактики национальных властных элит.

Одним из наиболее интересных примеров таких трансформаций является казахстанская практика трансфера столицы. Казахстан – единственное государство на постсоветском пространстве, для которого характерен феномен «мигрирующей» столицы: в течение 80 лет столица переезжала здесь пять раз. В данной работе предпринята попытка выявить причины частых переносов, определить их взаимосвязь с этапами национально-государственного строительства и политической модернизации Казахстана.

До 1917 г. казахи не имели собственного государства. В составе Российской империи их земли находились в составе нескольких регионов: «Уральская и Тургайская области возглавлялись оренбургским генерал-губернатором, Акмолинская и Семипалатинская – омским в составе Степного края. Часть южных земель вошла в Семиреченскую и Сырдарьинскую области Туркестанского края, Букеевская орда (степь) – в Астраханскую губернию» [Аманжолова 1994, с. 19–20]. Сохранявшееся жузовое деление препятствовало этнической консолидации казахов. Идеи национально-политического самоопределения и обособления, особенно в западноевропейской трактовке, представляли интерес лишь для части немногочисленной интеллигенции, но были чуждыми для подавляющего большинства казахов, идентичность которых была неразрывно связана с кочевым образом жизни [Казиев 2015, с. 153].

В результате двух революций 1917 г. силы казахского национального движения получили возможность реализовать собственные государственно-автономистские проекты. Так были созданы Алашская и Туркестанская автономии. Первая была создана «западниками» – партией «Алаш», для которой идеалом государственности был основанный на идее этнической солидарности союз кочевых тюркских народов Средней Азии. Среди них доминирую-

щие позиции (статус *primus inter pares*)³ должны были занять казахи [Казиев 2015, с. 183]. Что интересно, при этом «алашевцы» не были намерены покинуть российское цивилизационное и государственно-политическое пространство. Что же касается Туркестанской автономии, ее история связана с деятельностью тюркофилов, которые тоже стремились к возрождению среднеазиатских этносов, но при помощи ценностей и норм ислама [Казиев 2015, с. 183]. Туркестанская автономия (столица Ташкент) существовала только три месяца (28 ноября 1917 г. – 22 февраля 1918 г.). Алашская же автономия, созданная в декабре 1917 г., формально закончила свое существование 5 марта 1920 г. Все это время ее столицей был город Семипалатинск (Алаш-Кала). Столичный потенциал этого города был ограничен, но на той территории, которую контролировала Алаш-Орда (междуречье Урала и Волги, Тургайская, Уральская, Акмолинская и Семипалатинская области), вряд ли можно было найти более подходящую кандидатуру на роль столицы.

Ликвидация Алашской автономии была связана с событиями Гражданской войны, а перенос столицы из Семипалатинска в Оренбург в 1920 г. произошел из-за смены политического режима, точнее – в результате компромисса между алашевцами и большевиками. Как отмечает С.Ш. Казиев, большинство алашевских вождей, идя на сближение с интернационалистами-марксистами, пытались примирить «власть Советов» с «национальной мечтой» [Казиев 2015, с. 196]: считали возможным создание такого государства, в котором были бы воплощены принципы национального и социалистического строительства [Казиев 2015, с. 196].

Так в августе 1920 г. была создана Киргизская Автономная Советская Социалистическая Республика (далее – КАССР) в составе РСФСР со столицей в Оренбурге. Выбор Оренбурга был обусловлен несколькими соображениями. Крупный город, культурный и экономический центр края, он обладал всеми необходимыми для отправления функций столицы материальными, техническими, кадровыми, инфраструктурными и иными возможностями. Кроме того, советские политические элиты видели в Оренбурге своего рода «символ пролетарского авангарда» в губернии [Аканов 2017, с. 163], но при этом он являлся одним из значимых центров казахского национального движения, «средоточием наиболее активных политических структур казахского и башкирского автономизма» [Киселева-Аманжолова 2015, с. 56]. Стоит также вспомнить, что в XVIII в. Оренбург задумывался не только как крепость, как простое звено в цепи фортеций Уральско-Сибирского фронта, но как многофункциональный плацдарм России для наступления на

³ *Primus inter pares* (лат.) – первый среди равных.

Восток. Очень убедителен тезис Т.И. Герасименко, которая заметила, что роль городов степного фронта вообще и значение Оренбурга в частности в значительной степени зависела от общей геостратегии и геополитики Российской империи: «Когда в России приходили к власти “западники”, город утрачивал свои позиции. Его роль возрастала, когда Россия обращала свой взор в сторону Средней Азии и Казахстана» [Герасименко 2008]. Мы полагаем, что решение о номинации Оренбурга в качестве столицы КАССР было обусловлено прежде всего намерением советского режима распространить свое влияние на Центральную Азию.

Оренбург сохранял столичный статус до 1925 г., до начала нового этапа национально-территориального размежевания в регионе. В апреле Оренбургская губерния была выведена из состава КАССР, а сама автономия в июне была преобразована в Казакскую⁴ Автономную Советскую Социалистическую Республику (далее – КазАССР) в составе РСФСР. Ее столицей стал город Ак-Мечеть, бывший Перовск, переименованный в Кызылорду. Однако административно-территориальный передел в РСФСР был не единственной причиной переноса казахской столицы.

Трагическую роль в утрате Оренбургом столичного статуса сыграл голод 1921–1922 гг. Голод и разруха в хозяйстве города и всего региона сделали невозможным отправление одной из ключевых функций столицы – прагматической. Вообще многолетние катаклизмы лишили город шансов на модернизацию. В начале 1920-х годов он оставался городом XIX в. Также важно указать, что к середине 1920-х годов утратили свою актуальность этнополитические аргументы в пользу объединения Оренбургской губернии с КАССР и столичности Оренбурга, имевшие значение в конце Гражданской войны. Консолидационные процессы внутри казахского этноса продолжались, происходило становление казахской идентичности, но столица не могла должным образом выполнять функцию символического воплощения этой идентичности. Поэтому среди политически активных казахов в это время активно муссировалась идея о переносе столицы в Чимкент, Актюбинск, Перовск или даже Ташкент, который они безуспешно оспаривали у узбеков и в котором в начале 1920-х годов «сосредоточились основные образовательные, научные и культурные силы центральноазиатской интеллигенции» [Футорянский 1996, с. 76–77]. Оренбург был советской, но не казахской столицей и имел мало шансов ею стать.

В середине 1920-х годов для казахской элиты было принципиально важно создать столицу, которая была бы настоящим наци-

⁴ В 1925–1936 гг. было принято написание «Казакская», а не «Казахская» АССР.

ональным центром, то есть большинство населения в нем должны были составлять казахи. Второй секретарь Казахского обкома РКП(б) Султанбек Кожанов писал: «Столица Казахстана должны быть на территории казахской степи, пусть даже у казахов нет города, но ни в коем случае не на территории России. Казахскому народу не нужен красивый город с высокими домами, ему нужна хотя бы небольшая, но своя столица»⁵. Ак-Мечеть в Сырдарьинской области как нельзя лучше подходил на эту роль – здесь не только жили почти исключительно казахи, но и крепость, которая впоследствии дала начало городу, основали в 1820 г. кокандцы, а не русские. Дополнительным бонусом стала близость железнодорожных коммуникаций. Но уже в процессе переезда сюда госорганов КазАССР в феврале–марте 1925 г. обнаружилось: то, что казалось преимуществом, является серьезным недостатком. Во-первых, Кызылорда инфраструктурно не была готова к своей новой роли, и трансфер столичных институтов привел к социальному кризису. Во-вторых, маленький провинциальный городок, где люди были вынуждены жить в банях, а на работу ходить с собственной керосиновой лампой, не соответствовал имиджу советской автономии. Минималистичные установки С. Кожанова были приемлемы в период революции и Гражданской войны, но не в эпоху созидания.

После тщательного изучения всех возможных вариантов размещения столичных институтов выбор пал на Алма-Ату (Верный), и в апреле 1927 г. решение было принято: Всеказахстанский съезд советов утвердил постановление Центрального исполнительного комитета (ЦИК) и Совета народных комиссаров (СНК) Казахской АССР о переносе столицы в Алма-Ату.

Алма-Ата (Алматы) имеет самый долгий стаж в качестве казахской столицы. Примечательно, что когда Казахская автономия была преобразована в Казахскую ССР (1936 г.), столица осталась прежней. В 1933–1939 гг. в городе проводилась реконструкция, в результате которой патриархальный Верный приобрел вид социалистического города, соответствующего советскому типу государственности и канонам советского градостроительства. А симбиоз советской интернациональной и казахской национальной символики в алматинском ландшафте должен был свидетельствовать о слиянии казахского этноса с новой наднациональной общностью – советским народом, нерушимости положения Казахстана в составе СССР. Парадоксально, но элементы этого ландшафта –

⁵ *Кумырзак А.* От Камыскалы до Кызылорды (по материалам Кызылординского областного историко-краеведческого музея) [Электронный ресурс] // National Digital History of Kazakhstan. 18.07.2017 г. URL: <http://www.e-history.kz/ru/publications/view/3347> (дата обращения 30.07.2018).

здания госорганов, национальных учреждений культуры, науки, просвещения и т. п. – говорили о том, что Казахстан обладает всем необходимым, чтобы отправиться в самостоятельное плавание.

Распад Советского Союза вновь обострил проблему столичности. Бывшие столицы советских республик в одночасье оказались столицами независимых государств, строящих совершенно иной политической, экономической, социальный порядок. Старые столичные города не были готовы к роли центров «капиталистических» государств, их символическая нагрузка противоречила «базовому набору» атрибутов независимости постсоветских государств⁶. В Казахстане же проблема столицы была осложнена специфическими внутренними факторами: природно-климатическими, этнополитическими, социокультурными.

В начале 1990-х годов Казахстан столкнулся с острой проблемой регионализации. Возникла угроза «раскола» страны. Политический транзит сопровождался размежеванием политических элит, оппозиционная Н.А. Назарбаеву часть госаппарата упорно сопротивлялась его реформам [Шац 2013, с. 125–127]. То же касалось руководства наиболее значимых для государства отраслей экономики – нефтяной, газовой и т. п. Перенос столицы в этой непростой ситуации расценивался Назарбаевым как средство, которое поможет справиться с сепаратизмом северных русскоязычных областей и отсеять нелояльное чиновничество и строптивых хозяйственников. Кроме того, отказ от Алма-Аты как воплощения социалистической государственности носил и значимую символическую нагрузку: так власти нового Казахстана закрывали дверь за советским прошлым.

Выбор столицы Республики Казахстан осуществлялся в 1992–1994 гг. Итогом стало решение руководства страны о номинации в качестве столицы Акмолы (Целинограда). Выбор этот был во многом неожиданным. Хотя сейчас его логика очевидна. Во-первых, перенос столицы на север Казахстана, где было сконцентрировано иноэтничное население, являлся частью стратегии «символического приспособления» к национальному, конфессиональному, культурному разнообразию страны, паллиативным средством преодоления сепаратизма. Размещая столицу в регионе, который мог «уйти» к России, Н.А. Назарбаев демонстрировал свою уверенность в том, что уход не состоится. Во-вторых, перенос столицы был призван нивелировать деструктивные последствия жузового деления титульной нации. Н.А. Назарбаев – выходец из Старшего жуза, на территории которого располагалась старая столица. Акмола же находилась на территории Среднего жуза, практически в центре страны.

⁶ *Бекус Н., Медеуова К.* Указ. соч.

Перенос столицы символизировал союз Большого и Среднего жузов. Он должен был стать средством сдерживания Младшего жуза, на территории которого находятся месторождения стратегически важных полезных ископаемых.

В-третьих, имелись идеологические аргументы. Казахстан в рамках прагматического евразийства Н.А. Назарбаева расценивался как уникальное государство, находящееся на границе, на перекрестке Европы и Азии, а все его население – как уникальная общность, занимающая территорию в «сердце» Евразии. Таким образом, столица превращалась в географическое, политическое и этнокультурное «сердце» этого первого и единственного подлинно евразийского государства [Шац 2013, с. 135].

Официально процедура переноса столицы из Алма-Аты в Акмолу совершилась 10 декабря 1997 г. До этого, 20 октября 1997 г. Акмолу официально объявили новой столицей Казахстана (Указ президента № 3700). Однако реальный трансфер столичных институтов, а также реконструкция города в соответствии с представлениями руководства страны об имидже столицы растянулась на годы. Реконструкция осуществлялась в рамках концепции «метаболического мегаполиса» К. Курокавы, которая подразумевала сохранение разновременных культурных слоев в городском ландшафте. Практическое применение данной концепции в случае Акмолы, получившей 6 мая 1998 г. новое имя – Астана, означало возможность «использования имеющейся инфраструктуры и интеграции зданий советского периода в архитектуру нового времени»⁷, а также объединения в одно целое национальных и интернациональных элементов.

Своеобразным экзаменом на государственно-политическую состоятельность стала прошедшая в Астане 10 июня – 10 сентября 2017 г. выставка «ЭКСПО–2017». Поскольку «ЭКСПО–2017» продолжила традицию Великих всемирных выставок, начало которой положила Лондонская выставка 1851 г., участие в столь статусном событии должно было закрепить вхождение Казахстана как независимого государства в семью влиятельных держав и легитимировать его в качестве субъекта глобальной и региональной политики. Презентация Астаны в качестве места проведения «ЭКСПО–2017» должна была свидетельствовать о завершении процесса миграции казахской столицы, который совпадал с процессами становления казахского государства.

⁷ *Королева С.* Симбиоз старого и нового в градостроительстве Кисё Курокавы [Электронный ресурс] // Verlogos: Интернет-журнал о дизайне и архитектуре. 23.10. 2017 г. URL: <http://www.berlogos.ru/article/simbioz-starogo-i-novogo-v-gradostroitelstve-kisyo-kurokavy> (дата обращения 01.08.2018).

Однако события весны 2019 г. внесли коррективы в эти планы. Уход Нурсултана Назарбаева с поста президента Республики Казахстан и развернувшийся вследствие этого властный транзит не замедлили вызвать новые манипуляции институтом столичности, хотя и не столь масштабные, как раньше. Переименование Астаны в Нур-Султан – событие, интересное сразу в нескольких отношениях: это и изменение «гендера столицы» (Астана – женский род, Нур-Султан – мужской), и несколько нестандартный способ увековечения памяти первого президента Казахстана (обычно при создании топонимов используют фамилию, а не имя), и стремительный темп переименования, и сопутствующее внесение изменений в Основной закон Республики Казахстан⁸. Все эти особенности еще предстоит осмыслить, однако уже сейчас очевидно, что казахстанское руководство в любой сложной, переходной ситуации по-прежнему склонно обращаться к столичному городу как к основному символу власти и легитимационному ресурсу. Такую стратегию можно считать особенностью казахстанского государственного проекта.

Итак, можно сделать вывод, что манипуляции институтом столичности несомненно являются частью стратегии, к которой прибегают властные элиты, чтобы придать устойчивость нестабильному обществу, преодолеть кризис легитимности и идеологии, обуздать территориально-политические конфликты, определенным образом структурировать физическое и символическое пространство государства. В истории Казахстана 1920–2010 гг. на городское пространство не раз проецировались процессы выбора путей национального развития, причем заметно, что эти процессы реализовались «в диапазоне между “автохтонным” и “европейским» полюсами» [Сарсембаева 2017, с. 8]. Удачные и неудачные попытки реализовать через столицу свои представления об историческом пути Казахстана воплотились в казахском феномене «мигрирующей» столицы. Последняя столица связана с евразийским выбором страны и претворением в жизнь прагматического евразийства Н.А. Назарбаева. Очевидно, что стабильность столичного статуса Астаны зависит от того, сохранит ли евразийский вектор свое значение для казахстанских властных элит в обозримом будущем.

⁸ Как переименовывали столицу – комментарий Минюста [Электронный ресурс] // Sputnik Kazakhstan. 23.03.2019. URL: <https://ru.sputniknews.kz/politics/20190323/9651898/konstitucionny-sud-pereimenovanie-stolica-kommentariy.html> (дата обращения 20.02.2019).

Литература

- Аканов 2017 – *Аканов К.Г.* Оренбург как столица автономного Казахстана (1920–1925 гг.: причины выбора и попытки поиска альтернатив // Самарский научный вестник. 2017. Т. 6. № 4(21). С. 160–165.
- Аманжолова 1994 – *Аманжолова Д.А.* Казахский автономизм и Россия. М.: Издательский центр «Россия молодая», 1994. 216 с.
- Герасименко 2008 – *Герасименко Т.И.* Оренбург // География. 2008. № 12 [Электронный ресурс]. URL: <http://geo.1september.ru/article.php?ID=200801204> (дата обращения 22.11.2018).
- Казиев 2015 – *Казиев С.Ш.* Советская национальная политика и проблемы доверия в межэтнических отношениях в Казахстане (1917–1991 годы): Дис. ... д-ра ист. наук. Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 2015. 549 с.
- Киселева-Аманжолова 2015 – *Киселева-Аманжолова Д.А.* Оренбург в истории столиц Казахстана // От столицы – к столице: Сб. тезисов Международной научной конференции, посвященной 550-летию Казахского ханства. М.: ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова, 2015. С. 56–78.
- Росман 2013 – *Росман В.И.* Столицы: их многообразие, закономерности развития и перемещения. М.: Изд-во Института Гайдара, 2013. 336 с.
- Сарсембаева 2017 – *Сарсембаева Г.А.* Особенности формирования городского пространства Восточного Казахстана в XIX – начале XX века (на примере городов Семипалатинск и Усть-Каменогорск) // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2017. Т. 16. № 1. С. 80–92.
- Трубина 2011 – *Трубина Е.Г.* Город в теории: опыты осмысления пространства. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 520 с.
- Футорянский 1996 – *Футорянский Л.И.* История Оренбуржья: учебное пособие. Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 1996. 350 с.
- Шац 2013 – *Шац Э.* Когда столицы переносят: политическая география национального и государственного строительства // Логос. 2013. № 4. С. 109–142.

References

- Akanov, K.G. (2017), “Orenburg as the capital of Autonomous Kazakhstan (1920–1925): the causes of choice and attempts to find alternatives”, *Samara Journal of Science*, vol. 6, no. 4 (21), pp. 160–165.
- Amanzholova, D.A. (1994), *Kazakhskii avtonomizm i Rossiya* [Kazakh autonomism and Russia], Rossiya molodaya, Moscow, Russia.
- Gerasimenko, T.I. (2008), Orenburg, *Geografiya*, no. 12, [Online], available at: <http://geo.1september.ru/article.php?ID=200801204> (Accessed 22 Nov. 2018).
- Futoryansky, L.I. (1996), *Istoriya Orenburzh'ya: uchebnoe posobie* [The history of the Orenburg region: Schoolbook], Orenburgskoe knizhnoe izdatel'stvo, Orenburg, Russia.
- Kaziev, S.Sh. (2015), *Soviet national policy and issues of trust in inter-ethnic relations in Kazakhstan (1917–1991 years)*, D. Sc. Thesis, History, N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of RAS, Moscow, Russia.

- Kiseliova-Amanzholova, D.A. (2015), "Orenburg in history of Kazakh capitals", *Ot stolitsy – k stolitse: Sbornik tezisev Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 550-letiyu Kazakhskogo khanstva [From capital to capital: Proc. Int. Sci. Conf. dedicated to the 550th anniversary of the Kazakh Khanate]*, Moscow, 2015, pp. 56–78.
- Rossmann, V.I. (2013), *Stolitsy: ikh mnogoobrazie, zakonmernosti razvitiya i peremeshcheniya* [Capitals: their variety, regularity of their development and relocation], Gaidar Institute for Economic Policy, Moscow, Russia.
- Sarsembayeva, G.A. (2017), "Particularity of formation of city spaces of Eastern Kazakhstan in 19th – beginning of 20th cent (as example dealing with Semipalatinsk and Ust-Kamenogorsk)", *Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology*, vol. 16, no. 1, pp. 80–92.
- Shats, E. (2013), "When capitals are relocated: political geography of national and state building", *Logos*, no. 4, pp. 109–142.
- Trubina, E.G. (2011), *Gorod v teorii: opyty osmysleniya prostranstva* [City in theory: essays on urban space], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.

Информация об авторах:

Ефим И. Пивовар, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; ГСП-3, 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; rggu@rggu.ru

Елена А. Косован, кандидат исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; ГСП-3, 125993, Россия, г. Москва, Миусская пл., д. 6; ekcade@gmail.com

Information about the authors:

Efim I. Pivovarov, Dr. of Sci. (History), professor, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, GSP-3, 125993; rggu@rggu.ru

Elena A. Kosovan, Cand. of Sci. (History), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, GSP-3, 125993; ekcade@gmail.com

Украинистика и белорусистика

УДК 327(476+477)

Образ Беларуси в современной Украине

Вадим М. Шнейдер

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, vadiksh92@gmail.com*

Аннотация. Автор статьи исследовал основные особенности восприятия Беларуси в современной Украине. Проанализированы мнения государственных деятелей Украины, позиции экспертов; общественное мнение жителей Украины изучено с помощью результатов социологических опросов. Рассмотрены механизмы экономического взаимодействия Украины и Беларуси, принципы их политического сотрудничества. Исследовалось влияние внешнеполитического курса Беларуси на двусторонние отношения Украины и Беларуси. Были изучены материалы украинских СМИ, посвященные Беларуси. На основании данных социологических исследований был сделан вывод о том, что в настоящий момент среди жителей Украины преобладает положительный образ Беларуси. Позитивное восприятие соседнего государства связано прежде всего с культурной и языковой близостью украинцев и белорусов. В то же время важным фактором является сформировавшийся у значительной части граждан Украины положительный образ внутреннего устройства Беларуси. Экономическая модель, предусматривающая развитие сельского хозяйства и промышленности, а также существенное влияние государства на экономические процессы, является привлекательной для значительной части жителей Украины во всех регионах страны. Автор статьи приходит к выводу о том, что образ Беларуси в современной Украине не является однородным и окончательно сложившимся, и в дальнейшем он будет формироваться под воздействием ряда политических, экономических и гуманитарных аспектов, определяющих отношения двух государств.

Ключевые слова: Украина, Беларусь, постсоветское пространство, история, международные отношения, имагология

Для цитирования: Шнейдер В.М. Образ Беларуси в современной Украине // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2019. № 1. С. 66–75.

The image of Belarus in modern Ukraine

Vadim M. Shneider

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, vadiksh92@gmail.com*

Abstract. The author of the article investigated the main features of the perception of Belarus in modern Ukraine. He analyzed the views of public figures of Ukraine, the position of experts. The analysis of public opinion of the people in Ukraine was conducted by the help of the results of sociological surveys. The author considered different mechanisms of economic interaction between Ukraine and Belarus, as well as the principles of their political cooperation. The influence of the foreign policy of Belarus on the bilateral relations of Ukraine and Belarus was investigated. The materials of the Ukrainian media dedicated to Belarus were studied. Basing on the data of sociological studies, the author came to the conclusion that at the present moment a positive image of Belarus prevails among the residents of Ukraine. The positive perception of the neighboring state is primarily associated with the cultural and linguistic proximity of Ukrainians and Belarusians. At the same time the positive image of the internal structure of Belarus, which was formed by a significant part of the citizens of Ukraine, is another significant factor. The economic model, which implies the development of the agriculture and industry, as well as the significant influence of the state on economic processes, is now attractive for a significant part of the population of Ukraine in all regions of the country. To sum it up, the author came to the conclusion that the image of Belarus in modern Ukraine is not homogeneous and have not been formed yet. It seems that in the future it will be formed by the influence of a number of the political, economical and humanitarian aspects which determine the relations of the two states.

Keywords: Ukraine, Belarus, Post-Soviet Space, history, international relationships, imagology

For citation: Shneider, V.M. (2019), "The Image of Belarus in modern Ukraine". *RSUH/RGGU Bulletin. "Eurasian studies. History. Political science. International relations" Series*, no. 1, pp. 66-75.

Современные Украина и Беларусь – независимые европейские государства, которые имеют ряд схожих черт (прежде всего социокультурного характера) и различий (относящихся к экономической и политической сферам). Исторические пути двух стран неоднократно пересекались: территории Украины и Беларуси длительное время находились в составе Великого княжества Литовского, Польши, Российской империи и Советского Союза. Культурная близость двух народов предопределила их тесное взаимодействие в течение многих веков.

Взаимное проникновение и влияние двух культур, а также близость языков привели, помимо того, к формированию в белорусско-украинском пограничье самобытного историко-культурного региона – Полесья. Сегодня к Полесью относят всю территорию южной Беларуси вдоль границы с Украиной, а также северные регионы Украины, примыкающие к белорусско-украинской границе. Основное самоназвание жителей Полесья – «полешуки», также они называли себя словом «тутейшие», т. е. «местные», «здешние» [Бондарчик, Браим, Бураковская 1998, с. 35–36]. Другой этноним, который был распространен во всем белорусско-украинском пограничье – «русины»¹ или «руськие» [Бондарчик, Браим, Бураковская 1998, с. 35]. Это самоназвание начало использоваться еще во времена Великого княжества Литовского, когда словом «русины» обозначали все восточнославянское население Литвы.

Литовское наследие и сегодня в значительной мере объединяет украинскую и белорусскую историю. К середине XIV в. в состав Великого княжества Литовского входила вся территория современной Беларуси, а также значительная часть Украины. В то время языковые и культурные различия между украинцами и белорусами еще не оформились, поэтому они рассматривались как единый народ, составлявший большинство населения Литвы. При этом толерантное отношение литовских князей к восточнославянскому населению стало одной из причин того, что в современных Беларуси и Украине совместный опыт нахождения в составе Литвы рассматривается в основном с положительной точки зрения. С середины XVI и до конца XVIII в. белорусские земли, так же как и значительная часть территории Украины, находились в составе Речи Посполитой, а затем они практически полностью (за исключением украинских Галиции и Закарпатья) перешли под контроль Российской империи. В 1917–1918 гг. белорусы и украинцы предприняли попытку создания независимого государства (Белорусская Народная Республика формально просуществовала с марта по декабрь 1918 г., а Украинская Народная Республика – с конца 1917-го по начало 1920 г.). После этого были образованы Белорусская Советская Социалистическая Республика (БССР) и Украинская Советская Социалистическая Республика (УССР), вошедшие в состав СССР. Современные независимые государства Украина и Беларусь образовались уже в 1991 г.

¹ Термин «русины» имеет и другое содержание и характеризует современный этнос, проживающий на территориях Польши, Словении, Сербии, Венгрии и др. (*Примеч. ред.*)

Общее историческое и культурное наследие и сегодня является важным фактором для развития белорусско-украинских отношений. Украинские политики нередко апеллируют к историческому опыту двух стран, видя в нем в том числе предпосылки для будущей интеграции. Так, в марте 2018 г. министр иностранных дел Украины Павел Климкин опубликовал большую статью «Украина и Беларусь. Логика истории». В ней Климкин подчеркнул, что между двумя народами за всю историю «не было ни одного конфликта», что является «чрезвычайной цивилизационной ценностью»², и констатировал «практически полную параллельность исторического развития» двух стран, хотя и с оговоркой, что в данный момент «Украина и Беларусь двигаются по разным политическим векторам»³. Тем не менее Климкин охарактеризовал отношения Украины и Беларуси как дружественные и отметил искреннюю дружбу между двумя народами и естественное взаимное притяжение между двумя культурами⁴.

Действительно, на современном этапе руководители обеих государств подчеркивают важность двусторонних связей между Беларусью и Украиной. Можно говорить и о развитии сотрудничества двух стран, прежде всего в экономической сфере. 25–26 октября 2018 г. в Гомеле состоялся первый Форум регионов Беларуси и Украины, на котором было подписано около 130 двусторонних соглашений⁵. В то же время политический диалог между двумя государствами по-прежнему не столь эффективен. На внешнеполитической арене Беларусь поддерживает союзнические отношения с Россией, в том числе и в военной сфере. Так, в 2017 г. состоялись совместные военные учения «Запад–2017», проходившие на территории Беларуси. Президент Украины Петр Порошенко расценил эти учения как «возможную угрозу в том числе для территориальной целостности Украины»⁶. Тем не менее после начала конфлик-

² Клімкін П. Україна й Білорусь: Логіка історії. [Электронный ресурс] // Історична правда. 25.03.2018. URL: <http://www.istpravda.com.ua/columns/2018/03/25/152224/> (дата обращения 21.02.2019).

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Україна та Білорусь уклали двосторонні угоди на \$100 мільйонів – що відомо. [Электронный ресурс] // 5 канал. 27.10.2018. URL: <https://www.5.ua/ekonomika/ukraina-ta-bilorus-pidpysaly-blyzko-130-dvostoronnikh-uhod-shcho-vidomo-180118.html> (дата обращения: 21.01.2019).

⁶ Порошенко про навчання «Запад-2017»: Ми бачимо ймовірність загрози, зокрема для територіальної цілісності України [Электронный ресурс] // Гордон.ua. 01.09.2017. URL: <https://gordonua.com/ukr/news/>

та на Донбассе Беларусь осталась одним из немногих возможных посредников между Россией и Украиной. Следует отметить особую роль Беларуси и лично Александра Лукашенко в подписании в 2014–2015 гг. Минских соглашений, предусматривающих комплекс мер по мирному урегулированию конфликта.

Отношения между Украиной и Беларусью на современном этапе характеризуются и активным взаимодействием экспертов и политологов двух стран. В частности, с 2015 г. в Минске регулярно проходят мероприятия экспертной инициативы «Минский диалог», в которых участвуют эксперты из Украины и Беларуси. В качестве примера можно привести панельную дискуссию «Беларусь–Украина: вызовы и возможности в турбулентном регионе», которая состоялась 17 декабря 2018 г. и была посвящена анализу белорусско-украинских отношений в 2018 г.⁷ Стоит обратить внимание и на регулярный экспертный доклад «Минский барометр», в котором белорусские эксперты проводят детальный мониторинг отношений Беларуси с ключевыми международными партнерами. К числу последних, помимо России, ЕС, США и Китая, относится и Украина. В октябрьском докладе отмечается развитие экономических отношений между двумя странами, в то время как в политической сфере возникали локальные конфликтные ситуации, связанные в том числе с фактами «вербовки белорусскими пограничниками украинского гражданина» и задержанием в Минске украинского журналиста Николая Балабана⁸. Тем не менее акцент в докладе сделан на положительных аспектах сотрудничества. Вероятно, это связано с тем, что в качестве основной перспективы белорусские эксперты рассматривают развитие взаимовыгодных двусторонних торговых отношений.

Вместе с тем украинские эксперты с большей осторожностью оценивают возможности развития отношений Украины и Беларуси. Так, независимый аналитический центр «Украинский институт будущего» в 2017 г. опубликовал доклад «Бела-

politics/-poroshenko-pro-navchannjah-zahid-2017-mi-bachimo-jmovirnist-zagrozi-v-tomu-chisli-dlja-teritorialnoji-tsilisnosti-ukrajini-205328.html (дата обращения 27.12.2018).

⁷ Беларусь–Украина: вызовы и возможности в турбулентном регионе [Электронный ресурс] // Минский диалог. 17.12.2018. URL: <http://minkdialogue.by/events/briefings/belarus-ukraina-vyzovy-i-vozmozhnosti-v-turbulentnom-regione> (дата обращения 29.01.2019).

⁸ Минский барометр: мониторинг внешней политики и национальной безопасности. [Электронный ресурс] // Минский диалог. 2018. № 5 (сентябрь–октябрь). С. 19–23. URL: http://minkdialogue.by/Uploads/Files/research/reports/pdf/MB_5%20ru.pdf (дата обращения 29.12.2018).

русью: состояние, угрозы, возможности взаимодействия». Особое внимание здесь следует обратить на главу «Как Украине строить отношения с Беларусью», написанную экспертом института Юрием Романенко. Он подчеркивает, что Украине необходимо выстроить определенную стратегию в отношении Беларуси. В качестве потенциальной угрозы для украинской безопасности Романенко выделяет российско-белорусское военное сотрудничество, в частности, возможное разворачивание военных баз России в Беларуси⁹. В то же время эксперт признает, что существует большое поле возможностей для укрепления связей в сферах промышленности, торговли, инфраструктуры и транспорта. Романенко делает вывод о том, что «сегодня отношения между Украиной и Беларусью, хотя и не являются слишком теплыми, но наличие общих интересов при условии их системного продвижения вполне позволяют построить базу для более тесного сотрудничества в будущем»¹⁰.

Большинство украинских экспертов наряду с Романенко склонно занимать взвешенную и прагматичную позицию относительно перспектив взаимодействия с Беларусью. При этом в среде украинских общественных деятелей существуют и другие точки зрения. Так, известный журналист Олесь Доний отмечает важность прежде всего культурного взаимодействия украинцев и белорусов. Доний подчеркивает, что в большинстве фестивалей, проходящих в Украине, принимают участие поэты и музыканты из Беларуси. При этом приоритет отдается белорусскоязычным участникам, поскольку, по мнению Дония, в Беларуси якобы отсутствуют условия для полноценного развития белорусского языка. Эта стратегия предусматривает, что сотрудничество между белорусами и украинцами в творческой среде в будущем может привести и к более тесным связям между двумя государствами.

Беларусь не очень часто появляется в поле зрения основных средств массовой информации Украины. Безусловно, освещаются наиболее значимые события для двусторонних отношений, например, встречи президентов двух стран и вышеупомянутый Форум регионов Украины и Беларуси. Особое внимание уделяется внешней политике Беларуси, в первую очередь затрагиваются темы взаимодействия Беларуси с ЕС и Россией. Так, в ведущих полити-

⁹ Как Украине строить отношения с Беларусью [Электронный ресурс] // Хвиля. 30.06.2017. URL: <https://hvylya.net/analytics/geopolitics/kak-ukraine-stroit-otnosheniya-s-belarusyu.html> (дата обращения 29.12.2018).

¹⁰ Там же.

ческих журналах Украины («Фокус», «Тиждень», «Новое время») в конце 2018 – начале 2019 г. были опубликованы статьи, посвященные российско-белорусским отношениям. Авторы статей подчеркивают, что «Россия имеет колоссальное влияние на Беларусь: от финансово-экономического до социально-идеологического»¹¹, а также утверждают, что у российского руководства существуют планы объединения Беларуси и России¹². Вместе с тем Юрий Божич, автор статьи в журнале «Фокус», прогнозирует изменение внешнеполитического курса Беларуси в сторону расширения связей с ЕС¹³. Таким образом, украинские СМИ как правило транслируют позицию руководства Украины, которое рассматривает сотрудничество России и Беларуси исключительно в качестве потенциальной угрозы для своей страны. При этом анализ возможностей для развития двусторонних отношений Украины и Беларуси в этих статьях не рассматривается. События, касающиеся внутренней ситуации в Беларуси, также редко находят отражение в материалах украинских СМИ.

Итак, средства массовой информации Украины в основном склонны рассматривать Беларусь в качестве государства, находящегося под политическим контролем России. В то же время в украинском обществе образ Беларуси гораздо более многогранен, при этом культурная и языковая близость двух народов является важным фактором, который определяет положительное отношение большинства граждан Украины к соседней стране. Согласно результатам опроса, проведенного в июле 2018 г. социологической группой «Рейтинг», 74% жителей Украины положительно относятся к Беларуси¹⁴. По этому показателю Беларусь опережает другие государства и международные организации (так, к ЕС и Канаде положительно относятся 68% украинцев, к США – 58%). Кроме

¹¹ Пульша С. Білорусь на голці Москви [Электронный ресурс] // Тиждень. 04.11.2018. URL: <https://tyzhden.ua/World/222033> (дата обращения 27.11.2018).

¹² Яременко Б. Агрессивное поглощение Беларуси [Электронный ресурс] // Новое время. 26.12.2018. URL: <https://nv.ua/opinion/ahressivnoe-pohloshchenie-belarusi-2515331.html> (дата обращения 27.11.2018).

¹³ Божич Ю. Беларусь – не Россия: Почему Лукашенко резко вернулся на Запад [Электронный ресурс] // Фокус. 28.01.2019. URL: <https://focus.ua/world/418671-bolshe-chem-shantazh.html> (дата обращения 11.02.2019)

¹⁴ Суспільно-політичні настрої населення: липень 2018 [Электронный ресурс] // Соціологічна група «Рейтинг». С. 31. URL: http://ratinggroup.ua/files/ratinggroup/reg_files/rg_ukraine_072018_press.pdf (дата обращения 29.01.2019).

того, положительное отношение к Беларуси характерно для большинства жителей всех регионов Украины (от 67% на западе страны до 81% на востоке)¹⁵. При этом внешнеполитические ориентации большинства жителей Украины не предполагают интеграции с Беларусью. Например, о желании присоединиться к Евразийскому экономическому союзу (обозначен в опросе как «Таможенный союз») заявили лишь 11% украинцев¹⁶. Таким образом, представляется очевидным, что основной причиной столь теплого отношения к Беларуси являются в первую очередь социокультурные факторы.

В то же время положительный образ Беларуси не мог бы сформироваться исключительно под влиянием культурной и языковой близости двух народов. Вероятно, что для определенной части украинцев привлекательной оказывается и модель внутреннего развития Беларуси, предусматривающая развитие промышленности, сельского хозяйства, а также характеризующаяся существенным влиянием государства на экономические процессы. Положительный образ внутреннего устройства Беларуси, сформировавшийся у значительной части граждан Украины, подтверждается данными другого социологического исследования, проведенного в 2016 г. Так, из лидеров различных государств наиболее популярным стал президент Беларуси Александр Лукашенко, к которому положительно относились 63% жителей Украины¹⁷. Второе место заняла канцлер Германии Ангела Меркель (58%), на третьем – президент Литвы Даля Грибаускайте (51%). При этом отношении украинцев к Лукашенко не претерпевает существенных изменений: в 2014 г. его положительный рейтинг составлял 62%¹⁸. Однако региональные различия все же существуют: положительно относились к президенту Беларуси 51% жителей Западной Украины, 59% – Восточной, 67% – Центральной и 73% – Южной¹⁹. Существует также корреляция между положительным отношением к белорусскому лидеру и возрастом респондентов (от 57% среди украинцев в возрасте 18–49 лет до 74% украинцев старше 60 лет), а также уровнем их обеспеченности (61% среди обеспеченных и 66–68% среди

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. С. 27.

¹⁷ Ставлення українців до світових лідерів: січень 2016 [Электронный ресурс] // Соціологічна група «Рейтинг». С. 4. URL: http://ratinggroup.ua/files/ratinggroup/reg_files/rg_politics_012016.pdf (дата обращения 29.01.2019).

¹⁸ Там же. С. 6.

¹⁹ Там же. С. 7.

бедных и очень бедных)²⁰. Это может быть связано с тем, что люди старшего возраста и малообеспеченные граждане относятся к наименее защищенным группам населения и склонны выступать за увеличение полномочий государства в социальной и экономической сферах, а значит, им близки основные принципы внутренней политики Лукашенко.

На сегодняшний день Александр Лукашенко по-прежнему является наиболее авторитетным из лидеров зарубежных стран для украинцев. Накануне президентских выборов 2019 г. компания GfK Ukraine провела социологический опрос. Согласно его результатам, 13,4% жителей Украины считают, что будущий украинский президент должен брать пример с Лукашенко. На втором месте по-прежнему Ангела Меркель (9,8%), остальные зарубежные лидеры получили менее 5% поддержки (при этом около половины респондентов затруднились ответить на вопрос)²¹. По мнению эксперта украинского аналитического центра «Новая Европа» Сергея Солодкого, «белорусский лидер уже давно пользуется симпатиями части украинцев благодаря распространенному восприятию его как “хозяйственника, который и экономику поднял, и дороги отремонтировал”²². Здесь же следует отметить тот факт, что средняя зарплата жителей Беларуси по данным за 2018 г. существенно превышает среднюю зарплату в Украине²³. А по уровню реальных зарплат (показатель, который рассчитывается с учетом различий в потребительских ценах в разных странах) в 2018 г. Беларусь вышла на первое место среди всех стран СНГ²⁴.

Таким образом, положительное отношение украинцев к Беларуси складывается из ряда базовых компонентов, включающих социокультурную и языковую близость, а также общий исторический опыт. Помимо этого, социально-экономическая модель, присущая современной Беларуси, является положительным примером для значительной части жителей Украины. При этом внешнеполи-

²⁰ Там же. С. 8–9.

²¹ Как Лукашенко, только евроинтегратор: какого президента хотят украинцы [Электронный ресурс] // Европейська правда. 14.02.2019. URL: <https://www.eurointegration.com.ua/rus/articles/2019/02/14/7092813/> (дата обращения 20.02.2019).

²² Там же.

²³ Как отличаются зарплаты в Беларуси и соседних странах [Электронный ресурс] // Финансы TUT.BY. 31.08.2018. URL: <https://finance.tut.by/news604633.html?crnd=41287> (дата обращения 20.02.2019).

²⁴ Беларусь обогнала Украину по уровню реальной зарплаты [Электронный ресурс] // Фокус. 23.07.2018. URL: <https://focus.ua/economics/402388/> (дата обращения 20.02.2019).

тический курс современной Беларуси не является существенным фактором, влияющим на отношение украинцев к соседней стране. В то же время именно внешняя политика Беларуси оказывается в центре внимания украинских СМИ и официальных лиц Украины. Участие Беларуси в различных интеграционных объединениях с Россией (ЕАЭС, ОДКБ и др.), а также существование Союзного государства России и Беларуси рассматриваются большинством украинских политических деятелей и экспертов в качестве фактора, препятствующего развитию полноценных партнерских отношений Украины и Беларуси. Одновременно с этим в экономической сфере два государства продолжают реализовывать совместные проекты, отвечающие интересам обеих стран. Так или иначе, образ Беларуси в современной Украине не является однородным и окончательно сложившимся, поэтому можно предположить, что он еще будет формироваться под воздействием ряда политических, экономических и гуманитарных аспектов, определяющих отношения двух государств.

Литература

Бондарчик, Браим, Бураковская 1998 – *Бондарчик В.К., Браим И.Н., Бураковская Н.И.* Полесье: Материальная культура. Киев: Наукова думка, 1988. 448 с.

References

Bondarchik, V.K., Braim, I.N. and Burakovskaya, N.I. (1988), *Poles'e. Material'naya kul'tura* [Polesye. Material culture], Naukova dumka, Kiev, USSR.

Информация об авторе

Вадим М. Шнейдер, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; ГСП-3, 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; vadiksh92@gmail.com

Information about the author

Vadim M. Shneider, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, GSP-3, 125993; vadiksh92@gmail.com

Отношение к Украине в политической элите Чехии

Вадим В. Трухачев

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, vadimvts@mail.ru*

Аннотация. Происходящее на Украине и введенные из-за этого Евросоюзом антироссийские санкции вызывают огромный интерес у чешских политиков. Обсуждение данной темы шло на протяжении всех последних лет. Она нашла свое отражение и в ходе подготовки к парламентским выборам 2017 г., и в ходе президентской кампании 2018 г. По ней так или иначе высказались как представители всех девяти парламентских партий, так и основные претенденты на президентское кресло – Милош Земан и Иржи Драгош.

Интерес чешских политиков к Украине во многом мотивирован историческими связями чешского и украинского народов. В то же время отношение к происходящему на Украине во многом обусловлено членством Чехии в Евросоюзе и Североатлантическом альянсе. При этом отношения с Украиной чаще всего не рассматриваются как самостоятельное явление, а оцениваются в рамках отношений между Чехией и Россией, Евросоюзом и Россией, Организацией Североатлантического договора и Россией.

Чехию можно назвать страной, с пониманием относящейся к украинским чаяниям, выступающей за сохранение антироссийских санкций. В то же время данную чешскую поддержку Украины можно считать «поддержкой с оговорками», ибо в политической элите страны существует очень большой разброс мнений относительно современных украинских событий.

Ключевые слова: Чехия, Украина, антироссийские санкции, Милош Земан, Андрей Бабиш, Европейский союз

Для цитирования: Трухачев В.В. Отношение к Украине в политической элите Чехии // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2019. № 1. С. 76–90.

Attitude towards Ukraine in the political elite of Czechia

Vadim V. Trukhachev

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, vadimots@mail.ru*

Abstract. Current developments in Ukraine and the European Union's sanctions against Russia have a great interest among Czech politicians. The discussion of that topic has been going on over the past few years. It was reflected as in the preparations for the parliamentary elections in 2017, and during the presidential campaign in 2018. Both representatives of all nine parliamentary parties and the main contenders for the presidency Miloš Zeman and Jiří Dragoš – expressed themselves on the matter in one way or another.

The interest of Czech politicians in Ukraine is largely motivated by historical ties between the Czech and Ukrainian peoples. At the same time, the attitude to what is happening in Ukraine is largely derived from the Czechia's membership in the European Union and North Atlantic Treaty Organization. Moreover the relations with Ukraine are often not considered as an independent phenomenon, but are evaluated within the framework of relations between the Czech Republic and Russia, the European Union and Russia, North Atlantic Treaty Organization and Russia.

The Czech Republic can be called a country with an understanding of Ukrainian aspirations, advocating the maintenance of anti-Russian sanctions. At the same time, that Czech support for Ukraine can be considered a “support with reservations”, because there is a very wide range of opinions on current Ukrainian events in the political elite of the country.

Keywords: Czechia, Ukraine, anti-Russian sanctions, Miloš Zeman, Andrej Babiš, European Union

For citation: Trukhachev, V.V. (2019), Attitude towards Ukraine in the political elite of Czechia”. *RSUH/RGGU Bulletin. “Eurasian studies. History. Political science. International relations” Series*, no. 1, pp. 76-90.

События на Украине, как и введенные в связи с ними санкции Евросоюза (ЕС) против России, вызывают значительный интерес в Чехии. Этому есть несколько объяснений. Одно из них связано с историей. Так, свыше 100 лет Чехия вместе с Западной Украиной жили в составе Австрийской империи и Австро-Венгрии. В 1918–1939 гг. в состав Чехословакии входила современная Закарпатская область Украины, а в Праге имелась крупная община украинцев. Наконец, в XIX–XX вв. на территории Украины проживали десятки тысяч волынских чехов, ныне в массе своей вернувшихся на родину предков. Так что две славянские страны связывает множество нитей.

Помимо этого, чехи отчасти воспринимают современные украинские события сквозь призму собственного прошлого. При соединении Крыма к России, войну в Донбассе они сравнивают с 1938–1939 гг. (утратой части территории, затем и полной оккупацией Чехии Третьим рейхом), а также с подавлением Пражской весны 1968 г. С другой стороны, будучи жертвой нацистов, часть чехов отрицательно относится к восхвалению на Украине националистов, сотрудничавших с гитлеровцами и убивавших волынских чехов.

Связь Чехии с Украиной не ограничивается историей или языковым родством. На сегодняшний день украинские граждане – крупнейшая группа иностранцев в Чешской Республике. Только по официальным данным на 2017 г., их насчитывается 110 тыс., из них 29 тыс. чел. имеют вид на жительство (для сравнения: граждан России в стране постоянно находится втрое меньше). Украинцы составляют и крупнейшую группу тех, кто незаконно трудится на чешской земле¹.

Чешский подход к Украине во многом определяется членством страны в Евросоюзе и НАТО, на которое Чехия должна (или не должна, по мнению ряда политиков) опираться. Чешская дипломатия уделяет Украине видное место. На сайте Министерства иностранных дел Чешской Республики (далее – МИД ČR) в разделе «Чехия в Европейском союзе» отдельный подраздел посвящен программе ЕС «Восточное партнерство», большая часть которого наполнена сведениями о развитии отношений Евросоюза с Украиной и чешской роли в них².

Несмотря на то, что Украину и Чехию связывает очень многое, в основном чехи говорят об украинском направлении своей внешней политики не как о самостоятельном, а как о своего рода «приложении» к отношениям с Россией. Соответственно, в рамках оценок российской внешней политики порой рассматривается и все то, что происходит в Донбассе или на Украине в целом. Особое значение в этой связи придается введенным из-за

¹ Český statistický úřad (2019), “Cizinci v ČR podle státního občanství v letech 1994–2016”, available at: https://www.czso.cz/csu/cizinci/4-ciz_pocet_cizincu#cr (Accessed 2 Feb. 2019); Zpravodajský portál iDNES.cz (2017), “Cizinci předčili v práci načerno Čechy. Přicházejí z Ukrajiny i Vietnamu”, available at: https://ekonomika.idnes.cz/nelegalni-prace-v-cesku-cizinci-ukrajina-vietnam-f6p-ekonomika.aspx?c=A170117_122337_ekonomika_lve (Accessed 21 Dec. 2018).

² Ministerstvo zahraničních věcí ČR (2017), “Východní partnerství (VP)”, available at: https://www.mzv.cz/jnp/cz/zahranicni_vztahy/cr_v_evrope/vychodni_partnerstvi/index.html (Accessed 14 Nov. 2018).

украинских событий санкциям в отношении России, отменять которые Чехия пока не готова. Но относительно них единства мнений в стране не наблюдается [Трухачев 2017; Ведерников 2018; Dostál, Navlíček 2017].

Тема Украины и связанных с ней событий живо обсуждалась чешскими политиками все последние годы [Трухачев 2014; Трухачев 2015, с. 154–167; Трухачев 2018]. Не стала исключением и кампания, предшествовавшая выборам депутатов нижней палаты парламента (20–21 октября 2017 г.) и президента страны (первый тур 12–13 января, второй 26–27 января 2018 г.). При этом среди отдельных партий и кандидатов наблюдался огромный разброс мнений относительно того, кто прав и кто виноват в происходящем на Украине после 2013 г.

Наиболее последовательно в поддержку Украины выступает проевропейская либерально-консервативная партия «ТОП-09», набравшая на парламентских выборах чуть более 5% голосов. Ее почетный председатель, бывший глава МИД ЧР Карел Шварценберг в декабре 2013 г. выступал на Майдане в Киеве. В дальнейшем он не просто поддерживал антироссийские санкции, но и предлагал странам Запада поставить Украине наступательное вооружение, объяснив это так: «Российская армия дает повстанцам самое современное оружие. А в распоряжении Украины – только оружие советского времени»³. Весьма скептически оценивал он и Минские соглашения, опасаясь дальнейших действий России: «Путину нужна вся Украина. Он хочет подчинить себе всю страну... Будут Минск-3, Минск-4 <...> В конце концов, линия перемирия будет совпадать с украинско-польской границей. И только тогда на некоторое время наступит спокойствие. А судьба Украины будет решена»⁴.

Нашлось место отношениям с Украиной и в предвыборной программе партии 2017 г. Среди приоритетов ее внешней политики называется «усиление связей с восточноевропейскими странами, стремящимися к евроатлантической интеграции, – в особенности Украиной и Грузией». «Успех этих стран в сближении с Западом мог бы вдохновить и другие народы, живущие под ярмом автори-

³ Zpravodajský portál iDNES.cz (2015), “Schwarzenberg je pro zbraně Ukrajině. Povstalci je mají z Ruska, říká”, available at: http://zpravy.idnes.cz/schwarzenberg-je-pro-zbrane-ukrajine-povstalci-je-maji-z-ruska-rika-1pe-domaci.aspx?c=A150211_134421_domaci_kop (Accessed 14 Nov. 2018).

⁴ TOP 09: Oficiální web (2015), “Schwarzenberg: Putinovi jde o celou Ukrajinu”, available at: <http://www.top09.cz/co-delame/medialni-vystupy/schwarzenberg-putinovi-jde-o-celou-ukrajinu-18196.html> (Accessed 14 Nov. 2018).

тарных режимов»⁵. В ходе предвыборной полемики 2017 г. Шварценберг подчеркивал, что введенные из-за украинских событий санкции в отношении России ослаблять нельзя: «Санкции – одна из немногих возможностей эффективно противостоять агрессору, который <...> угрожает нашей безопасности так, как Владимир Путин... Нужно, чтобы наши политики оставались твердыми»⁶. Таким образом, по его мнению, Россия угрожает не только Украине, но и Чехии, и всей Европе.

В отличие от «ТОП-09» умеренно евроскептическая Гражданско-демократическая партия (далее – ГДП), получившая свыше 11% голосов избирателей, в своей программе об Украине не говорила. Но заместитель председателя ГДП Ян Заградил отмечал, что ее подходы к России и Украине в целом совпадают с ТОП-09, хотя гражданские демократы настроены к украинским властям критичнее. «Если говорить об Украине, наши различия невелики. Но у ГДП меньше иллюзий по поводу президента Порошенко и правительства <...>. В отличие от ТОП-09, мы не считаем их образцами подлинных демократов <...>. Их корни лежат в старой олигархической системе»⁷.

Тем не менее лидер ГДП Петр Фиала основную вину за происходящее на Украине возложил на Россию. «Россия является сегодня огромной угрозой безопасности. Она разрушила международный порядок, аннексировала Крым, не выполнила подписанные договоры, не уважает целостность Украины. Она обновила свои традиционные имперские амбиции и риторику холодной войны»⁸. По его мнению, антироссийские санкции необходимо продолжать, ибо в лице руководства РФ мир имеет дело с «авторитарным режимом, который понимает только силу», у которого нужно «вызвать

⁵ TOP 09: Oficiální web (2017), “Bezpečí a zahraniční politika”, available at: <https://www.top09.cz/proc-nas-volit/volebni-program/volebni-program-2017/3-bezpeci-a-zahranicni-politika-22528.html> (Accessed 14 Nov. 2018).

⁶ TOP 09: Oficiální web (2017), Schwarzenberg: Babiš se ohledně sankcí vybarvil do červena, available at: <https://www.top09.cz/codelame/komentare/schwarzenberg-babis-se-ohledne-sankci-vybarvil-do-cervena-23275.html> (Accessed 14 Nov. 2018).

⁷ Občanská demokratická strana: Oficiální web (2015), “Jan Zahradil: ČSSD a TOP 09 mají společnou zahraniční politiku – pokrytectví”, available at: <http://www.ods.cz/clanek/9921-cssd-a-top-09-maji-spolecnou-zahranicni-politiku-pokrytectvi-na-ukrajine-vladne-oligarchie-ale-v-rusku-to-neni-lepsi> (Accessed 14 Nov. 2018).

⁸ Občanská demokratická strana: Oficiální web (2015), “Kreml obnovuje své sféry vlivu”, available at: <http://www.ods.cz/clanek/9345-kreml-obnovuje-sve-sfery-vlivu-+-> (Accessed 14 Nov. 2018).

чувство изоляции и унижения достоинства, поставить его на колени и тем самым изменить его поведение»⁹.

Набравший на выборах почти 6% голосов консервативный проевропейский Христианско-демократический союз – Чешская народная партия (ХДС–ЧНП) – еще в 2015 г. на своем съезде принял постановление о «поддержке территориальной целостности Украины, осуждении российской агрессии»¹⁰. Чешские консерваторы высказались за санкции в отношении России, но в отличие от ТОП-09 приветствовали мирные соглашения в Минске¹¹. Непосредственно в предвыборной программе консерваторов 2017 г. об Украине ничего не говорилось, но лидер партии Павел Белобрадек четко обозначил свой подход к антироссийским санкциям: «Я осуждаю аннексию Крыма <...>. Санкции против России должны продолжаться до тех пор, пока не будут выполнены Минские соглашения»¹².

Получившая чуть более 5% голосов либеральная партия «Стабильности и независимости» в своей предвыборной программе прямо указала, что «основное внимание во внешней политике Чехии должно быть обращено к Украине, Грузии, Армении, Молдавии и Балканам», «основой внешней политики будет особое внимание к соблюдению прав человека и демократических норм в мире» [Трухачев 2018]. Ее лидер Петр Газдик поддержал антироссийские санкции, увязав их с выполнением Минских соглашений. «Есть Минские соглашения, где ясно установлено, что должна Россия (или обе стороны конфликта) сделать, чтобы санкции отменили. Я думаю, что ЕС и мы были бы идиотами, если бы отказались от санкций вопреки невыполнению Минских соглашений» [Трухачев 2018].

⁹ Občanská demokratická strana: Oficiální web (2016), “Rozhovor pro Pravý břeh: Dnes přicházíme o bezpečnost, zítra to bude demokracie”, available at: <https://www.ods.cz/clanek/12249-rozhovor-pro-pravy-breh-dnes-prichazime-o-bezpecnost-zitra-to-bude-demokracie> (Accessed 14 Nov. 2018).

¹⁰ Křesťanská a demokratická unie – Československá strana lidová (KDU-ČSL): Oficiální web (2015), “Ukrajina musí být svobodná, mírová a jednotná”, available at: <https://www.kdu.cz/aktualne/archiv/2015/ukrajina-musi-byt-svobodna-mirova-a-jednotna> (Accessed 14 Nov. 2018).

¹¹ Křesťanská a demokratická unie – Československá strana lidová (KDU-ČSL): Oficiální web (2015), “Usnesení Sjezdu KDU-ČSL 2015”, available at: <http://kdu.cz/o-nas/dokumenty/usneseni/sjezd/usneseni-sjezdu-2015> (Accessed 11 April 2018).

¹² Křesťanská a demokratická unie – Československá strana lidová (KDU-ČSL): Oficiální web (2017), “Jsem zklamán, že prezident České republiky selhal v prosazování národních zájmů”, available at: <https://kdu.cz/aktualne/zpravy/pavel-belobradek-jsem-zklamán-ze-prezident-ceske-r> (Accessed 11 April 2018).

Таким образом, среди сил, твердо настаивающих на сохранении введенных из-за ситуации на Украине антироссийских мер воздействия, можно выделить как откровенно проукраинские и анти-российские, так и более умеренные. К числу первых, сравнивающих поведение России на Украине с самыми мрачными событиями прошлого, относится ТОП-09, к ним в значительной степени при- мыкает ГДП. В то же время ХДС–ЧНП и «Старосты и независи- мые» менее склонны к резкой риторике, отсылки к черным страни- кам истории они не делали. Данные силы предпочли делать упор не на агрессивной природе России и полной поддержке Украины, а на выполнении Минских соглашений. Их подход созвучен тому, что исповедуют последние годы руководители ЕС, Германии и Франции, так что эти силы можно считать «умеренно проукраин- скими» или же теми, кто следует в русле согласованной политики Евросоюза.

Среди чешских политических сил преобладают те, кто кри- тически оценивает политику России и в целом поддерживает Украину. Однако внутри данной группы существуют разные мнения относительно того, следует ли поддерживать антироссий- ские санкции, которые не приносят должного эффекта и вредят чешской (и европейской в целом) экономике.

Примером подобной политической силы можно считать входящую в правящий блок Социал-демократическую партию, набравшую в 2017 г. около 7% голосов. В ее программе одной из главных целей внешней политики называется приближение к ЕС стран «Восточного партнерства». Вместе с тем социал- демократы хотели бы «поддерживать хорошие стратегические отношения с глобальными великими державами – США, Китаем и Россией»¹³.

Среди высокопоставленных социал-демократов наиболее жестко настроен по отношению к России бывший глава МИД Чехии Любомир Заоралек. Он сравнил российскую полити- ку в отношении Украины с самыми неприятными страницами чешской истории – правда, прямо не называя конкретные собы- тия прошлого. «Уважение границ – жизненно необходимая для государства вещь. То, что творится в Донбассе, где стоят тысячи российских военных, что-то нам, чехам, напоминает»¹⁴.

¹³ Česká strana sociálně demokratická (ČSSD): Oficiální web (2017), *ЭДobrá země pro život. Volební program ČSSD pro volby 2017*, available at: <https://www.cssd.cz/data/files/program-210x210-seda.pdf> (Accessed 18 Dec. 2018).

¹⁴ Česká strana sociálně demokratická (ČSSD): Oficiální web (2017) «Víte, proč Andrej Babiš vymyslel kauzu lithium? Protože nechce, aby se

Он заявил о поддержке санкций, считая, что их «постепенная отмена обусловлена конкретными шагами по выполнению Минских соглашений»¹⁵.

Сторонником санкций был и бывший премьер-министр Чехии Богуслав Сobotка, но он в своих высказываниях был более сдержанным. «Соблюдение Минских соглашений – единственный рациональный путь разрешения конфликта на востоке Украины <...>. Было бы неправильно, если бы мы начали поставлять на Украину оружие <...>. Нам нужно сосредоточиться на том, как преодолеть кризис и улучшить отношения между Россией и Евросоюзом, которые остаются напряженными в связи с поведением России на Украине»¹⁶.

Со своей стороны, председатель сената парламента Чехии Милан Штех в 2015 г. также критиковал действия РФ, отметив, что «Россия опять приступила к агрессивным действиям и заняла часть территории Украины – Крым»¹⁷. Но уже спустя два года он дал понять, что несмотря на это выступает за отмену антироссийских ограничений. По мнению Штеха, за годы санкций прямые инвестиции в РФ выросли, что обесценило санкции: «И эти прямые инвестиции позволяют россиянам нарастить производственные мощности и заменить то, что раньше они ввозили, например, из Чехии»¹⁸.

В программе победившей на выборах 2017 г. с почти 30% партии «Действие недовольных граждан» (по-чешски – Akce nespokojených občanů, ANO) прямо об Украине не говорилось.

mluvilo o jeho kauzách”, available at: <https://www.cssd.cz/media/cssd-v-mediich/1-zaoralek-z-ano-jsme-pacili-penize-na-duchody-heverem/> (Accessed 18 Dec. 2018).

¹⁵ Břešťan, R. (2016), *Sankce proti Rusku mají pokračovat nejméně do konce ledna 2017*, [Online], available at: <http://hlidacipes.org/sankce-proti-rusku-maji-pokracovat-nejmene-do-konce-ledna-2017/> (Accessed 18 Dec. 2018).

¹⁶ Server Novinky.cz (2015), “Sobotka: Konec protiruských sankcí až po naplnění minských dohod”, available at: <http://www.novinky.cz/domaci/369175-sobotka-konec-protiruskych-sankci-az-po-naplneni-minskych-dohod.html> (Accessed 21 Dec. 2018).

¹⁷ Šulová, K. (2015), “Štech i Sobotka vidí paralelu mezi srpnem 1968 a událostmi na Ukrajině”, [Online], available at: <http://www.ceskatelevize.cz/ct24/domaci/1571107-stech-i-sobotka-vidi-paralelu-mezi-srpnem-1968-a-udalostmi-na-ukrajine> (Accessed 21 Dec. 2018).

¹⁸ Parlamentní listy (2017), “Šéf Senátu Štech: Sankce proti Rusku jsou pokrytecké”, available at: <http://www.parlamentnilisty.cz/arena/monitor/Sef-Senatu-Stech-Sankce-proti-Rusku-jsou-pokrytecke-481406> (Accessed 21 Dec. 2018).

В то же время ее лидер, нынешний премьер-министр Чехии Андрей Бабиш, высказывался о ней не раз. В 2015 г. он поддерживал антироссийские санкции (но высказывался против поставок Украине оружия), проводя ясные исторические параллели: «Мы не согласимся с разделением Украины <...>. Такую ситуацию мы хорошо помним <...>. Она касалась Чехословакии, и имела место в 1938 г.»¹⁹ Однако ближе к выборам 2017 г. отношение Бабиша к санкциям изменилось: «Россия – агрессор. Она захватила Крым, ЕС ввел санкции. Санкции не заставили Россию уйти из Крыма. Теперь большой вопрос, что делать с ними дальше»²⁰.

Бывший глава МИД и министр обороны Чехии Мартин Стропницкий последовательно поддерживал Украину. В мае 2017 г. он заявлял: «Чехия поддерживает европейское и евроатлантическое устремление страны. Независимая и стабильная Украина – ключевой фактор безопасности в евроатлантическом регионе»²¹. Он однозначно выступал за продление антироссийских санкций: «Это общий политический жест <...>. Санкции – не панацея, но мы должны продолжить их действие»²². Однако в АНО имелись и противоположные мнения. Депутат парламента от партии Станислав Берковец отмечал, что «отмена санкций – это вопрос здравого смысла <...>. Санкции – неэффективный механизм, потворствующий лишь развитию нелегальной торговли»²³.

¹⁹ Server Novinky.cz (2015), “Rozdělení Ukrajiny by bylo jako obětování Československa z roku 1938, míní Babiš”, available at: <http://www.novinky.cz/domaci/363482-rozdeleni-ukrajiny-by-bylo-jako-obetovani-ceskoslovenska-z-roku-1938-mini-babis.html> (Accessed 21 Dec. 2018).

²⁰ Hospodářské Noviny (2017), “Ekonomické sankce proti Rusku jsou k ničemu, tvrdí Andrej Babiš”, available at: <https://archiv.ihned.cz/c1-65903840-ekonomicke-sankce-proti-rusku-jsou-k-nicemu-a-neucinne-rikapradepodobny-budouci-premier-andrej-babis> (Accessed 21 Dec. 2018).

²¹ Parlamentní listy (2017), “Ministr Stropnický jednal v Kyjevě: O dodávkách zbraní a výcviku vojáků pro boj se separatist”, available at: <https://www.parlamentnilisty.cz/arena/monitor/Ministr-Stropnický-jednal-v-Kyjeve-O-dodavkach-zbrani-a-vyvcviku-vojaku-pro-boj-se-separatisty-489907> (Accessed 21 Dec. 2018).

²² Břešťan, R. (2017), *Martin Stropnický: Sankce proti Rusku nejsou všelék, ale mají pokračovat*, [Online], available at: <https://hlidacipes.org/martin-stropnický-sankce-rusku-nejsou-vselek-maji-pokracovat/> (Accessed 21 Dec. 2018).

²³ Лару Д. Чешский парламент собирает голоса против антироссийских санкций [Электронный ресурс] // Известия. 2017. 30 окт. URL: <https://iz.ru/662643/dmitrii-laru/cheshskii-parlament-sobiraet-golosa-protiv-antirossiiskikh-sanktcii> (дата обращения 21.12.2018).

Он также отказался считать политику России агрессивной: «На мой взгляд, она носит оборонительный характер»²⁴.

В программе Пиратской партии, заручившейся поддержкой почти 11% избирателей, об Украине не говорится. Председатель партии Иван Бартош признавал наличие в партии разных точек зрения по поводу событий на Украине и сам выступил достаточно противоречиво. «В 2014 г. мы высказались по поводу российской оккупации Крыма, которую мы осудили. Сегодня действуют санкции против России, которые ничего не решают <...>. Но если санкции – единственный способ мирного решения конфликта, мы их поддержим»²⁵.

К числу тех, кто резко отрицательно воспринимает политику нынешних украинских властей, относится Коммунистическая партия, набравшая на последних чешских парламентских выборах около 8% голосов. В ее программе об Украине прямо не говорится, но ее представители не раз высказывались на эту тему. В 2015 г. лидер чешских коммунистов Войтех Филип выступил против договора об ассоциации между ЕС и Украиной, выразив недовольство героизацией украинских националистов: «Украинское правительство не выполняет взятые обязательства <...>. Мы помним <...> как в 1943 г. бандеровцы сожгли на Украине деревню Чешский Малин <...>. Мы помним об этом, давая оценку деятельности правительства Арсения Яценюка»²⁶.

В ходе последней предвыборной кампании Филип высказался за отмену антироссийских санкций. «Санкции очень неэффективны. Меня крайне раздражает то, что их поддерживают европейские и чешские политики»²⁷. Его однопартиец Яромир Когличек разъяснил точку зрения Компартии на этот вопрос, признав присоеди-

²⁴ VlasteneckéNoviny.cz. (2016), “Stanislav Berkovec (ANO): Ruska se bát nemusíme, jeho politika je obranná”, available at: <http://www.vlasteneckenoviny.cz/?p=166619> (Accessed 21 Dec. 2018).

²⁵ Bohuslavová, R. (2017), *Předseda Pirátů Bartoš: Nejsme vítací migrantů a jít do vlády se nebojíme* [Online], available at: <https://www.novinky.cz/domaci/451459-predseda-piratu-bartos-nejsme-vitaci-migrantu-a-jit-do-vlady-se-nebojime.html> (Accessed 21 Dec. 2018).

²⁶ Sputnik Česká republika (2015), “Vojtěch Filip: Návrh asociační dohody Ukrajiny s EU nepodpořím”, available at: <http://cz.sputniknews.com/ceskarepublika/20150519/411545.html#ixzz3k3JrzKD2> (Accessed 21 Dec. 2018).

²⁷ iROZHLAS.cz (2017), “Protiruské sankce jsou neefektivní. Evropské země na ruském trhu nahradily Spojené státy, říká Filip”, available at: https://www.irozhlas.cz/volby/protiruske-sankce-jsou-neefektivni-evropske-zemena-ruskem-trhu-nahradily_1709091200_ako (Accessed 21 Dec. 2018).

нение к России законным: «Крым не был аннексирован <...> его в соответствии со всеми нормами сделали частью РФ <...>. Если бы не Майдан в Киеве, переворот на Украине и языковые законы (отмена регионального статуса русского языка. – В. Т.), ничего бы такого не было»²⁸.

Столь же резко отрицательно по отношению к современной Украине настроена ратующая за выход из ЕС и НАТО националистическая партия «Свобода и прямая демократия», имеющая репутацию пророссийской и заручившаяся поддержкой свыше 10,5% избирателей. В ее программе непосредственно об Украине не говорилось, но ее лидер Томио Окамура (чех по матери и японец по отцу – В. Т.) однозначно отверг антироссийские санкции, введенные из-за ситуации на Украине. «Глупые действия ЕС заставили Россию переориентировать экономику на восток <...>. Желание наказать Россию за преступления украинских фашистов <...> обернулось презрением к любой справедливости»²⁹.

В том, что происходит на Украине, Окамура прямо обвинил США, а украинское руководство сравнивал с фашистами. «Мы стоим на грани большой европейской войны, которую <...> развязывают на Украине США. Они вложили в “майдан” сотни миллионов долларов с целью втянуть Украину в свою сферу влияния <...>. Украинские фашисты <...> вызвали панику в русских областях Украины, а антироссийские и русофобские законы привели к референдуму об отделении Крыма <...>. Затем Украина начала бомбардировки других территорий, захотевших порвать с ней, и началась гражданская война»³⁰.

Следует отметить, что обе политические силы последовательно выступают за налаживание отношений с Россией, последовательно критикуют введенные против нее ограничительные меры. Современная Украина отрицательно воспринимается ими не только с точки зрения сегодняшних событий, но и сквозь призму исторических травм чехов, переживших нацистскую оккупацию

²⁸ iROZHLAS.cz (2018) “Krym nebyl anektován a protiruské sankce je třeba obházet, vyzývá komunista Kohlíček”, available at: https://www.irozhlas.cz/zpravy-domov/jaromir-kohlícek-ksem-krym-ukrajina-rusko-ruske-zajmy-anexe_1808082101_haf (Accessed 21 Dec. 2018).

²⁹ Tomio Okamura: Webová stránka (2016), “Sankce vůči Rusku byly od počátku naprostá hloupost”, available at: <http://www.tomio.cz/aktuality/sankce-vuci-rusku-byly-od-pocatku-naprosta-hloupost/> (Accessed 21 Dec. 2018).

³⁰ ParlamentniListy.cz (2015), “Okamura (Úsvit): Rok od vypuknutí událostí na Majdanu”, available at: <https://www.parlamentnilisty.cz/politika/politici-volicum/Okamura-Usvit-Rok-od-vypuknuti-udalosti-na-Majdanu-363331> (Accessed 21 Dec. 2018).

и болезненно воспринимающих героизацию сотрудничавших с нацистами украинских националистов.

Основной соперник действующего президента Милоша Земана Иржи Драгош, получивший во втором туре свыше 48%, об Украине говорил мало. В то же время его можно считать проукраинским политиком, поскольку он резко критиковал Россию за ее политику на украинском направлении и поддерживал антироссийские ограничительные меры. «Захват Крыма Россией является нарушением основных международных норм <...>. Санкции стали логичным следствием данной ситуации. Я не вижу причин, по которым эти санкции нужно отменить»³¹. Также он заступился за двух украинских активисток из движения «Фемен», напавших на Земана в ходе голосования 12 января 2018 г. По мнению Драгоша, они сильно рисковали жизнью, ведь охрана главы государства могла их застрелить. Он также призвал не наказывать девушек³².

Переизбранный на второй срок Земан (он набрал свыше 51% голосов во втором туре) больше остальных чешских политиков высказывался непосредственно по украинской теме, и отнюдь не всегда делал ее частью обсуждения действий России. Он стал одним из немногих европейских политиков, еще в 2014 г. критически отзывавшихся о пришедших тогда во власть украинских политиках: «Здесь воюют бандиты с бандитами. Украине нужен сильный лидер, а не кто-нибудь из бандитов, правивших раньше, даже если это женщина с ангельским лицом и косой (имеется в виду Юлия Тимошенко. – В. Т.)»³³. Он также высказывался в поддержку идеи о децентрализации Украины³⁴.

Чешский президент также высказал недовольство тем, что на Украине героизируют сотрудничавших с нацистами лидеров

³¹ Pučelík, K. (2017), *Nevidím důvod pro rušení sankcí proti Rusku, říká prezidentský kandidát Jiří Drahoš* [Online], available at: <http://zpravy.e15.cz/domaci/politika/nevidim-duvod-pro-ruseni-sankci-proti-rusku-rika-prezidentsky-kandidat-jiri-drahos-1331135> (Accessed 21 Dec. 2018).

³² Nová republika (2018), Drahoš vyjádřil obavy o život aktivistky..., available at: <http://www.novarepublika.cz/2018/01/drahos-vyjadril-obavy-o-zivot.html> (Accessed 21 Dec. 2018).

³³ Кукал Л. На Украине воюют бандиты с бандитами, считает президент Земан [Электронный ресурс] // Radio Praha: Русская служба. 16.04.2014. URL: <http://radio.cz/ru/rubrika/novosti/na-ukraine-voyuyut-bandity-s-banditami-schitaet-prezident-zeman> (дата обращения 16.04.2018).

³⁴ Сенат Чехии не будет порицать заявления президента в поддержку России [Электронный ресурс] // Досье Kiev. 11.12.2015. URL: <https://dosie.su/politika/23098-senat-chehii-ne-budet-poricat-zayavleniya-prezidenta-v-podderzhku-rossii.html> (дата обращения 16.04.2018).

националистов. «Степан Бандера намеревался создать на Украине вассальное Рейху государство. У него была поддержка Альфреда Розенберга <...>. Роман Шухевич прославился тем, что участвовал в 1941 г. в уничтожении 15 тысяч евреев Львова <...> Национальные герои должны быть иными»³⁵. Он признал вхождение Крыма в состав РФ и в качестве решения вопроса предложил России выплатить Украине компенсацию: «Если будет диалог между Россией и Украиной, я считаю, что тогда можно задуматься о компенсации за Крым, финансовой компенсации или же компенсации в форме поставок нефти или газа»³⁶.

С 2014 г. Земан выступает за отмену ограничений, введенных в отношении России Евросоюзом. «Санкции не только не действуют, они сами по себе контрпродуктивны. Они нагнетают напряженность, вместо того чтобы вести дело к разрядке»³⁷. Таким образом, его можно назвать достаточно лояльным к России политиком, готовым воспринять российские доводы. И его, в отличие от Драгоша, можно считать последовательным критиком современной Украины.

Итак, украинская тема вызывает немалый интерес в Чехии – по ней высказывались представители всех ведущих политических сил. Однако считать ее одной из ключевых в чешской политике не стоит. Большинство партий ее в своих программах не упоминают, а высказывания по украинскому вопросу в большинстве случаев представляют собой часть оценки политики России и отношений с ней, а не самостоятельный сюжет. (Много высказывавшийся по собственному украинскому вопросу президент Земан выглядит здесь исключением.) И отношение к Украине во многом отталкивается от того, как та или иная политическая сила или кандидат в президенты воспринимают политику РФ или антироссийские санкции. А такой сюжет, как наличие в Чехии сотен тысяч украинских гастарбайтеров, вообще не является существенным для чешской политики.

В целом среди чешских политиков преобладает сочувствие к Украине, потерявшей часть собственной территории, и именно

³⁵ Miloš Zeman – prezident České republiky, Facebook (2015), available at: <https://www.facebook.com/prezidentcr/posts/789214857827608> (Accessed 21 Dec. 2018).

³⁶ Президент Чехии предложил России заплатить Украине за Крым [Электронный ресурс] // РИА Новости. 10.10.2017. URL: <https://ria.ru/world/20171010/1506569366.html> (дата обращения 16.04.2018).

³⁷ Server Novinky.cz (2015), “Evropská unie by mohla zrušit protiruské sankce do konce roku, míní Zeman”, available at: <http://www.novinky.cz/domaci/369099-evropska-unie-by-mohla-zrusit-protiruske-sankce-do-konce-roku-mini-zeman.html> (Accessed 14 April 2018).

такие партии получают на выборах большинство голосов. Очень часто они воспринимают это сквозь призму драматических страниц чешской истории. В то же время только партию ТОП-09 можно считать абсолютным и безоговорочным сторонником нынешнего украинского руководства, готовым даже на поставки ей оружия. Кандидата в президенты И. Драгоша, ГДП, ХДС–ЧНП и партию «Старосты и независимые» в большей степени можно отнести к последовательным критикам России и сторонникам санкций, нежели к тем, кто горячо поддерживает Украину саму по себе. А внутри социал-демократов, партии АНО и «пиратов», несмотря на симпатии к Украине, и вовсе имеются сомнения относительно того, стоит ли продолжать политику санкций.

Кроме того, в Чехии имеются политики и партии, настроенные к Украине весьма критически. Президент М. Земан, коммунисты и националисты тоже активно ссылаются на историческое прошлое, чтобы показать неприглядную, с их точки зрения, сторону современной украинской власти. Параллельно данные политические силы выступают за то, чтобы снять с России все ограничения, введенные в связи с ситуацией на Украине. И маргинальными эти силы не назовешь: коммунисты и националисты в сумме имеют около 18% голосов избирателей, а критика Земаном Украины и санкций и вовсе не помешала ему остаться на высшем государственном посту.

Таким образом, можно говорить о том, что в чешской политической элите, да и в общественном восприятии событий на Украине имеют место противоречия и даже определенный раскол. В целом к политике России чехи относятся критически, страна (несмотря на возражения Земана) поддерживает санкции, однако о безоговорочной поддержке политики Украины в Чехии говорить не приходится. Скорее это «поддержка с оговорками».

Литература

- Ведерников 2018 – *Ведерников М.* Каким путем пойдет Чехия? [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам (РСМД). 15.01.2018. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kakim-putem-poydet-chehiya/> (дата обращения 12.12.2018).
- Трухачев 2014 – *Трухачев В.В.* Вишеград: раскол вокруг России и Украины [Электронный ресурс] // Перспективы. 31.08.2014. URL: http://www.perspektivy.info/oykumena/krug/vishegrad_raskol_vokrug_rossii_i_ukrainy_2014-08-31.htm (дата обращения 12.12.2018).
- Трухачев 2017 – *Трухачев В.* Чехия: раскол из-за антироссийских санкций [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам (РСМД). 04.12.2017. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/chehiya-raskol-iz-za-antirossiyskikh-sanktsiy/> (дата обращения 12.12.2018).

- Трухачев 2015 – *Трухачев В.В.* Чешские политики об Украине и антироссийских санкциях: огромный разброс мнений // Россия и Центральная Европа в новых геополитических реальностях: Сборник статей / Под ред. Л.Н. Шишелиной. М.: Наука, 2015. 280 с.
- Трухачев 2018 – *Трухачев В.В.* «Российский» раскол Чехии [Электронный ресурс] // Перспективы. 31.10.2018. URL: http://www.perspektivy.info/oykumena/politika/rossijskij_raskol_chehii_2018-10-31.htm (дата обращения 13.01.2019).
- Dostál, Havlíček 2017 – Dostál, V. and Havlíček, P. (2017), *Rusko ve volebních programech politických stran* [Online], available at: https://www.amo.cz/wp-content/uploads/2017/09/AMO_rusko-ve-volebnich-programech-politickyh-stran.pdf (Accessed 28 April 2018).

References

- Dostál, V. and Havlíček, P. (2017), “Rusko ve volebních programech politických stran”, available at: https://www.amo.cz/wp-content/uploads/2017/09/AMO_rusko-ve-volebnich-programech-politickyh-stran.pdf (Accessed 28 April 2018).
- Trukhachev, V. (2015), “Cheshskie politiki ob Ukraine i antirossijskikh sanktsiyakh: ogromnyi razbros mnenii” [Czech politicians on Ukraine and anti-russian sanctions: enormous difference in opinions], in Shishelina, L.N. (ed.), *Russia and Central Europe in the new geopolitical Realities*, Nauka, Moscow, Russia, pp. 154-67.
- Trukhachev, V. (2017), “Chehiya: raskol iz-za antirossijskikh sankcij” [Czechia: the split, caused by anti-russian sanctions], Russian Council on International Affairs (RCIA) 04.12.2017, available at: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/chekhiya-raskol-iz-za-antirossijskikh-sanktsiy/> (Accessed 12 Dec. 2018).
- Trukhachev, V. (2014), “Vishegrad: raskol iz-za Rossii i Ukrainy” [Vyšehrad: the split, caused by Russia and Ukraine], Perspectives. 08/31/2014, available at: http://www.perspektivy.info/oykumena/krug/vishegrad_raskol_vokrug_rossii_i_ukrainy_2014-08-31.htm (Accessed 12 Dec. 2018).
- Trukhachev, V. (2018), “*Rossijskii*” *raskol Chehii* [The Russian split of Czech Republic], available at: http://www.perspektivy.info/oykumena/politika/rossijskij_raskol_chehii_2018-10-31.htm (Accessed 13 Jan. 2019).
- Vedernikov, M. (2018), “Kakim putyom pojdyot Chehiya?” [Which way for Czechia?], available at: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kakim-putem-poydet-chekhiya/> (Accessed 12 Dec. 2018).

Информация об авторе

Вадим В. Трухачев, кандидат исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; ГСП-3, 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; vadimvts@mail.ru

Information about the author

Vadim V. Trukhachev, Cand. of Sci. (History), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, GSP-3, 125993; vadimvts@mail.ru

Российская «мягкая сила» и соотечественники, проживающие за рубежом

УДК 325

Векторы российской политики в отношении соотечественников, проживающих за рубежом

Ирина Е. Ханова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, irkh_76@mail.ru*

Аннотация. Сущность понятия «Русский мир» отражает сложное явление. Границы Русского мира включают в себя все пространства и территории, где живут бывшие россияне и их потомки, распространяясь на большинство стран мира. Российская диаспора – это диаспора дальнего и ближнего зарубежья, это те люди, которые оказались вне России, но сохранили духовную, языковую, культурную связь со своей родиной. Сотрудничество с ними является одним из приоритетных направлений российской внешнеполитической активности. Государственная политика Российской Федерации по отношению к русской диаспоре учитывает национально-политические и этнокультурные особенности как самой диаспоры, так и тех стран, в которых проживают наши соотечественники. Внешнеполитический курс по отношению к Русскому миру выстраивается на основе представлений о нем как о значимом партнере, чьи интересы тесно связаны с российским государством, а их реализация в полной мере отвечает актуальным задачам национальной безопасности России. Поддерживая соотечественников, проживающих за рубежом, Российская Федерация в первую очередь обеспечивает правовую защиту их интересов, стремится создать для них такие условия, при которых они могут в качестве равноправных граждан работать и жить в иностранных государствах или вернуться в Россию.

Ключевые слова: Русский мир, миграция, диаспора, соотечественник, российское зарубежье, правовая защита

Для цитирования: Ханова И.Е. Векторы российской политики в отношении соотечественников, проживающих за рубежом // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2019. № 1. С. 91–99.

© Ханова И.Е., 2019

Vectors of Russian policy towards compatriots living abroad

Irina E. Khanova

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, irkh_76@mail.ru*

Abstract. The essence of the concept of “Russian world” reflects a complex phenomenon. The boundaries of the Russian world include all the spaces and territories where former Russians and their descendants live, spreading to much of the world. The Russian Diaspora is a diaspora of the far and near abroad, these are people who happened to be outside of Russia, but retained the spiritual, linguistic and cultural ties with their homeland. Cooperation with them is one of the priorities of Russian foreign policy activity. The state policy of the Russian Federation in relation to the Russian Diaspora takes into account the national, political and ethno-cultural peculiarities of both the Diaspora and the countries in which our compatriots live. The foreign policy course towards the Russian world is built on the basis of ideas about it as a significant partner, whose interests are closely connected with the Russian state, and their implementation fully meets the urgent tasks of national security of Russia. By supporting compatriots living abroad, the Russian Federation primarily ensures the legal protection of their interests and seeks to create conditions for them in which they can work and live as equal citizens in foreign countries or return to Russia.

Keywords: Russian world, diaspora, migration, compatriot, Russian abroad, legal protection

For citation: Khanova, I.E. Vectors of Russian policy towards compatriots living abroad. *RSUH/RGGU Bulletin. “Eurasian studies. History. Political science. International relations” Series.* Vol. 1, pp. 91-99.

Российский зарубежный мир занимает особое место в системе международных связей и миграционных процессов, которое в течение долгого времени складывалось под влиянием различных событий: революций, реформ, войн, а также распада СССР.

Каждый период развития российского зарубежья имел своих лидеров, среди которых А.И. Герцен, П.Н. Врангель, А.И. Солженицын и другие. Их деятельность и позиция по отношению к России влияли на восприятие зарубежной России в других государствах и на родине.

Большинство из оставшихся в других государствах российских интеллигентов не были склонны ассимилироваться в иностранной культуре. Их мнение о самобытности русской культуры только укреплялось, что и способствовало формированию внутренней целостности русской культуры за рубежом. В то же время

эмигранты из России овладевали иностранными языками и проявляли исключительные способности к выживанию в других странах, сохраняя свое диаспоральное сознание.

Распад СССР, являясь глобальной геополитической катастрофой, способствовал возникновению нового явления. Данное событие превратило всех русскоязычных людей в бывших республиках Союза в диаспору, сформировав «Новое зарубежье». Данное явление добавило дополнительных сложностей для Российской Федерации в вопросах налаживания отношений между государствами. России стало тяжелее поддерживать авторитет на международной арене и внутреннюю стабильность в стране. Почти 30 лет назад начался процесс активного «возвращения» в Россию ее зарубежного мира.

В результате распада СССР после 1991 г. происходит заметный рост российского зарубежья, начинается создание его новых культурных и общественно-политических центров. На территории стран ближнего зарубежья к 1991 г. оказались представители множества народов, исторической родиной которых была многонациональная Россия. На это повлияло то, что пространство России на протяжении столетий формировалось под влиянием множества внешних и внутренних миграционных потоков. Вхождение в состав Российской империи Грузии, Армении, Азербайджана, колониаторская политика России на Кавказе и в Средней Азии, дальнейшие исторические реалии XX в. способствовали развитию миграционных движений ряда этносов на российскую территорию.

Во внешней политике Российской Федерации в последнее время проявляется все большая ориентированность на национальные интересы страны. Больше внимания во внешней политике уделяется и нашим соотечественникам. В Концепции внешней политики России от 30 ноября 2016 г. обозначены ее основные задачи, которые решаются с ориентиром на международное право и международные договоры Российской Федерации. Это:

- обеспечение защиты прав и законных интересов проживающих за рубежом соотечественников;
- сохранение самобытности российской диаспоры и ее связей с исторической Родиной;
- обеспечение защиты прав и законных интересов граждан России в других странах;
- помощь соотечественникам, которые по собственному желанию хотят вернуться в Россию;
- поощрение объединения проживающих за границей соотечественников для эффективной реализации их прав в государствах проживания;
- оказание поддержки российским образовательным учреждениям в других странах, помощь филиалам этих организаций;

- помощь в вопросах изучения и распространения русского языка
- инструмента для межнационального общения и важной части мировой культуры;
- развитие на межгосударственном уровне гуманитарных и культурных связей славянских народов¹.

Бывшие россияне и их потомки проживают на обширных пространствах и территориях по всему земному шару. В таких странах, как Австралия, Англия, Германия, США, Франция и других действуют «русские дома», есть храмы, библиотеки и школы для детей российских соотечественников. В том числе имеются уникальные объекты вроде крепости Форт-Росс, монастыря в американском Джорданвилле, кладбища Сен-Женевьев-де-Буа и другие, которые долгое время считаются в зарубежном мире именно российскими местами.

Современный русский мир как явление весьма неоднороден и, с одной стороны, характеризуется стремлением к изучению русского языка и культуры России, а с другой – наблюдается стремление к скорейшей ассимиляции в новой стране проживания.

Вместе с тем Русский мир является общим пространством для людей, причастных к российской культуре, русскому языку и России ментально и духовно. В настоящий момент вне пределов России насчитывается около 35 млн человек, считающих себя русскими. По мнению почти 60 млн человек за пределами Российской Федерации русская культура является для них родной. Каждый год в России уделяют все больше внимания людям, желающим узнать о стране, несмотря на их нахождение на удалении от своей родины. Идея большого Русского мира, ее роль и значимость подчеркивалась в выступлениях президента Российской Федерации. В частности, во время выступления на Всемирном конгрессе в 2015 г. Владимир Путин отмечал, что одним из приоритетов для страны остается поддержка соотечественников. Президент говорил, что это поле для совместных усилий общественных организаций и государства в области постоянного совершенствования механизмов помощи желающим вернуться на Родину. В высказывании В.В. Путина отмечается важная роль православной церкви и религии в целом, говорится о важности русского языка и русской культуры. Также президент отмечает многонациональные традиции в Русском мире и

¹ Указ Президента РФ от 30 ноября 2016 г. № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Информационно-правовой портал Гарант.ру. URL: <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/1033095/#ixzz4S3uaOFit> (дата обращения 11.12.2018).

говорит о «единстве всех славянских народов, которые исторически тесно взаимосвязаны между собой. Русский народ и русская культура являются основой, на которой держится уникальная цивилизация»².

Сохранение русского языка и рост влияния русской культуры остаются значимыми вопросами в политическом и социальном плане, так как русский язык выступает в роли объединяющего фактора для поддержания основ Русского мира за рубежом. В 2013 г. В.В. Путин говорил о роли русского языка и народа в многовековой истории России. Он отмечал, насколько важен русский язык, объединяющий русский мир за пределами России. При этом в Российской Федерации общество не строилось по этническим или национальным принципам. «Если человек чувствует себя частью России и считает ее своей Родиной, двери Русского мира открыты для него»³.

Православная церковь играет важную роль в русском мире. Она помогает сохранить единым культурное, ментальное и социально-политическое пространство. По словам В.В. Путина, «церковь часто является единственной частичкой Родины для многих соотечественников, которые проживают за пределами Российской Федерации. Она помогает в сохранении родного языка, национальных традиций и культуры, позволяя людям ощущать свою связь с Отечеством»⁴.

Патриарх Московский и всея Руси Кирилл говорил, что «Русский мир является общностью людей, связанных не только кровью, но и происходящими из общей истории и традиций ценностями, способными стать актуальными в любой момент. Русский мир отображает исторический опыт наших народов с общими ценностями, живущих совместно. Он отражает богатейшую историю народов, объединенных русской цивилизацией. Русский мир является следствием тысячелетнего исторического пути. Такая мировоззренческая доминанта на протяжении столетий в значительно

² *Путин В.В.* Россия: национальный вопрос [Электронный ресурс] // Независимая газета. 23.01.2012. URL: http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html (дата обращения 30.12.2018).

³ Торжественный прием по случаю Дня народного единства [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента Российской Федерации. 04.11.2013. URL: <http://www.kremlin.ru/news/19562> (дата обращения 12.12.2018).

⁴ Выступление на торжественном приеме по случаю восстановления единства Русской православной церкви [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента Российской Федерации. 19.05.2007. URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/24266> (дата обращения 12.12.2018).

степени обуславливала политические, социальные и экономические изменения»⁵.

Как говорилось выше, Русский мир объединяет соотечественников, проживающих за рубежом. В сближении с Россией заинтересованы не только русскоязычные диаспоры, но и более широкие социальные группы и слои в странах ближнего зарубежья.

Новый политический курс России в отношении стран СНГ строится на дифференцированной модели интеграции, которая отвечает интересам национальной безопасности и экономического развития России. Эта модель должна учитывать и фактор «нового русского зарубежья». Наличие русскоязычных диаспор за пределами России, сохранение ими этнокультурной идентичности все чаще начинает рассматриваться в российской политике как фактор геополитического влияния. Русский мир как цивилизационное поле приобрел новое значение после распада СССР, когда миллионы соотечественников за пределами РФ стали отождествлять себя с Россией. Явление «русского мира» – это часть стратегии «мягкой силы», которая включает себя деятельность русскоязычных СМИ, сохранение русского языка, культуры и т. д. Выступая на V конгрессе соотечественников, В.В. Путин сказал о недопустимости безразличия к происходящему в ряде стран, когда целенаправленно разрушается система образования на русском языке. Также из-за политических целей находятся предлоги для затруднения работы русских театров и культурных центров. Путин отметил, что Россия и дальше будет помогать российскому зарубежью в расширении общего информационного пространства. Не менее чем в 80 государствах работают русскоязычные средства массовой информации, сохраняющие непредвзятую позицию. Они могут высказывать различные мнения, придерживаясь объективной и честной информационной политики по отношению к современной России, рассказывая о событиях в стране и ее достижениях. Деятельность таких СМИ важна для усиления влияния страны на международной арене и укрепления ее авторитета. Этот подход помогает также в разрушении сформированных в прошлом стереотипов о России. Такая информация служит правдивым противопоставлением пропагандистским кампаниям и клише в отношении нашей страны⁶.

⁵ Приветствие Святейшего Патриарха Кирилла участникам X Ассамблеи Русского мира [Электронный ресурс] // Информационный портал фонда «Русский мир». 3 ноября 2016 г. URL: <http://ruskiimir.ru/fund/assembly/x-assembly-of-the-russian-world/news/216242/> (дата обращения 12.12.2018).

⁶ Выступление Владимира Путина на V Всемирном конгрессе соотечественников [Электронный ресурс] // Всемирный координационный

Академик В.А. Тишков отмечал, что диаспора из России – не просто совокупность всех эмигрантов из страны. Она становится именно русской диаспорой, объединенной русским языком, выступающим в роли главной культурной отличительной черты, без которой человек перестает быть причастным к Русскому миру⁷.

Таким образом, Русский мир является неотъемлемой частью эволюционного глобального процесса. За рубежом проживают десятки миллионов наших соотечественников. Причины их проживания в зарубежных государствах различны, также различны степень их интегрированности в общественно-политическую и социально-экономическую жизнь стран проживания, обеспечение их прав и свобод. Россия проводит политику по защите и поддержке соотечественников. Согласно Федеральному закону «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» для понятия «соотечественник» предусмотрены разные определения. Соотечественники считаются все люди, а также их потомки, имеющие единый язык, традиции и обычаи, родившиеся или проживавшие в одном государстве. Это понятие распространяется на ранее проживавших в России или в СССР людей либо имевших гражданство Российской Федерации или СССР. Это представители народов, живущих в России, у которых есть культурные и духовные связи с государством. Соотечественниками за границей считаются все российские граждане, постоянно проживающие не в России. Это граждане стран бывшего СССР или оставшиеся без гражданства люди, имевшие ранее гражданскую принадлежность к России или СССР⁸.

Поддержка соотечественников на государственном уровне является комплексом дипломатических, правовых, экономических, информационных мер, определяющих политику в области

совет российских соотечественников, проживающих за рубежом: Официальное интернет-представительство. 05.11.2015. URL: <http://vksrs.com/publications/vystuplenie-vladimira-putina-na-v-vsemirnom-kongresse-sootechestvennikov/> (дата обращения 12.12.2018).

⁷ Тишков В.А. Русский мир: смыслы и стратегии [Электронный ресурс] // Валерий Александрович Тишков: личный сайт. URL: http://www.valerytishkov.ru/cntnt/novye_publicacii/russkij_mi1.html (дата обращения 10.02.2019).

⁸ Федеральный закон от 24 мая 1999 г. № 99-ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс] // Информационно-правовой портал Гарант.ру. URL: <http://base.garant.ru/12115694/#ixzz5SHdnGYSC> (дата обращения 10.02.2019).

образования и культуры и осуществляемых органами государственной власти РФ и его субъектов. Цели такой политики – оказание поддержки соотечественникам со стороны государства. В первую очередь необходимо обеспечить правовую защиту их интересов в стране проживания. Также требуется создать условия, которые позволяют им проживать в других странах в качестве равноправных граждан или вернуться в Россию.

После распада СССР особенно остро встал вопрос о защите политических и гражданских прав соотечественников, проживающих за рубежом. Президент России неоднократно подчеркивал в своих выступлениях и посланиях Федеральному собранию РФ важность и актуальность этого вопроса. Начиная с 1991 г., а именно, с момента образования СНГ, Россия начала предпринимать усилия для формирования соответствующей договорно-правовой базы. С 1992 г. Россия сосредоточила основные усилия на вопросах формирования правовой базы для защиты интересов россиян, которые живут в странах СНГ. В принятых в рамках СНГ документах и регламентах государства-участники СНГ брали на себя обязательства гарантировать гражданам, проживающим в них, равные права и свободы.

В 1999 г. был принят Федеральный закон «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом», что послужило основой для решения всех вопросов на государственном уровне. Подчеркивая приверженность нормам международного права и соблюдения законов стран проживания соотечественников, Закон также закрепил правопреемство России по отношению к Российской империи и СССР.

Проанализировав различные ситуации, которые возникают у наших соотечественников, можно определить основные проблемные узлы, где происходит ущемление их прав и интересов. Это существенное сужение области применения и использования ими русского языка, бытовой национализм, правовая комплексная незащищенность.

Важным этапом в объединении соотечественников стали и всемирные конгрессы соотечественников. На этих форумах поддержка зарубежья была четко обозначена как часть государственной политики. Впервые с участниками конгресса соотечественников встречался Президент России, причем был поднят ряд острых проблем положения русских диаспор, социальных и правовых вопросов адаптации репатриантов в России и т. п. В своем выступлении на Первом конгрессе в 2011 г. президент В.В. Путин отмечал, что вместе с гражданами России русскоязычное сообщество является пятым по численности в мире. За пределами Российской Федерации проживают десятки миллионов

человек, которые говорят, думают, а иногда, что еще важнее, – чувствуют по-русски⁹.

С момента распада СССР прошло почти 30 лет, политика России в отношении соотечественников, которые проживают вне границ современной Российской Федерации, совершенствуется, ведется поиск новых подходов к этой важной теме, создаются новые государственные институты для их реализации.

Информация об авторе

Ирина Е. Ханова, кандидат философских наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; ГСП-3, 125993, Россия, г. Москва, Миусская пл., д. 6; irkh_76@mail.ru

Information about the author

Irina E. Khanova, Cand. of Sci. (Philosophy), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, GSP-3, 125993; irkh_76@mail.ru

⁹ Конгресс соотечественников, проживающих за рубежом. 11–12 октября 2001. Москва. Итоговые материалы. М.: Дрофа, 2001. С. 4.

«Мягкая сила» Российской Федерации как ресурс влияния на пространстве Евразийского экономического союза

Александр О. Наумов

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия, anaotov@mail.ru*

Аннотация. В статье исследуется роль «мягкой силы» Российской Федерации в качестве ресурса внешней политики страны на евразийском пространстве. Утверждается, что проблематика «мягкой силы» оказалась в поле зрения российских властей только во второй половине 2000-х годов. Исследованы институциональная основа и деятельность ведущих российских акторов «мягкой силы» и публичной дипломатии. Особый акцент делается на изучении работы структур Министерства иностранных дел Российской Федерации, глобальных российских средств массовой информации, неправительственных организаций, образовательных и религиозных структур. Подвергаются анализу основные ресурсы, компоненты и направления «мягкой силы» и публичной дипломатии Российской Федерации. Среди основных ресурсов отечественной «мягкой силы» выделяются богатое культурно-историческое наследие России, российская диаспора и русский язык за рубежом, отечественное высшее образование, миграционный и религиозный потенциал, организация крупнейших политических, экономических, общественных и спортивных мероприятий, геополитический статус страны как ядерной, энергетической, космической державы. Отдельно рассматриваются проблемы и перспективы реализации политики «мягкой силы» Российской Федерации в рамках Евразийского экономического союза, включающего помимо России также Армению, Беларусь, Казахстан и Киргизию.

Ключевые слова: Россия, внешняя политика, «мягкая сила», публичная дипломатия, Евразийский экономический союз, евразийское пространство, социогуманитарная интеграция

Для цитирования: Наумов А.О. «Мягкая сила» Российской Федерации как ресурс влияния на пространстве Евразийского экономического союза // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2019. № 1. С. 100–110.

Soft power of the Russian Federation as a resource of influence in the space of the Eurasian Economic Union

Alexandr O. Naumov

*Lomonosov Moscow State University, Moscow,
Russia, anaoumov@mail.ru*

Abstract. The article examines the role of the soft power of the Russian Federation as a resource of the country's foreign policy in the Eurasian space. It is argued that the issues of soft power appeared within view of the Russian authorities only in the second half of the 2000s. The institutional framework and activity of the leading Russian actors of soft power and public diplomacy are studied. Special emphasis is placed on studying the work of the structures in the Ministry of foreign Affairs of the Russian Federation, the global Russian media, non-governmental organizations, educational and religious structures. The main resources, components and directions of soft power and public diplomacy of the Russian Federation are analyzed. The author highlights among the main resources of the national soft power such as the rich cultural and historical heritage of Russia, the Russian Diaspora and the Russian language abroad, the national higher education, the migration and religious potential, the organization of major political, economic, social and sports events, the geopolitical status of the country as a nuclear, energy, space power. The issues and prospects of implementation of the policy of soft power of the Russian Federation within the framework of the Eurasian Economic Union, including in addition to Russia Armenia, Belarus, Kazakhstan and Kyrgyzstan, are studied separately.

Keywords: Russia, soft power, foreign policy, "soft power", public diplomacy, Eurasian Economic Union, Eurasian space, socio-humanitarian integration

For citation: Naumov, A.O. (2019), "Soft power of the Russian Federation as a resource of influence in the space of the Eurasian Economic Union". *RSUH/RGGU Bulletin. "Eurasian studies. History. Political science. International relations" Series.* vol. 1, pp. 100-10.

В современном мире все больше государств уделяет повышенное внимание использованию на международной арене технологий и механизмов «мягкой силы». «Мягкая сила» – это особая форма силового взаимодействия, отличительной чертой которой является направленность на достижение долгосрочных целей путем косвенного и неявного воздействия на объект. Данная политика ассоциируется с популяризацией и продвижением собственной культуры, языка и ценностей в мире, т. е. с культурно-гуманитарной сферой.

Идея применения «мягкой силы» в международных отношениях впервые была сформулирована американским политологом и государственным деятелем Дж. Наем в 1990 г. Тогда американский ученый обозначил термином «мягкая сила» способность «заставлять другого хотеть того же, чего хочешь ты» [Nye 1990, p. 167]. В целом под «мягкой силой» понимается способность государства (союза, коалиции) достичь желаемых результатов в международных делах через убеждение (притяжение), а не подавление (навязывание, насилие, принуждение), что характерно для «жесткой силы».

Не вызывает сомнения, что в начале XXI в. любое государство, претендующее на глобальный или региональный статус, просто обязано иметь в своем внешнеполитическом арсенале «мягкосиловой» инструментарий. Не является исключением и Российская Федерация. Наибольшие перспективы, на наш взгляд, реализация российской «мягкой силы» имеет на пространстве бывшего СССР, точнее – в рамках Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС).

Евразийский экономический союз – одно из самых молодых и быстроразвивающихся интеграционных объединений на евразийском пространстве, возникших после распада СССР. ЕАЭС начал свою работу 1 января 2015 г., сегодня в его состав помимо Российской Федерации входят Казахстан, Белоруссия, Киргизия и Армения. У данной структуры есть определенные преимущества относительно других подобных объединений, а именно: общая история стран-членов, отсутствие проблем с языковыми барьерами, совместный опыт ведения хозяйства и т. д. В этих условиях большое значение для успешного развития интеграционных процессов приобретает именно фактор «мягкой силы».

Какими же «мягкосиловыми» ресурсами располагает Российская Федерация? В отличие от своих геополитических визави, официальная Москва (по разным причинам) обратила внимание на преимущества, которые дает имплементация политики «мягкой силы» на международной арене, сравнительно недавно, только в начале текущего десятилетия. Тем не менее на сегодняшний день трактовка «мягкой силы» уже дана на самом высоком политическом уровне, в стране создана и институциональная основа для реализации политики «мягкой силы» и публичной дипломатии как ее ключевого инструмента.

Можно выделить несколько основных акторов, работающих в данной сфере. В первую очередь следует отметить органы государственной власти во главе с Президентом Российской Федерации. В практической плоскости реализации отечественной политики «мягкой силы» центральную роль играет Министер-

ство иностранных дел России (далее – МИД) и его подразделения. Среди них особняком стоит Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (далее – Россотрудничество), которое формально входит в систему МИД, но обладает значительной автономией в своей деятельности. Россотрудничество – одно из ключевых звеньев российской «мягкой силы», имеющее, правда, непростую судьбу. Будучи наследником и преемником советской «мягкосиловой» политики в области культуры, в XXI в. оно так и не смогло стать структурой, в которой масштабы задач были бы соотносимы с выделяемым на их реализацию финансовыми и организационными ресурсами.

Основная сфера деятельности Россотрудничества – взаимодействие с зарубежными обществами, работа с соотечественниками, продвижение русского языка и культуры, сохранение отечественного историко-культурного наследия, содействие международному развитию. Безусловно, сегодня Россотрудничество обладает весьма серьезным потенциалом для эффективной реализации российской «мягкой силы», но этот потенциал используется далеко не в полной мере.

На nive продвижения «мягкой силы» России работает и ряд департаментов МИД (Департамент информации и печати, Департамент международных организаций, Департамент по работе с соотечественниками за рубежом), а также другие министерства, например, Министерство культуры и Министерство науки и высшего образования.

Следующая влиятельная группа в системе «мягкой силы» России – отечественные акторы публичной дипломатии, работающие в медийном и информационном пространстве: телеканал RT, Международное информационное агентство «Россия сегодня» и основанное им новостное агентство «Спутник», ИТАР–ТАСС, интернет-ресурсы МИД и других правительственных ведомств. Новостные сайты «Спутника», например, работают на более чем тридцати языках, включая английский, испанский, польский, абхазский, а социальные сети агентства привлекают миллионы подписчиков. Но особенно следует выделить информационный телеканал RT. Канал был запущен еще в 2005 г. под названием “RussiaToday” и с тех пор развивался и планомерно увеличивал свое влияние в мировом медиапространстве, превратившись в итоге в одно из самых влиятельных незападных СМИ (по сути, именно RT разрушил длившуюся десятилетиями монополию англоязычных средств массовой информации на подачу информации в глобальном масштабе, обладая при этом весьма скромным финан-

сированием, особенно, по сравнению с такими гигантами, как CNN или BBC). В 2013 г. RT стал первым в мире новостным телеканалом, преодолевшим миллиардную отметку просмотров на самом посещаемом в мире видеохостинге YouTube¹. В январе 2017 г. RT официально вошел в число телеканалов, которые транслируются в штаб-квартире Организации Объединенных Наций. Заместитель генерального секретаря ООН по общественной информации К. Галлах тогда прямо заявила: «В современном сложном мире разные взгляды, разные точки зрения и разнообразие источников крайне важно. Определенно, вы внесете вклад в лучшее понимание этого сложного мира»². Сегодня RT – это вещающие в ста с лишним странах восемь телеканалов (информационные каналы на английском, испанском, арабском и французском языках, телеканалы RT America и RT UK, документальный канал RTD на русском и английском). Канал доступен для нескольких сотен миллионов зрителей, его еженедельная аудитория составляет около 100 млн человек, и он продолжает оставаться самым просматриваемым новостным каналом на YouTube. Очень активно RT действует в рамках публичной дипломатии 2.0, используя для этого целый ряд аккаунтов в социальных сетях на иностранных языках, разного рода приложения и т. п.

Большое внимание уделяется развитию цифровой дипломатии и на уровне отдельных российских госструктур. Самую активную роль здесь играет МИД России в лице Департамента информации и печати и его главы (одновременно официального представителя отечественного внешнеполитического ведомства) Марии Захаровой. С началом антитеррористической операции в Сирии информационный ресурс публичной дипломатии довольно грамотно использует и Министерство обороны России, которое оперативно реагирует на любые вбросы, разъясняет официальную позицию Москвы, в целом на постоянной основе присутствует в медиапространстве, в том числе и в интернете.

Работают в сфере «мягкой силы» и другие институты российской публичной дипломатии: неправительственные организации (например, Фонд «Русский мир», Фонд поддержки публичной дипломатии имени А.М. Горчакова, Фонд поддержки и защиты

¹ Рекордные 7 млрд просмотров: RT – № 1 среди новостных телеканалов на YouTube [Электронный ресурс] // Russia Today. 16.10.2018. URL: https://russian.rt.com/press_releases/article/564457-rt-7-mlrd-prosmotrov-youtube (дата обращения 12.01.2019).

² В ООН начал официально транслироваться телеканал RT [Электронный ресурс] // РИА Новости. 18.01.2017. URL: <https://ria.ru/20170118/1485921086.html> (дата обращения 12.01.2019).

прав соотечественников, проживающих за рубежом); «фабрики мысли» и аналитические центры (Российский совет по международным делам, Международный дискуссионный клуб «Валдай», академические институты); структуры гражданского общества (Общественная палата Российской Федерации); наконец, оставшиеся с советских времен многочисленные общества дружбы и подобные структуры. Образованный в 2007 г. с целью популяризации русского языка и культуры Фонд «Русский мир», например, осуществляет свою деятельность в 100 с лишним государствах, на всех обитаемых континентах Земли функционируют более 250 русских центров и кабинетов Русского мира.

Еще одним компонентом российской «мягкой силы» являются ведущие университеты страны: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Российский университет дружбы народов и другие. Стоит отметить, что в последнее время российские университеты поднимаются в мировых рейтингах. Так, в октябре 2015 г. МГУ занял первую позицию в рейтинге вузов двадцати стран развивающейся Европы и Центральной Азии, составленном британской компанией Quacquarelli Symonds, а в декабре того же года вошел в тройку лучших вузов стран БРИКС и развивающихся экономик³. В дальнейшем Московский университет, как и несколько других отечественных вузов, неизменно усиливал свои позиции в соответствующих предметных рейтингах.

Наконец, отдельно стоит сказать о Русской православной церкви и других религиозных организациях традиционных конфессий страны как важных элементах «мягкой силы» Российской Федерации.

Российская Федерация, безусловно, обладает очень солидными ресурсами «мягкой силы», за счет которых она может и должна совершенствовать этот внешнеполитический инструментарий.

Важнейшим компонентом «мягкой силы» России является ее культурно-историческое наследие, в первую очередь высокая культура. Но помимо привычных традиционных элементов культурного влияния (русская литература, живопись, классическая музыка, театр, опера, балет и т. д.) в отечественные ресурсы «мягкой силы» следует включать и грандиозные прорывы в науке и технике, и уникальный сплав культур, и беспрецедентный опыт мирного взаимодействия различных этносов и народов, и многовековой межконфессиональный диалог, и огромные размеры территории

³ BRICS & Emerging Economies Rankings 2016. [Электронный ресурс]. URL: https://www.timeshighereducation.com/world-university-rankings/2016/brics-and-emerging-economies-0#!/page/0/length/25/sort_by/scores_overall/sort_order/asc/cols/scores (дата обращения 12.01.2019).

с потрясающей по красоте природой и, наконец, драматическую историю с великими победами над главными врагами человечества.

Мощнейший ресурс отечественной «мягкой силы» – русский язык. На «великом и могучем» в мире говорят (или, по крайней мере, понимают его) около 300 млн человек. Русский язык принадлежит к наследию человеческой цивилизации, имеет статус мирового языка. Он является одним из шести официальных языков Организации Объединенных Наций и многих других международных структур. В нескольких странах русский язык обладает статусом государственного или официального языка. Это язык, на котором творили великие классики, впервые заговорили в космосе, а сегодня думают и говорят во всех уголках земного шара от Арктики до Антарктиды (даже в таких экзотических местах, как святая гора Афон или уругвайский городок Сан-Хавьер есть люди, говорящие по-русски). Русский – единственный язык на Земле, который объединяет 75 культур. Сегодня это второй по популярности язык интернета.

На русском языке, разумеется, говорит и российская диаспора, сформировавшаяся в ходе нескольких крупных волн на протяжении XX в. Насчитывающая около 30 млн человек, она является одной из крупнейших диаспор мира, уступая по численности, пожалуй, только китайской. Самая многочисленная русскоязычная диаспора сосредоточена на пространстве бывшего СССР; миллионы русскоговорящих живут в странах Европейского союза, Израиле, США, Канаде, Австралии и многих других странах. В последние годы наметился сдвиг в сторону более тесного взаимодействия российской диаспоры за рубежом с исторической Родиной, что, безусловно, усиливает «мягкосиловые» позиции России в мире.

Потенциально очень мощным ресурсом «мягкой силы» является российское высшее образование. Надо признать, что по сравнению с СССР Российская Федерация заметно уступила свои позиции в области оказания образовательных услуг. Однако в последнее время все же наблюдаются определенные успехи на данном направлении: растет число иностранных студентов в отечественных вузах, российские университеты поднимаются в мировых рейтингах, реализуются крупные государственные проекты в области образования. По количеству принимаемых иностранных студентов – важному показателю эффективности «мягкой силы» любой державы – Россия, если и не находится в лидерах, то демонстрирует весьма неплохие результаты. Ряд исследователей ставит Россию на пятое место в данном неофициальном зачете, что ниже США (750 тыс.), Великобритании (500 тыс.), Германии и Китая (по 300 тыс.), но выше Франции, Голландии и Канады [Огнева 2016, с. 24–25]. В рамках утвержденного в 2017 г. на самом высоком уровне

проекта «Развитие экспортного потенциала российской системы образования» количество обучающихся в России иностранных студентов к 2025 г. должно превысить 700 тыс. человек, а число слушателей отечественных онлайн-курсов за рубежом достигнуть 3,5 млн [Козлов, Березняков, Барсуков 2018, с. 100]. Ежегодно в Российскую Федерацию приезжают более 200 тыс. студентов, в основном из азиатских стран (Китая, Индии, Вьетнама и др.) и, конечно, государств постсоветского пространства. Вернувшись домой, они в той или иной степени становятся проводниками русского языка и культуры. Россия также обладает весьма солидным научным потенциалом в целом ряде отраслей, и российские университеты, академические институты и исследовательские центры имеют неплохие перспективы, чтобы стать центрами интеграции науки, как минимум на постсоветском пространстве.

С обучением иностранных студентов связан и еще один источник «мягкой силы» России – миграция, которая, несмотря на объективные сопутствующие этому процессу социальные и культурологические проблемы, все же является значительным «мягкосиловым» ресурсом. По данным Международной организации по миграции в последние годы Российская Федерация разделяет с Германией второе-третье места в мире по количеству мигрантов (12 млн человек в 2015 г.)⁴. В России разрабатываются и внедряются механизмы для более эффективной адаптации приезжих и их интеграции в принимающее общество (в первую очередь это касается изучения русского языка и истории России). Благодаря запущенным государственным программам в области миграционного законодательства шансы на то, что трудовые мигранты смогут приобщиться к российской культуре и соответствующим ценностям и по возвращении домой станут проводниками российского влияния, определенно повышаются. Большой потенциал «мягкой силы» заключен в работе с общинами мигрантов в России. Несмотря на сложную международную обстановку, Российская Федерация остается привлекательной страной для трудовой миграции, особенно из стран СНГ, и эта привлекательность может служить эффективным ресурсом и инструментом «мягкой силы».

Значительное место в практической реализации отечественной «мягкой силы» принадлежит религиозной дипломатии. Пасторские визиты высших церковных иерархов Русской православной церкви (РПЦ) в государства, где проживает значительное число

⁴ IOM Releases Global Migration Trends 2015 Factsheet [Электронный ресурс] // International Organization for Migration. Официальный сайт. URL: <http://www.iom.int/news/iom-releases-global-migration-trends-2015-factsheet> (дата обращения 12.01.2019).

православных граждан, безусловно, стоит занести в актив «мягкосиловой» политики России. В последнее время важным направлением в работе РПЦ стала помощь мирным жителям, пострадавшим от военных действий на юго-востоке Украины и в Сирии. В рамках религиозной дипломатии действуют благотворительные организации и других традиционных конфессий Российской Федерации, которые играют значительную роль в миротворческой деятельности в разных регионах мира, способствуют участию сторон в ненасильственном разрешении политических, военных и социальных конфликтов, помогают пострадавшим в стихийных бедствиях и войнах. Так, региональный общественный фонд имени Рамзана Кадырова оказывает гуманитарную помощь пострадавшим от войны жителям Сирии. Глава Чечни в целом на протяжении многих лет развивает связи с мусульманскими странами, тем самым ретранслируя определенный сегмент «мягкой силы» России на данный регион [Вольтер 2018, с. 51–52].

Организация значимых международных мероприятий также имеет большое значение для наращивания капитала российской «мягкой силы». В 2010-х годах в России с успехом был проведен целый ряд масштабных спортивных форумов, в том числе XXVII Всемирная летняя универсиада в Казани (2013 г.), Олимпийские и паралимпийские игры в Сочи (2014 г.), Чемпионат мира по футболу (2018 г.), I Международные спортивные зимние игры «Дети Азии» в Южно-Сахалинске и XXIX Всемирная зимняя универсиада в Красноярске (2019 г.). В этот же период времени Россия не раз принимала мировых лидеров: в 2012 г. во Владивостоке прошел саммит АТЭС, в 2013 г. в Санкт-Петербурге состоялась встреча Группы двадцати, а в 2015 г. в Уфе были организованы сразу два саммита – БРИКС и ШОС. Нельзя не отметить в этой связи, что инновационным моментом в реализации отечественной политики «мягкой силы» стала популяризация российских городов в качестве не только комфортных мест для организации масштабных международных мероприятий, но и привлекательных туристических объектов. В целом успешное проведение многосторонних форумов, конференций, симпозиумов, круглых столов, выставок, соревнований объективно содействует формированию положительного образа России в глазах иностранных гостей и развенчанию разного рода антироссийских мифов.

Безусловно, Россия может и должна проецировать ресурсы своей «мягкой силы» на международной арене. Особое значение в этом плане имеет постсоветское пространство, регион, в недрах которого сегодня активно идут интеграционные процессы. Наиболее перспективной интеграционной структурой выступает Евразийский экономический союз России, Казахстана, Белоруссии,

Киргизии и Армении, который может стать локомотивом развития всего евразийского региона. Важным фактором успеха этого объединения является социокультурная и гуманитарная интеграция, флагманом которой (также, как и в других областях) выступает Россия.

Для Армении, Белоруссии, Кыргызстана и Казахстана Россия выступает как стратегический партнер. Российское влияние на процессы и тенденции в рамках ЕАЭС происходит через средства массовой информации, официальные представительства МИД России и Россотрудничества, крупнейшие неправительственные структуры российской «мягкой силы», филиалы образовательных учреждений Российской Федерации, наконец, через налаживание межконфессионального диалога между религиозными объединениями России и других государств-членов ЕАЭС.

Конечно, нельзя игнорировать и проблемы, с которыми Российская Федерация сталкивается при реализации политики «мягкой силы» на евразийском пространстве. Они в целом хорошо известны и коррелируются с системными изъянами, характерными для российской стратегии «мягкой силы» в целом [Наумов 2015]. Тем не менее при грамотно выстроенной концепции гуманитарной политики, преодолении отставания в использовании информационно-коммуникационных технологий, ориентации разного рода программ, фестивалей, научных выставок на молодое поколение и продвижении традиционных российских ценностей есть все возможности для преодоления барьеров, препятствующих продвижению политики российской «мягкой силы» в странах ЕАЭС.

В начале XXI в. «мягкая сила» является важным внешнеполитическим ресурсом любой державы, претендующей на определенный статус в современном мире. Россия представляет собой цивилизационный центр и является крупным игроком на международной арене. Москва сегодня активно использует механизмы и технологии «мягкой силы» в ходе реализации своей внешней политики, в первую очередь, в странах, некогда входивших в состав Советского Союза. Не вызывает сомнения, что грамотное использование ресурсов «мягкой силы» Российской Федерации может не только вывести на новый качественный уровень интеграционные процессы на постсоветском пространстве (особенно в рамках ЕАЭС), но и самым непосредственным образом укрепить геополитические позиции России в этом ключевом для безопасности нашей страны регионе.

Литература

- Вольтер 2018 – *Вольтер О.В.* Гуманитарная дипломатия Русской православной церкви и исламских организаций как фактор «мягкой силы» в продвижении духовно-нравственных ценностей российской цивилизации // *Дневник Алтайской школы политических исследований*. 2018. № 34. С. 48–53.
- Козлов, Березняков, Барсуков 2018 – *Козлов С.В., Березняков Д.В., Барсуков А.М.* «Мягкая сила» России на евразийском пространстве // *Дневник Алтайской школы политических исследований*. 2018. № 34. С. 97–104.
- Наумов 2015 – *Наумов А.О.* «Мягкая сила» и международный имидж России [Электронный ресурс] // Сетевое издание Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы/ URL: http://www.perspektivy.info/rus/gos/magkaja_sila_i_vneshnepoliticheskij_imidzh_rossijskoj_federacii_2015-03-30.htm (дата обращения 12.01.2019).
- Огнева 2016 – *Огнева В.* «Мягкая сила» – инструмент внешней политики России // *Обозреватель–Observer*. 2016. № 3 (314). С. 19–29.
- Нье 1990 – Нье, J.S. (1990), *Soft power, Foreign Policy*, no. 80, pp. 153-71.

References

- Kozlov, S.V., Bereznyakov, D.V. and Barsukov, A.M. (2018), “Russia’s soft power in the Eurasian space”, *Dnevnik Altaiskoi shkoly politicheskikh issledovani*, no 34, pp. 97-104.
- Naumov, A.O. (2015), “«Myagkaya sila» i mezhdunarodnyi imidzh Rossii” [Soft power and international image of Russia], available at: http://www.perspektivy.info/rus/gos/magkaja_sila_i_vneshnepoliticheskij_imidzh_rossijskoj_federacii_2015-03-30.htm (Accessed 12 Jan. 2019).
- Nye, J.S. (1990), “Soft power”, *Foreign Policy*, no. 80, pp. 153–71.
- Ogneva, V. (2016), “Soft power” is an instrument of Russia’s foreign policy”. *Obozrevatel’–Observer*, no. 3, pp. 19-29.
- Vol’ter, O.V. (2018), “Humanitarian diplomacy of the Russian orthodox church and Islamic organizations as a factor of soft power in the promotion of spiritual and moral values of Russian civilization”, *Dnevnik Altaiskoi shkoly politicheskikh issledovani*, no 34, pp. 48–53.

Информация об авторе

Александр О. Наумов, кандидат исторических наук, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 119192, Россия, Москва, Ломоносовский проспект, 27/4; anaoumov@mail.ru

Information about the author

Alexandr O. Naumov, Cand. of Sci. (History), Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; bld. 27/4, Lomonosov Avenue, Moscow, Russia, 119192; anaoumov@mail.ru

Критика и библиография

УДК 323.1(477)

Мир из бумаги и типографской краски. Ассоциативный анализ исследования Георгия Касьянова «Украина и соседи: историческая политика 1987–2018»

Елена А. Косован

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, ekkade@gmail.com*

Аннотация. В рецензии представлен обзор нового исследования, посвященного проблемам исторической политики современной Украины в контексте постсоциалистического перехода. Полагая, что между содержанием книги (контентом) и элементами ее дизайна существует коммуникативная связь, автор разбирает собственно содержание рецензируемой работы, предпринимает попытку декодирования заглавия в его украинском и русском вариантах, а также анализирует визуальные образы, использованные при оформлении работы Г.В. Касьянова. Особое внимание рецензент уделяет визуальным различиям между российским и украинским вариантами издания и факторам, обусловившим эти различия. Анализ визуальной составляющей книги показывает, что она обладает самостоятельным и весьма сильным коммуникативным потенциалом, так что оформление исследования Г.В. Касьянова может считаться особым источником информации об исторической политике Украины и соседних государств, в том числе и способом трансляции мыслей, не выраженных в книге вербально. Аналогичный вывод можно сделать и об украинском варианте заглавия книги. По мнению автора рецензии, заглавие не только является значимым элементом рецензируемого исследования, но также демонстрирует высокую степень самостоятельной коммуникативности.

В заглавии рецензии использован парафраз тезиса Сигизмунда Кржижановского: «Мы начинаем понимать, что и в мирке, сделанном из бумаги и типографской краски, и за пределами его, всюду, где ворошится слово, – самое главное в заглавном».

Ключевые слова: Украина, нация, национальное самосознание, глорификация, историческая политика, историография

Для цитирования: Косован Е.А. Мир из бумаги и типографской краски: Ассоциативный анализ исследования Георгия Касьянова «Украина и соседи: историческая политика 1987–2018» // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2019. № 1. С. 111–132.

© Косован Е.А., 2019

The World of paper and printing ink.
 Association analysis of Georgiy Kasyanov's investigation
 "Ukraine and its neighbours. Politics of Memory 1987–2018"

Elena A. Kosovan

*Russian State University for the Humanities,
 Moscow, Russia, ekkade@gmail.com*

Abstract. The review presents an overview of the new study, devoted to the issues of the historical policy of modern Ukraine in the context of the post-socialist transition. Assuming that there is a communicative connection between the content of the book and its design elements, the author examines the actual content of the reviewed work, attempts to decode the title in its Ukrainian and Russian versions, and also analyzes the visual images used in the design of G.V. Kasyanov's work. The reviewer pays special attention to the visual differences between the Russian and Ukrainian versions of the publication and the factors determining such differences. Analysis of the visual component of the book shows that it has an independent and very strong communicative potential, therefore the design of the study by G.V. Kasyanov can be considered a special source of information on the historical policy of Ukraine and neighbouring states, including the way of transmitting thoughts that are not verbally expressed in the book. A similar conclusion can be made about the Ukrainian version of the book title. According to the author of the review, the title is not only a significant element of the peer-reviewed study, but also demonstrates a high degree of self-communicativeness. The title of the review uses the paraphrase of Sigizmund Krzhizhanovsky thesis. "We are beginning to understand that in a world made of paper and inks, and outside it, wherever the word goes, the most important thing lies in the title."

Keywords: Ukraine, nation, national identity, glorification, politics of memory, historiography

For citation: Kosovan, E.A. "The world of paper and printing ink. Association analysis of Georgiy Kasyanov's investigation "Ukraine and its neighbours. Politics of memory 1987–2018". *RSUH/RGGU Bulletin. "Eurasian studies. History. Political science. International relations" Series*. Vol. 1, pp. 111-32.

Передо мной две книги – новое исследование Георгия Касьянова «Past Continuous: Исторична політика 1980–2000-х. Україна та сусіди», опубликованное в 2018 г. украинскими издательствами «Laurus» и «Антропос-Логос-Фільм» » [Касьянов 2018], и его русский вариант – «Украина и соседи: историческая политика 1987–2018», который вышел в издательстве «Новое литературное обозрение» в начале 2019 г. [Касьянов 2019]. Имя Касьянова хорошо известно российским украинистам: он автор умных и смелых работ, посвященных политической и интеллектуальной истории Украины

в новое и новейшее время, таких как «Незгодні: українська інтелігенція в русі опору 1960–80-х рр.» (1995 г.), «Теорії нації та націоналізму» (1999 г.), «Україна 1991–2007 гг.: очерки новейшей истории» (2008) и особенно «Dance macabre: голод 1932–1933 років у політиці, масовій свідомості та історіографії (1980-ті – початок 2000-х)» (2010 г.). Как мы видим, проблемы, связанные с тандемом «историческая память – историческая политика»¹, находятся в фокусе внимания исследователя с 2000-х годов. И новая работа Г.В. Касьянова также посвящена этому неоднозначному сюжету.

Подобные исследования находятся на пике научной и общественной актуальности в связи с устойчивым научным и общественно-политическим запросом на анализ политики памяти и политики идентичности. Нельзя не согласиться с О.Ю. Малиновой

¹ Я буду часто употреблять здесь понятия «историческая политика» и «политика памяти», поэтому считаю необходимым объяснить, что подразумевается под этими терминами. Историческая политика относится к сфере так называемой символической политики (*symbolic politics*), которую можно понимать как «публичную деятельность, связанную с производством различных способов интерпретации социальной реальности и борьбой за их доминирование» (См.: Малинова О.Ю. Политика памяти как область символической политики // Методологические вопросы изучения политики памяти: Сб. науч. тр. / Отв. ред. А.И. Миллер, Д.В. Ефременко. М.; СПб., 2018. С. 31). Примером символической политики может быть борьба за легитимацию, за лояльность каких-то общественных групп, попытки мобилизовать массы с помощью определенной идеологии и т. п. Символическую политику могут осуществлять институциональные, политические, этнические, культурные и другие акторы. В данной работе речь идет об институциональных акторах, т. е. о государстве.

Историческую политику (*politics of history*) можно определить кратко как вид символической политики, который подразумевает использование исторического нарратива в политических и идеологических целях и в интересах тех или иных акторов (например, правящей партии, оппозиции, церкви и т. п.). Поскольку историческая политика обычно нацелена на управление коллективными представлениями о прошлом (коллективной культурной памятью или исторической памятью), ее можно назвать политикой памяти (*politics of memory*). Однако мы различаем эти два понятия. Несмотря на то, что у политики памяти и исторической политики общая цель (создание некой гиперреальности, которая должна так или иначе воздействовать на реальность), первая оперирует исключительно коллективными представлениями о прошлом, конструируя нужный формат исторической памяти, тогда как вторая может вторгаться и вторгается не только в область коллективной памяти, но и в академическую историческую науку.

в том, что коллективные «общепринятые представления о прошлом» действительно являются «одной из главных опор идентичности современных политических сообществ» [Малинова 2016, с. 159]. И очевидно, что затяжной российско-украинский конфликт, который можно назвать в том числе конфликтом идентичностей, придает анализу этих представлений особенно драматичный характер. Неудивительно, что буквально следом за книгой появились рецензии на нее².

Традиционно авторы академических и публицистических обзоров фокусируются на содержании книги, так что трудно представить себе иной порядок рецензирования. Однако книга вообще и научная книга в частности – это не просто текст, механически нанесенный на бумагу и соединенный с обложкой, корешком и прочими традиционными и инновационными продуктами книжного дела. Книга – это информационная система, в которой не бывает ничего лишнего и тем более лишнего смысла. Поэтому данная работа – не только обзор исследования Г.В. Касьянова, но и попытка анализа коммуникации между вербальными и визуальными составляющими книги.

Исследование Г.В. Касьянова состоит из трех разделов. Первый раздел посвящен основным категориям, которые составляют понятийный аппарат работы (историческая память, историческая политика, история и память и их «украинское измерение» [Касьянов 2019, с. 15–58]), а также тому, что автор называет «контекстами» – «стереотипам» «Западная Европа, Восточная Европа, Постсоветское пространство» [Касьянов 2019, с. 59–150]. Во втором разделе речь идет об акторах исторической политики в Украине – от президента до местных органов власти, от Национального банка до музеев и архивов [Касьянов 2019, с. 151–238], а также о месте в украинской исторической политике СМИ, политических партий и общественных организаций [Касьянов 2019, с. 239–279] и, наконец, о роли в ней профессиональных историков [Касьянов 2019, с. 280–299]. В последнем, третьем разделе автор фокусируется на

² См., например: *Булкина И.* Украинская политика памяти и ее истории [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение. 2018. № 153. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/153/article/20188/ (дата обращения 10.02.2019); *Она же.* Украина по Гегелю или Украина по Гоголю [Электронный ресурс] // ГЕФТЕР – интернет-журнал об исторической науке и обществе. 23.04.2018. URL: <http://gefter.ru/archive/24746> (дата обращения 10.02.2019); *Wojnar, M.* (2018), Past Continuous: Is Banderica replacing Lenin? *New Eastern Europe*, no. 6, available at: <http://neweasterneurope.eu/2018/11/05/past-continuous-bandera-replacing-lenin/> (Accessed 14 Feb. 2019).

конкретных практиках, начиная с ретроспективного обзора исторической политики Украины со времен перестройки до наших дней [Касьянов 2019, с. 304–391]. Очерчивая основные «пространства памяти» [Касьянов 2019, с. 392–447], останавливаясь на украинском мемориальном законодательстве [Касьянов 2019, с. 447–492] и помещая все это в контекст политики памяти политико-мемориальных систем ближайших соседей и антиподов Украины – России и Польши, автор заканчивает исследование рассмотрением исторической политики в качестве инструмента международных отношений [Касьянов 2019, с. 493–600].

В монографии поднята масса вопросов, которые представляют как академический, так и практический интерес. Особенно полезна она будет историкам, политологам, социологам и другим специалистам, занимающимся процессами формирования наций и национальных государств на постсоветском пространстве. Подробный анализ и критический разбор книги Георгия Касьянова потребовал бы создания еще одной книги. Поэтому ограничусь изложением тех мыслей, которые кажутся мне принципиальными.

Исследование Г.В. Касьянова посвящено исторической политике Украины и ее соседей, т. е. в сущности проблеме их взаимодействия в условиях войн памяти, когда каждая из сторон поднимает на щит собственный вариант истории региона и, считая его единственно верным, готова отстаивать этот вариант до последней капли крови. И это, к сожалению, не фигура речи.

Историческая политика относится к сфере так называемой символической политики, которая обычно воспринимается как искусство управления гиперреальностью и потому часто считается чем-то сродни компьютерной игре. То есть в ней все «как бы» серьезно (обычно всерьез принимаются положительные результаты символических действий), но в то же время несколько понарошку (это касается в основном издержек). Во всяком случае, на идеологических фронтах не свистят пули, не падают настоящие бомбы, а люди если и погибают, то редко и в основном смертью храбрых.

Думается, основной посыл и в хорошем смысле пафос исследования Георгия Касьянова (можно даже сказать, гражданский пафос) заключается в опровержении этого стереотипа. Символическая политика создает такую гиперреальность, которая способна так или иначе воздействовать на реальность, в противном случае она просто неэффективна. А коль скоро это так, особенно жестокая война «по поводу прошлого может стать идеологическим обеспечением реальной войны» [Касьянов 2019, с. 600].

Опасность современных войн памяти заключается в том, что они легко конвертируются в реальные вооруженные конфликты, ведущиеся по правилам тотальной «священной» войны.

Остановить эти конфликты очень непросто. И события, разворачивающиеся в Украине с конца 2013 г., подтверждают трагическую актуальность этого постулата. Невозможно не согласиться с тем, что «украинский кризис» – во многом результат «манипулирования и злоупотребления прошлым в угоду сиюминутным интересам», причем свой вклад в «это захватывающее занятие» внес не только Киев [Касьянов 2019, с. 9].

Можно и должно спорить о вкладе каждого из участников «украинского кризиса» в этот кризис, о виновности и об объеме ответственности, о том, насколько же все-таки опасно манипулирование представлениями о прошлом и где та грань, перейдя которую акторы исторической политики превращают коллективную память в гражданскую религию, а «войну памяти» – в гражданскую войну [Касьянов 2019, с. 35]. Однако факт остается фактом: агрессивное использование исторического нарратива³ в идеологических целях действительно способно привести ко вполне конкретным, зачастую страшным политическим последствиям.

Вероятность таких последствий особенно возрастает, когда за раздел общего прошлого принимаются страны-соседи, веками сраставшиеся в единое целое, а теперь пытающиеся в ускоренном режиме перерубить все связавшие их нити: «Обустройство “своего”, внутреннего пространства исторической/коллективной памяти в процессе отделения его от ранее “общего” практически всегда ведет к необходимости выяснять отношения с соседями как в силу того, что они являются соседями, так и в силу технологических достижений, информационной революции, глобализации» [Касьянов 2019, с. 493].

Этот тезис автора подводит нас к еще одной весьма важной проблеме, а именно: к проблеме историко-мемориальной сегрегации (или эксклюзии). Суверенизация государства, национализация исторической науки (т. е. выделение «собственной», национальной истории из общего прошлого и превращение своей нации из «объекта истории в ее субъект» [Касьянов 2019, с. 118]) на властном (государственном) уровне сопровождается формированием определенной модели исторической политики – эксклюзивной, инклюзивной и амбивалентной.

Эксклюзивная модель, по Касьянову, «утверждает, навязывает каноническую гомогенную версию исторической памяти»,

³ О.Ю. Малинова определяет «исторический нарратив» как «сюжетно оформленное повествование, предлагающее связную картину цепи исторических событий». См.: Малинова О.Ю. Официальный исторический нарратив как элемент политики идентичности в России: от 1990-х к 2010-м годам // Полис. Политические исследования. 2016. № 6. С. 140.

«исключает из нее некий набор мифов, представлений и репрезентаций прошлого, который мешает формированию ее “правильного” варианта», «изымает из прошлого “чужеродные” элементы или стигматизирует их как чужие, вредоносные» [Касьянов 2019, с. 38]. Очевидно, что эксклюзивная модель исторической политики отрицает плюрализм и нацелена на максимальную культурно-политическую гомогенизацию социума [Касьянов 2019, с. 38]. Соответственно инклюзивная модель является ее антиподом, предполагая объединение в единый нарратив нескольких вариантов исторической памяти на основе некой общей идеи (например, патриотизма), а амбивалентная (смешанная) модель подразумевает более или менее автономное сосуществование разных вариантов памяти [Касьянов 2019, с. 40]⁴.

Опираясь на концепцию А. Мегилла, Г.В. Касьянов также выделяет три типа историографии – аффирмативный, дидактический и аналитический, предполагая, что утверждение той или иной модели исторической политики ведет к доминированию одного из этих типов. Так, эксклюзивной модели соответствует аффирмативный тип, для которого характерно не критическое отношение к памяти, мифологизация воспоминаний, а главное – подчинение прошлого «тем проектам, которыми люди заняты в настоящем» (отсюда другое название этого типа историографии – реверсивный, т. е. предполагающий «проекцию настоящего положения дел в прошлое»⁵) [Касьянов 2019, с. 47–48].

Данная гипотеза Г.В. Касьянова представляется особенно ценной, и вот почему. Распад Советского Союза и суверенизация входивших в его состав республик сопровождались, во-первых, переоценкой советского нарратива памяти и союзного мемориального канона, а во-вторых – синтезированием новых, национальноориентированных канонов и нарративов, на основе которых должны были сформироваться варианты новой идентичности. Подчеркну, что эти процессы являются совершенно нормальными и естественными. Точно так же нормальным и естественным следует считать определенную девальвацию советского канона.

Украина, однако, демонстрирует пример оформления исторической политики по эксклюзивному принципу, очень жесткого, радикального отделения своей истории от российско-советского

⁴ См.: Мегилл А. История и память: за и против // *Философия и общество*. 2005. № 2 (39). С. 132–165.

⁵ Термин «схема реверсивной истории» отсутствует в рецензируемой работе, но упоминается в публичной лекции Г.В. Касьянова «Национализация истории в Украине» от 13 ноября 2008 г. в рамках проекта «Публичные лекции Полит.ру».

нарратива и формирования собственных нарративов на базе идеи «двойного антагонизма» – «с этническим Другим (этносы-угнетатели) и с политическим Другим (империи и Советский Союз)» [Касьянов 2019, с. 41].

Украинский пример на постсоветском и даже на постсоциалистическом пространстве не единственный. Совершая трудный переход от авторитаризма к демократии, многие бывшие республики СССР как бы зависли между этими двумя формами государственно-политического бытия и, не покидая зоны зависания, двигаются в режиме маятника то в сторону анархии, то в сторону режима личной власти. Ситуация осложняется тем, что колебания сопровождаются поиском идентичности, о чем было сказано выше, и борьбой властных элит за легитимационные ресурсы. Все эти обстоятельства способствуют утверждению именно эксклюзивной модели внешней и внутренней исторической политики, основную идеологическую начинку которой составляет «национальный/националистический нарратив памяти» [Касьянов 2019, с. 41].

Сложность и трагичность украинского примера обусловлена не только тем, что внутри страны реализуется все более радикализирующийся вариант историко-мемориальной эксклюзии, но еще и тем, что соседи Украины (в первую очередь «соседи-антиподы», значимые для украинской идентичности «Другие» – Россия и Польша) идут по примерно тому же пути, т. е. тоже придерживаются эксклюзивной модели. Для Польши в целом характерен тот же, что и для Украины, национальный/националистический нарратив, а для России – нарратив «имперско-советский» или «советско-ностальгический» [Касьянов 2019, с. 493], причем и тот и другой подаются Москвой и Варшавой как «истинные». С этой точкой зрения можно не соглашаться. Но то, что в основе современного украинского кризиса лежит нарастающее с 1990-х годов масштабное противостояние «советско-ностальгического» и «национального/националистического» нарративов памяти и мемориальных канонов, не вызывает никаких сомнений. Более того, противостояние это имеет как внутригосударственное, так и международное измерение, и внешнее влияние становится все более значимым. Таким образом, для разрешения «украинского кризиса» необходимо понимание всех аспектов внешнего влияния, под которым находится украинская эксклюзивная модель, всех факторов ее радикализации – как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе. В конце концов, конфликт Москвы и Киева действительно «напоминает конфликт сиамских близнецов и одинаково травматичен, трагичен и фатален для них обоих» [Касьянов 2019, с. 613].

Еще один вопрос, которым следует задаться, ознакомившись с работой Г.В. Касьянова, – это воздействие внешней информации

онной среды на историческую политику и на формирование тех или иных вариантов коллективной памяти. Мы привыкли к аксиоме о невероятных коммуникативных возможностях информационного общества, и эта аксиома присутствует в рецензируемой работе: «... инструментализация прошлого вышла на новый уровень в связи с развитием коммуникационных технологий и становлением информационного общества» [Касьянов 2019, с. 308]. Говоря о постсоветском пространстве, хочется сделать заключение, что у нас эта инструментализация достигла такого уровня, что уместно говорить о наступлении эпохи «историомора»⁶.

Однако здесь повествование Г.В. Касьянова делает интересный поворот. Автор указывает на то, что на самом деле «ни в более отдаленном, ни в недавнем прошлом, ни в настоящем нет существенной разницы в подверженности различных обществ вопросам интерпретации и репрезентации прошлого то ли в форме памяти, то ли в форме истории, в желании различных общественных групп использовать прошлое для нужд настоящего, в логике и динамике использования истории и памяти для политических целей... Различия заключаются скорее в интенсивности переживания обществом проблем прошлого, степени влияния интерпретаций и репрезентаций истории на текущую ситуацию, возможностях доступа к средствам реализации исторической политики – тут уже в дело вступают такие факторы, как традиции, уровень развития гражданского общества и демократических институтов, политическая и правовая культура и т. п. » [Касьянов 2019, с. 66].

Озабочены прошлым все, но по-разному. Например, в западноевропейском регионе «более заметной тенденцией была и остается инструментализация прошлого в интересах построения общеевропейской идентичности, преодоления ксенофобии, расизма, этнической, культурной, религиозной нетерпимости. Этическая составляющая в проработке прошлого постепенно смещалась к выяснению своей ответственности за деяния прошлого» [Касьянов 2019, с. 66–67]. В постсоциалистической Восточной Европе «использование прошлого в интересах настоящего имело другую направленность: восстановление “исторической справедливости”, реставрация и укрепление национальной идентичности (“пострадавшей” в период коммунизма), возвращение в “европейскую семью” в качестве самодостаточной культурной и политичес-

⁶ Полян П.М. Историомор, или Войны памяти [Электронный ресурс] // Электронное периодическое издание «Ведомости» (Vedomosti). 07.04.2016. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2016/04/08/636892-istoriomor-ili-voini-pamyati> (дата обращения 18.02.2019).

кой единицы, поиск Другого, ответственного за беды и невзгоды прошлого» [Касьянов 2019, с. 67].

С поиском «Другого», выполняющего почетную роль антипода / антагониста / исторического врага, В.Г. Касьянов связывает становление характерной для стран социалистического лагеря «модели саморепрезентации, основанной на идее “посттравмы”» [Касьянов 2019, с. 89], т. е. смысловым центром символической и реальной политики этих государств становится идея социума-жертвы, подвергнувшегося в прошлом колонизации и тоталитарному насилию и выстраивающего для себя в настоящем новую идентичность, «требуя при этом медиального внимания, социального признания, а также материальной реституции и закрепления за собой особой символической репутации» [Ассман 2014, с. 48].

То, что историческая политика многих постсоциалистических стран базируется на самовиктимизации и демонизации имперского / советского «Другого», не новость. Интерес представляет прозвучавшее в книге утверждение, что «жертвенный» мемориальный канон сформировался не в советский период – это «часть культурной традиции, зародившейся во времена становления национальных историй “неисторических наций”»: образ “нации-жертвы-борца”, столь популярный в регионе, в некоторых случаях имеет более чем полуторавековую историю, достаточно вспомнить в качестве архетипа Польшу как мессию – образ, созданный романтическим национализмом XIX в.» [Касьянов 2019, с. 89–90].

Украина в целом демонстрирует инструментализацию прошлого именно по «восточноевропейскому сценарию», в том числе используя нарратив с истекшим сроком годности. Я очень благодарна Георгию Касьянову за его внимание к этому факту, постоянно ускользающему от внимания историков, политологов, социологов, не говоря уже о политиках: украинский национальный / националистический нарратив глубоко анахроничен, это дитя «долгого XIX века», порожденное «“неисторической” аграрной нацией с низким уровнем социальной мобильности, минимальным уровнем грамотности и социальной коммуникации» [Касьянов 2019, с. 339]. Стандарты и ценности «этнокультурного (органического) национализма XIX столетия» не просто не отвечают современным особенностям украинского социума, их внедрение в неизменном виде неизбежно порождает массу проблем и для этнических украинцев, и для «нетитульного» населения Украины XXI в. [Касьянов 2019, с. 340].

Есть и еще один осложняющий фактор, который часто муссируется СМИ, но недостаточно осмыслен постсоветским академическим сообществом: это «зависание» государства между

авторитаризмом и демократией, о котором говорилось выше. Украина является одним из самых ярких примеров так называемой дефектной демократии [Merkel 2004, pp. 33-58] (ярким, но не единственным: по большому счету все государства постсоветского пространства, включая «признанные демократическими» страны Балтии, представляют собой какой-то из видов «дефектной демократии» – эксклюзивный, нелиберальный, анклавный, делегативный [Меркель, Круассан 2002, с. 20–30; Романюк 2017, с. 114–123]). Под «дефектной демократией» подразумевается такой тип государства, где «идеологический и культурный плюрализм находится на начальной стадии развития, где силен популизм и фасадная демократия, где наличествуют сильные традиции патриархально-патримониальных отношений, а национальная идентичность традиционно отождествляется преимущественно с этническими маркерами (язык, общая история, кровное родство)» [Касьянов 2019, с. 49–52].

Г.В. Касьянов предполагает, что именно здесь в первую очередь утверждается историко-мемориальная сегрегация (эксклюзия) и лучше всего приживается аффирмативная историография. Таким образом, он выстраивает гипотезу, согласно которой существует, во-первых, обратно пропорциональная зависимость между слабостью демократических институтов в государстве и социуме и степенью радикализма, непримиримости, конфликтогенности национальной политики памяти, а во-вторых, прямо пропорциональная связь между радикализмом политики памяти и аналитическим потенциалом национальной историографии (чем более радикальна политика памяти, тем «аффирмативнее» историография, тем выше ее сервильность и ниже собственно научный, аналитический потенциал).

В республиках бывшего СССР можно обнаружить амбивалентную модель исторической политики, допускающую «сосуществование (но не слияние) разных вариантов коллективной памяти, иногда идеологически и политически несовместимых, но уживающихся рядом» [Касьянов 2019, с. 40–41]. Однако скорее всего нигде она не является доминирующей. В определенные периоды времени даже в странах «дефектной демократии» утверждается инклюзивная модель исторической политики, но эти периоды редко бывают долгими. И эти обстоятельства придают особую значимость интеллектуальной истории постсоветского пространства. Становятся актуальными исследования, посвященные политико-идеологической ангажированности постсоветских национальных исторических школ, а также их функционированию в роли «мнемонических акторов» [Касьянов 2019, с. 149] и взаимодействию с другими акторами исторической политики.

С одной стороны, желание постсоветских политических элит управлять и памятью, и исторической наукой понятно: история и память служат эффективным средством политической легитимации (пример Украины это прекрасно иллюстрирует). С другой стороны, в условиях постсоветского пространства, для которого характерны повсеместные проблемы с электоральными механизмами, с политическими правами и свободами, с присутствием во власти неформальных элит, с дееспособностью и институциональной устойчивостью основных ветвей власти, с эффективностью госуправления и т. д., – в этих условиях отношения государства и исторической науки слишком часто ведут к аффилированию и дидактизации последней. Последствия же трагичны и для историографии, и для тех политических режимов, которые она пытается обслуживать, и для нации, во благо которой создаются тандемы истории и политики.

Я абсолютно солидарна с Г.В. Касьяновым в том, что «память нередко является конфликтной территорией. Это касается прежде всего конфликтов прошлого, которые актуализируются в настоящем. Воспоминания об этих конфликтах всегда актуализируются проблемами настоящего, и память одной конфликтующей стороны будет противоречить другой. Если историография отождествляет себя с памятью, она только усиливает этот конфликт. Во всех подобных случаях история должна быть критической, она должна дистанцироваться от памяти на расстояние, необходимое для анализа» [Касьянов 2019, с. 49].

Императив очень непростой. И он затрагивает вопрос о судьбе историка и его ремесла в условиях массивного давления на них политической конъюнктуры, предписывая ему (историку) не просто соблюдать научную этику, но проявлять практически сверхчеловеческие способности. И это не преувеличение: «Любая критика/анализ действий любых агентов исторической политики означает взаимодействие с теми или иными дискурсами, а значит, и вступление на поле аффирмативной или дидактической истории хотя бы в качестве оппонента “мнемонических бойцов”⁷. Позиция, предполагающая обстоятельный, спокойный, взвешенный подход к проблемам прошлого, требует все больших усилий и психологической устойчивости – давление и со стороны государства, и со стороны “общественного мнения” возрастает, особенно в условиях, когда “исторический фронт” становится частью гибридной войны» [Касьянов 2019, с. 299].

⁷ В современном русском языке нет прилагательных, образованных от слова «память», которые адекватно характеризовали бы сущность политики памяти и деятельность ее субъектов. Поэтому используется понятие «мнемонический», то есть имеющий отношение к памяти.

Думаю, разобранных примеров достаточно, чтобы составить положительное представление о проведенном Г.В. Касьяновым исследовании и высоко оценить его труд. Отмечу еще одну особенность рецензируемого исследования – это достойная работа не только с точки зрения научных стандартов, но и с точки зрения литературы. Работа Г.В. Касьянова обладает совершенно определенными литературными достоинствами, и это замечание носит принципиальный характер – ведь научный язык и понятийный разноречивы являются чуть ли не самыми большими проблемами постсоветских историков. Эти проблемы в полной мере проявляются и в *memory studies*, которые, с одной стороны, зачастую написаны слишком тяжелым языком⁸, а с другой – демонстрируют несогласованность и внутреннюю неоднородность категориально-понятийного аппарата. Поэтому нельзя не порадоваться появлению работы, которую отличает терминологическая и понятийная четкость и автор которой обладает чувством эстетики двух языков – украинского и русского⁹.

Книга, как известно, начинается с обложки (или переплетной крышки), а «оформление книги как из источника рождается из содержания текста» [Кнабе 2006, с. 540]. Однако обложка может выступать и в качестве заместителя книги [Исаев 2016, с. 60]. Более того, исследователи книжного дела отмечают, что в постмодерном обществе обложка книги как бы сепарируется от содержания (контента). Очень точно описала это явления О.В. Давтян, которая считает, что современная обложка «рискует обособиться от своей прямой функции – охранять содержание, служить ему обрамлением, предлагать эмблематическое или хотя бы близкое к такому прочтение текста книги, то есть сохранять связь между содержанием и оформлением» [Давтян 2014, с. 260]. Я полагаю, что и украинский, и российский дизайн исследования В.Г. Касьянова являются отличной иллюстрацией приобретения обложкой сверхзначимости при сохранении коммуникативной связи между оформлением и содержанием.

С.Д. Кржижановский убеждает нас в том, что «заглавие, поскольку оно не в отрыве от единого книжного тела и поскольку

⁸ По свидетельству М.П. Лаптевой, М.К. Мамардашвили называл такие сочинения «текстами невиданной скуки». См.: *Лаптева М.П. Язык историка и проблема понимания: Фигуры истории, или «общие места» историографии // Вторые Санкт-Петербургские чтения по теории, методологии и философии истории. СПб.: Северная звезда, 2005. С. 66–71. URL: <http://ec-dejavu.ru/l/Language.html> (дата обращения 16.02.2019).*

⁹ Русское издание является оригинальным, не переводным.

оно, в параллель обложке, облегает текст и смысл, – вправе выдавать себя за главную книгу... Заглавие поступает с книгой так, как она со своим речевым материалом» [Кржижановский 1931, с. 3]. И с этим утверждением трудно не согласиться, когда речь идет об обоих изданиях труда Георгия Касьянова

Как уже было сказано, российский вариант исследования является не переводом с украинского, а оригиналом, авторской работой. Таким образом, заглавия («Past Continuous: Исторична політика 1980–2000-х. Україна та сусіди» и «Украина и соседи: историческая политика 1987–2018») также принадлежат автору.

Обращают на себя внимание две особенности, касающиеся заглавий. Во-первых, украинское заглавие – трехчастное и четко делится на три равноценные (если не сказать – обособленные) категории: «Past Continuous | Исторична політика 1980– 2000-х | Україна та сусіди». Российский вариант, наоборот, кажется более цельным, а основной смысловой акцент сделан на «Украине и соседях». Во-вторых, рискну предположить, что украинский вариант в большей степени публицистичен, тогда как стилистику российского я назвала бы однозначно академической. Можно сформулировать это предположение по-другому: российский вариант скорее всего выполняет одну функцию – информативную, тогда как украинский не только информирует о содержании книги, но и оказывает определенное эмоциональное и интеллектуальное воздействие, главным образом за счет использования в этом заглавии отсылки к прошедшему длительному времени в английском языке – Past Continuous.

Использование времен английского глагола в заглавиях научных работ является в какой-то мере особенностью научного стиля Г.В. Касьянова. Достаточно вспомнить опубликованный в 2009 г. сборник статей “A Laboratory of Transnational History: Ukraine and Recent Ukrainian Historiography”, в котором была размещена его работа “Nationalized” History: Past Continuous, Present Perfect, Future [Kasianov 2009, pp. 7-25]. И это весьма интересный прием.

На первый взгляд все более чем очевидно. Past Continuous – прошедшее длительное время, которое идеально подходит для обозначения исторической политики как длительного процесса, совершившегося в определенный период прошлого (1980–2000-е гг.). Но в то же время Past Continuous, как справедливо указывает Д.Н. Сулейманова, перемещает нас в пространство «языковой зоны неопределенного существования» [Сулейманова 2011, с. 150], а это наталкивает на более сложные соображения.

Неопределенность – сущностная черта не самой исторической политики современной Украины (как раз здесь все очень определено), но того контекста, в котором она осуществляется

и под который вынуждена подстраиваться. Контекст этот связан с состоянием постсоциалистического транзита, в котором пребывает и сама Украина, и ее соседи по постсоветскому и восточноевропейскому регионам. Постсоциалистический транзит – эта классическая бифуркационная зона, зона хаоса. И если предположить, что хаос был, но закончился и мы вошли в новую фазу устойчивости, в некий новый миропорядок, становится по-настоящему страшно.

Кроме того, Past Continuous открывает проблему неопределенности и в современной исторической науке вообще и в частности в *memory studies*. Современная реальность, в которой работают историки, – это «множество исследовательских масштабов, множество рабочих объектов, множество устанавливаемых связей, множество эмпирически фиксируемых разрывов, множество способов исследовать науку...» [Гавриленко 2017, с. 25]. Одновременно осознание релятивности исторического познания заставляет нас не искать «смыслы истории», а «придавать смысл бессмысленному», а «диалог историка и исторического субъекта» воспринимать как «диалог историка с элементами его собственного отражения» [Ионов 1995, с. 111]. Для исторической политики и исторической памяти как объектов научного исследования неопределенность характерна особенно, тем более если это историческая политика и историческая память в государствах транзита, в государствах, переживающих кризис перехода, рождение нации, становление постмодерной идеологической системы, поиск ориентиров во внешней политике. В случае Украины, как, впрочем, и многих других государств постсоветского и постсоциалистического регионов, эта современная неопределенность оказывается помноженной на неопределенность прошлого, поскольку только за последние 20 лет Украина видела не только несколько «переизданий» «идеологически мотивированной версии национальной истории», но и «превращение истории в мнемонику, а историков – в мнемотехников» [Касьянов 2019, с. 16]. Идеологизация истории превращает ее в весьма пластичную субстанцию, эдакий пластилин, из которого можно вылепить практически все, что душа пожелает. В этом сущность аффирмативной и дидактической историографии, которые «актуализируются текущими политическими заданиями или культуртрегерским энтузиазмом. Авторы со всей серьезностью вписывают свои рассуждения о природе исторической политики (в основном называя ее “политикой памяти”) в необходимость помогать “строительству нации”, формированию национального самосознания, идентичности и т. д.» [Касьянов 2019, с. 57].

В российском заглавии отсылка к прошедшему неопределенному времени опущена, и это симптоматично. Хотя Украина и Россия одинаково «больны историей», полагаю, что в российском научном

и тем более общественно-политическом дискурсе неопределенность, особенно неопределенность истории, воспринимается скорее резко негативно, как возможность «перетолковывания», «искажения» некоего исторического канона.

Поговорим теперь о дизайне книги. Как уже было сказано, в оформлении обложки закодировано больше информации, чем в вербальном контенте. В том числе это может быть и информация, неочевидная для автора книги. Я думаю, что визуальные образы, использовавшиеся при оформлении украинского и русского изданий исследования Георгия Касьянова, отлично иллюстрируют этот тезис.

При оформлении книги украинские издатели использовали картину Иеронима Босха «Корабль дураков». Это решение не может не обескураживать своей самоиронией на грани фола. Ибо путешествие в Наррагонию¹⁰ компании дураков во главе с дураком-кормчим не только вызывает слишком много прямых ассоциаций с современными политическими реалиями, но и отсылает к знаменитой поэме Себастиана Бранта с ее инвективой в адрес «умных книжек» и тех, кто их читает:

Душеспасительные книжки
Пекут у нас теперь в излишке,
Но, несмотря на их число,
Не уменьшилось в людях зло:
Писанья эти ничему
Теперь не учат!¹¹

Картина Босха прекрасно изучена, исследователи обращали внимание и на размытость пейзажа (отсылка к неопределенности, о которой шла речь выше), и на то, что ни кормчому, ни пассажирам нет никакого дела ни до судна, несущего их неведомо куда, ни до ждущей их где-то вдали пристани [Макарова 2014, с. 115], и, наконец, на то, что такой безумный дрейф корабля (на самом деле скорее лодки) означает дрейф в ад душ нераскаявшихся грешников [Макарова 2014, с. 112], и на другие тому подобные моменты. Вопрос в том, насколько яд, сарказм и пессимизм Босха соответствуют тону и букве текста, но я боюсь, что соответствуют вполне. В конфликте идентичностей нет правых и виноватых, в противостоянии двух способов восприятия своего прошлого не будет победителей, как не

¹⁰ Наррагония – дурацкий рай, страна дураков.

¹¹ *Брант Себастиан*. Корабль дураков [Электронный ресурс] // Томская историографическая школа: история и современность. URL: <http://klio.tsu.ru/Narrenschi1.htm> (дата обращения 27.02.2019).

может быть победителя в драке сиамских близнецов. А исследование Г.В. Касьянова наталкивает на догадку, что в развеселой компании глупцов и безумцев не одна Украина, но и ее соседи.

Однако этим смысловая нагрузка дизайнера отнюдь не исчерпывается. Мы вольны оставаться в пределах дискурса Босха и Бранта или выбрать новый. Можно отталкиваться не от Босха и Бранта, а, например, от Жиля Делёза и Феликса Гваттари и их идеи, что «общественные формации предчувствуют – предчувствуют мрачно и меланхолично — то, что с ними случится» [Делёз, Гваттари 2007, с. 241–242]. Таким образом, путешествие к берегам Наррагонии становится символом не глупости, а предчувствия глубокой, трагической трансформации или даже распада постимперской/постсоветской системы. В данном случае политика памяти может трактоваться как последняя попытка защититься от того, кто «придет извне и перекодирует все... коды» [Делёз, Гваттари 2007, с. 242]. Возможна и интерпретация картины Босха через призму теории А.Г. Дугина, в которой безумие выступает как «преодоление рассудка», «выход за пределы схемы», «прорыв в чистое бытие»¹², а исторический нарратив либо становится инструментом такого прорыва (применительно к Украине – современный национальный или националистический нарратив), либо средством задержаться внутри привычной схемы (советско-ностальгический нарратив) [Касьянов 2019, с. 42].

Вне зависимости от выбора семиотической системы и трактовки использованного для оформления обложки образа следует признать, что обложка перевыполнила свою обычную задачу и стала конкурентом контента. Визуальная составляющая книги, таким образом, «перекрыла» вербальную, а порожденное ею облако смыслов создает иллюзию прочитанности еще до того, как читатель переступит порог форзаца.

Российское издательство поступило на первый взгляд более сдержанно. Оно разместило на обложке фотографию киевского памятника Богдану Хмельницкому на фоне ядовито-розовых то ли туч, то ли зарниц, то ли зарева пожара, то ли клубов дыма, то ли праздничного салюта. Впрочем, все перечисленные варианты можно считать верными, поскольку и пожар, и гроза, и салют очень верно передают неопределенное положение гетмана в современном украинском научном и общественно-политическом дискурсе: он как бы завис между двумя пантеонами героев – имперско-советским и национальным.

¹² Дугин А.Г. Бытие и безумие // *Философия традиционализма*. М.: Арктогея-Центр, 2002 [Электронный ресурс] // *Философский портал «Арктогея»*. URL: <http://arcto.ru/article/135> (дата обращения 25.02.2019).

Автор рецензируемого исследования констатирует, что «Богдан Хмельницкий из борца против социального, национального и религиозного угнетения (советский нарратив) превратился в центральную фигуру “национальной революции” середины XVII столетия» [Касьянов 2019, с. 355]. Учитывая лабильность украинского пантеона героев, все-таки следует признать, что хотя на современном этапе становления украинской государственности и формирования украинской политической нации в официальной политике памяти действительно активно используется «идентификационный потенциал образа Б. Хмельницкого», при этом сохраняются «неоднозначность и даже амбивалентность толкований смысла этого образа – от “творца украинской государственности” до анахроничного “объединителя с Московским государством”» [Масненко 2015, с. 17].

Столь же неоднозначным можно назвать и отношение современной Украины к киевскому памятнику. С одной стороны, он является одним из символов украинской столицы, с другой – существует довольно навязчивая идея его трактовки в качестве примера «монументальной пропаганды» Российской империи, представляющей историю в российско-имперской интерпретации и продвигающей исключительно российскую точку зрения на события минувшего и их значение [Гирич 2007, с. 122–138].

Вряд ли можно найти в российско-украинской истории персону, которая воспринималась бы нейтрально. Однако вряд ли можно спорить с тем, что размещение на обложке подобного исследования неоднозначного образа на еще более неоднозначном фоне способно если не отодвинуть на задний план собственно вербальный контекст книги, то значительно его подавить.

Таким образом, в обоих вариантах рецензируемой книги визуальная составляющая более или менее очевидно перевыполняет возложенную на нее задачу презентации вербального содержания. В одно и то же время происходит подавление текста образом и драматизация текстовой составляющей.

В заключение отмечу, что исследование Георгия Касьянова представляет значительный интерес для современной российской украинистики как в плане методологии *memory studies*, так и с точки зрения политической истории Украины, России, Польши и других постсоциалистических государств, находящихся на стадии затянувшегося перехода от старого к новому порядку. Рецензируемое исследование является к тому же интересным примером сложной вербально-визуальной информационной системы, визуальные элементы которой обладают самостоятельной смысловой и коммуникативной нагрузкой.

Трудно писать о недостатках и недочетах исследования, автор которого сам выявил их и описал. Можно обратить внимание на то, что в книге отсутствует раздел, посвященный источникам, использованным автором в процессе исследования. Возможно, это не так бросалось бы в глаза, если бы монография не начиналась с блестящего теоретического раздела¹³, но на его фоне отсутствие разбора источниковой базы создает ощущение незаконченности. Да, в процессе чтения удастся составить представление о том обширном корпусе источников (законодательные акты, статистические материалы, учебно-методические работы, материалы СМИ и многое другое), который лежит в основе исследования Г.В. Касьянова, но наличие специального раздела было бы несомненным плюсом.

Многие интересные мысли были вербализированы автором (вернее, текстуализированы), но либо вовсе не раскрыты, либо освещены недостаточно. Полагаю, что стоило бы уделить больше внимания проблеме так называемых геноцидов на обочине [Касьянов 2019, с. 428] (т. е. нарративов, которые вступают в конкуренцию с основным украинским национальным/националистическим нарративом и потому более или менее решительно отторгаются). Большой интерес представляет судьба украинских субэтносов в контексте формирования мемориально-политической инклюзии. Книга выиграла бы, если бы автор более подробно рассмотрел феномен экспертного сообщества и его влияние на историческую политику. То же касается фигуры «историка – публичного интеллектуала», который несомненно является актором исторической политики, но его значимость остается непроясненной.

Впрочем, все перечисленное нельзя считать претензиями к автору. Скорее это «флажки» для будущих читателей книги Георгия Касьянова, как ученых-профессионалов, так и любителей: автор поднял множество важнейших вопросов и проблем, которые еще ждут своего исследователя.

¹³ Единственным минусом этого раздела является то, что автор забыл или не посчитал нужным дать определение понятию «символическое пространство». Понятие неоднократно используется в книге и общий контекст позволяет установить довольно точно, что имеется в виду. Однако было бы интересно познакомиться с авторской интерпретацией.

Литература

- Ассман 2014 – *Ассман А.* Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.
- Гавриленко 2017 – *Гавриленко С.* Историческая эпистемология: зона неопределенности и пространство теоретического воображения // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 52. № 2. 2017. С. 20–28.
- Гирич 2007 – *Гирич Г.Б.* «Монументальна пропаганда» часів Російської імперії // Пам'ятки України. 2007. Ч. 1 (154). С. 122–138.
- Давтян 2014 – *Давтян О.В.* Книжная обложка: Искусство? Идеология? Залог коммерческой эффективности? // Альманах Центра исследованний экономической культуры факультета свободных искусств и наук СПбГУ: Тематический выпуск «Экономическая культура: ценности и интересы». М.; СПб.: Изд-во Института Гайдара, 2014. С. 253–262.
- Делёз, Гваттари 2007 – *Делёз Ж., Гваттари Ф.* Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. 672 с.
- Ионов 1995 – *Ионов И.Н.* Историческая наука: от «истинностного» к полезному знанию // Общественные науки и современность. 1995. № 4. С. 109–112.
- Исаев 2016 – *Исаев А.А.* Обложка вместо книги: Comic Strip: мышление в картинках // European Research. 2016. № 5 (16). С. 60–62.
- Касьянов 2018 – *Касьянов Г.* Past Continuous: Исторична політика 1980– 2000-х: Україна та сусіди. Київ: Laugus; Антропос-Логос-Фільм, 2018. 420 с.
- Касьянов 2019 – *Касьянов Г.* Украина и соседи: историческая политика 1987–2018. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 632 с.
- Кнабе 2006 – *Кнабе Г.А.* Энциклопедия дизайнера печатной продукции. Профессиональная работа. М: Вильямс, 2006. 736 с.
- Кржижановский 1931 – *Кржижановский С.Д.* Поэтика заглавий. М.: Кооперативное издательство писателей «Никитинские субботники», 1931. 33 с.
- Макарова 2014 – *Макарова И.С.* Мифопоэтический образ Корабля дураков в искусстве Северного Возрождения (анализ поэмы С. Бранта и картины И. Босха) // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2014. № 171. С. 108–115.
- Малинова 2016 – *Малинова О.Ю.* Актуальность прошлого: история, память и политика идентичности // Дискурсология: методология, теория, практика. 2016. № 10. С. 156–166.
- Масненко 2015 – *Масненко В.В.* Образи Богдана Хмельницького у сучасній колективній історичній пам'яті українців та їх сусідів // Вісник Черкаського університету. Сер. «Історичні науки». 2015. № 2(355). С. 17–26.
- Меркель, Круассан 2002 – *Меркель В., Круассан А.* Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях // Полис: Политические исследования. 2002. № 2. С. 20–30.
- Романюк 2017 – *Романюк А.И.* Что такое «дефектные демократии» и какими они бывают // Вісник Національного університету «Юридична академія України імені Ярослава Мудрого». Сер.: Філософія, філософія права, політологія, соціологія. 2017. Т. 2. № 33. С. 114–123.
- Сулейманова 2011 – *Сулейманова Д.Н.* Роль видовременных форм глагола в структурировании языковой зоны неопределенного существования (на материале английского языка) // Вестник Башкирского университета. 2011. Т. 16. № 1. С. 150–154.

- Kasianov 2009 – Kasianov, G. (2009), “Nationalized” history: past continuous, present perfect, future, in Kasianov G., Ther Ph. (ed.), *A laboratory of transnational history: Ukraine and recent Ukrainian historiography*, Akaprint Nyomda, Budapest, Hungary, New York, USA, pp. 7-25.
- Merkel 2004 – Merkel, W. (2004), “Embedded and defective democracies”, *Democratization*, vol. 11, Iss. 5: Consolidated & Defective Democracy? Problems of Regime Change, pp. 33-58.

References

- Assman, A. (2014), *Dlinnaya ten' proshlogo. Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika* [The long shadow of the past. Cultures of memory and the politics of history], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.
- Davtyan, O.V. (2014), “Book cover: ‘Art? Ideology? Commercial efficiency cornerstone?’”, in Raskov, D.E. (ed.), *Al'manakh Tsentra issledovaniy ekonomicheskoi kul'tury fakul'teta svobodnykh iskusstv i nauk SpbGU* [Almanac of the Center for the study of economic culture of the faculty of liberal arts and sciences of St. Petersburg State University], Special issue “Economic culture: values and interests”, Izdatel'stvo Instituta Gaidara, Moscow, St. Petersburg, Russia, pp. 253–262.
- Deleuze, G. and Guattari, P.-F. (2007), *Anti-Edip: Kapitalizm i shizofreniya* [Anti-Oedipus: Capitalism and schizophrenia], U-Faktoriya, Ekaterinburg, Russia.
- Gavrilenko, S. (2017), “Historical epistemology. Area of indefiniteness and area of theoretical imagination”, *Epistemology & Philosophy of Science*, vol. 52, no. 2, pp. 20–8.
- Girich, I.B. (2007), “Monumental Propaganda” of the Russian Empire Times”, *Pam'yatki Ukraïni*, Iss. 1(154), pp. 122-38.
- Ionov, I.N. (1995), “Historical studies. From “truth-value” to useful knowledge”, *Social Sciences and Contemporary World*, no. 4, pp. 109–12.
- Isaev, A.A. (2016), “Frontispiece instead of book. Comic strip: thought in pictures”, *European Research*, no. 5(16), pp. 60–2.
- Kasianov, G. (2009), “Nationalized” history: past continuous, present perfect, future”, in Kasianov G., Ther Ph. (ed.), *A laboratory of transnational history: Ukraine and recent Ukrainian historiography*, Akaprint Nyomda, Budapest, Hungary, New York, USA, pp. 7–25.
- Kas'yanov G. (2018), *Past Continuous: Istorichna politika 1980–2000-kh. Ukraïna ta susidi* [Past Continuous: Historical policy 1987–2018. Ukraine and neighbors], Laurus, Antropos-Logos-Fil'm, Kyiv, Ukraine.
- Kas'yanov, G. (2019), *Ukraïna i sosedi: istoricheskaya politika 1987–2018* [Ukraine and neighbors: historical policy 1987–2018], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.
- Knabe, G.A. (2006), *Entsiklopediya dizainera pechatnoi produktsii. Professional'naya rabota* [Encyclopedia of the printing materials Designer. Professional Work], Izdatel'skii dom “Vil'yams”, Moscow, Russia.
- Krzhizhanovskii, S.D. (1931), *Poetika zaglavii* [Poetics of Titles], Kooperativnoe Izdatel'stvo Pisatelei “Nikitinskie subbotniki”, Moscow, Russia.
- Makarova, I.S. (2014), “Mythopoetic Image of the Ship of Fools in art of the Northern Renaissance (Analysis of the Poem by S. Brant and the Picture by J. Bosch)”, *Scientific Journal of Herzen University*, no. 171, pp. 108–15.

- Malinova, O.Yu. (2016), "Relevance of the Past: History, Memory and Identity Politics", *Diskursologiya: metodologiya, teoriya, praktika*, no. 10, pp. 156–66.
- Masnenko, V.V. (2015), "Images of Bogdan Khmel'nitsky in modern collective historical Memory of the Ukrainians and their Neighbors", *Cherkasy University Bulletin: Historical Sciences*, no. 2 (355), pp. 17–26.
- Merkel, W. (2004), "Embedded and defective democracies", *Democratization*, vol. 11, Iss. 5: Consolidated & Defective Democracy? Problems of Regime Change, pp. 33–58.
- Merkel, W. and Kruassan, A. (2002), "Formal and informal Institutes in defect Democracies", *Polis. Political Studies Journal*, no. 2, pp. 20–30.
- Romanyuk, A.I. (2017), "What the "Defect Democracies" are and their Types", *Bulletin of Yaroslav Mudryi National Law University, "Philosophy, Philosophy of Law, Political Science, Sociology" Series*, vol. 2, no. 33, pp. 114–23.
- Suleimanova, D.N. (2011), "Role of the aspectual-temporal verb forms in the language zone structuring of indefinite existence (based on the English language)", *Bulletin of Bashkir University*, vol. 16, no. 1, pp. 150–54.

Информация об авторе

Елена А. Косован, кандидат исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; ГСП-3, 125993, Россия, г. Москва, Миусская пл., д. 6; ekkade@gmail.com

Information about the author

Elena A. Kosovan, Cand. of Sci. (History), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, GSP-3, 125993; ekkade@gmail.com

УДК 339.924

ЕАЭС: Научный анализ проблем интеграционных процессов в евразийском регионе (2015–2018 гг.)

Ирина Е. Ханова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, irkh_76@mail.ru*

Вадим М. Шнейдер

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, vadiksh92@gmail.com*

Аннотация. Авторы публикации рассмотрели основные вопросы, связанные с развитием интеграционных процессов на евразийском пространстве. Авторы отмечают, что после распада СССР новообразованные государства проявили стремление к взаимодействию, стремясь сохранить взаимовыгодные экономические связи. В начале XXI в. проблема интеграции на евразийском пространстве стала еще более актуальной. Знаковым событием можно считать образование в 2015 г. Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Авторы подчеркивают, что к концу 2018 г. очевидна тенденция успешного развития ЕАЭС и усиления связей между государствами – членами организации в различных сферах. Тем не менее в позициях государств существуют и некоторые противоречия, которые могут препятствовать дальнейшему развитию организации. Авторы работы отметили, что в РГГУ уделяется особое внимание изучению проблемы интеграции на евразийском пространстве. Так, 28–29 марта 2019 г. в рамках Международного научного форума «Гуманитарные чтения РГГУ–2019» состоялась конференция «II студенческие евразийские чтения», организованная Институтом постсоветских и межрегиональных исследований РГГУ. В конференции приняли участие студенты первого и второго курсов бакалавриата Института постсоветских и межрегиональных исследований РГГУ, обучающиеся по программе «Международные отношения в Евразии: Россия и Турция: Общество, политика, культура». Все участники конференции продемонстрировали хороший уровень владения материалом и приобрели важный опыт участия в научных мероприятиях. Лучшие студенческие работы были рекомендованы к публикации в рубрике «Студенческие работы» в научном сборнике Института постсоветских и межрегиональных исследований РГГУ.

© Ханова И.Е., Шнейдер В.М., 2019

Ключевые слова: ЕАЭС, экономическая интеграция, международные отношения, постсоветское пространство, Евразия, история

Для цитирования: Ханова И.Е., Шнейдер В.М. ЕАЭС: Научный анализ проблем интеграционных процессов в евразийском регионе (2015–2018 гг.) // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2019. № 1. С. 133–138.

The Eurasian Economic Union (EAEU): Scientific analysis of the issues of integration processes in the Eurasian Region (2015–2018)

Irina E. Khanova

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, irkh_76@mail.ru*

Vadim M. Shneider

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, vadiksh92@gmail.com*

Abstract. The authors reviewed the main issues related to the development of integration processes in the Eurasian space. It is noted that after the collapse of the USSR, the newly-formed states were interested in preservation of mutually beneficial economic ties. At the beginning of the 21th century, the issue of integration in the Eurasian space has become even more acute. The formation of the Eurasian Economic Union (EAEU) in 2015 can be considered as a crucial event. The authors emphasize that by the end of 2018, the trend of successful development of the EAEU and the strengthening of connections between the member states of the organization in various spheres is evident. Nevertheless, there are still some contradictions between the states that may hinder further development of the organization. The authors noted that the Russian State University for the Humanities (RSUH) pays special attention to the issue of integration in the Eurasian space. For example, on March 28–29, 2019, in the framework of the International Scientific Forum “RSUH Conference on the Humanities – 2019” the Institute of Post-Soviet and Interregional Studies of the RSUH conducted the conference “2^d Student Eurasian Readings”. First and second year students of the Institute of Post-Soviet and Interregional Studies of the RSUH, studying under the program “International Relations in Eurasia: Russia and Turkey: Society, Politics, Culture”, took part in the conference. All conference participants demonstrated a good level of knowledge of the material and gained important experience in participating the scientific events. The best student works were recommended for publication under the heading “Student researches” in the scientific digest of the Institute of Post-Soviet and Interregional Studies of the RSUH.

Keywords: EAEU, economic, integration, international relations, post-Soviet space, Eurasia, history

For citation: Khanova, I.E. and Shneider, V.M. (2019), "The Eurasian Economic Union (EAEU): Scientific analysis of the issues of integration processes in the Eurasian region (2015–2018)". *RSUH/RGGU Bulletin. "Eurasian studies. History. Political science. International relations" Series*, vol. 1, pp. 133-38.

Распад СССР в 1991 г. ознаменовал окончание эпохи биполярной системы международных отношений и послужил одной из ключевых причин, приведших к оформлению новой геополитической системы. Новообразованные независимые постсоветские государства получили возможность самостоятельно определять свою внешнюю политику. При этом крах политической системы не привел к отказу от экономического сотрудничества между государствами на постсоветском пространстве. Напротив, именно необходимость сохранения экономических связей привела к созданию организаций, основной целью которых стало взаимовыгодное экономическое сотрудничество. Стремление укрепить экономические связи между странами постсоветского пространства было естественным, поскольку основной целью экономической интеграции является повышение эффективности функционирования национальных экономик [Пивовар 2010, с. 18]. К предпосылкам экономической интеграции на постсоветском пространстве можно отнести такие факторы как сходство уровней экономического развития интегрирующихся стран, территориальную близость этих государств и общность их экономических проблем [Пивовар 2010, с. 18]. Создание в 2015 г. Евразийского экономического союза (ЕАЭС) придало новый импульс развитию процессов экономической интеграции на постсоветском пространстве. В последние годы идея евразийской интеграции заметно набирает обороты и занимает важное место в публичном и экспертном пространстве государств – членов Союза. В частности, формируются новые структуры и институты, обеспечивающие функционирование ЕАЭС.

Актуальность темы евразийской интеграции в начале XXI в. подтверждается мнением ведущих исследователей и экспертов. Еще в 2016 г. в стенах РГГУ состоялась презентация новой книги историка, члена-корреспондента Российской академии наук, директора Института постсоветских и межрегиональных исследований РГГУ Е.И. Пивовара «Евразийский интеграционный проект на постсоветском пространстве: 1991–2015 гг. (предпосылки, становление, развитие)». Несмотря на определенный интерес к изучению постсоветских государств в отечественной и мировой историографии, данный труд фактически стал первой попыткой комплексного научного анализа зарождения и процесса реализации

евразийской интеграционной идеи на постсоветском пространстве. Е.И. Пивовар делает акцент на том, что интеграционный процесс на постсоветском пространстве невзирая на сложности идет по нарастающей. Следует подчеркнуть и то, что принципы, положенные в основу ЕАЭС, предполагают участие всех стран-участниц в принятии решений. Так, эксперт Елена Кузьмина отмечает, что тот факт, что все решения в ЕАЭС принимаются только полным консенсусом всех стран-участниц, на основе согласования их национальных интересов, в результате переговоров выгодно отличает евразийский интеграционный проект¹. По мнению эксперта Сергея Масаулова, к числу таких противоречий можно отнести «противоположные взгляды на интегрирование рынков нефти и газа, актуализированные лидером Беларуси, а также возникающие претензии со стороны казахских партнеров относительно ситуации конкуренции товаров стран ЕАЭС на рынках друг друга»². Таким образом, несмотря на институциональное развитие ЕАЭС, следует признать и существование ряда рисков, которые могут осложнить дальнейшую интеграцию экономических систем государств – членов организации. Поэтому изучение и анализ процессов, происходящих на постсоветском пространстве, требует подготовки специалистов, которые будут обладать соответствующими знаниями в данной области.

28–29 марта 2019 г. в рамках Международного научного форума «Гуманитарные чтения РГГУ – 2019» состоялась конференция «II студенческие евразийские чтения», организованная Институтом постсоветских и межрегиональных исследований РГГУ. В конференции приняли участие студенты первого и второго курсов бакалавриата Института постсоветских и межрегиональных исследований РГГУ, обучающиеся по программе «Международные отношения в Евразии: Россия и Турция: Общество, политика, культура». Президент РГГУ, директор Института постсоветских и межрегиональных исследований, доктор исторических наук, профессор Е.И. Пивовар обратился к участникам с приветственным словом. В конференции также приняли участие сотрудники кафедры стран постсоветского зарубежья – доцент, кандидат исторических наук Е.А. Косован, доцент, кандидат философских наук И.Е. Ханова, В.М. Шнейдер и Т.А. Лепская. Участники конферен-

¹ Эксперты оценили итоги прошедшего года ЕАЭС и его влияние на приграничные регионы [Электронный ресурс] // Информационно-аналитический центр. 27.12.2018. URL: <https://ia-centr.ru/publications/eksperty-otsenili-itogi-proshedshego-goda-eaes-i-ego-vliyanie-na-prigranichnyeregion/> (дата обращения 08.02.2019).

² Там же.

ции уделили особое внимание проблеме интеграции на евразийском пространстве, в частности обращаясь к вопросу создания и функционирования ЕАЭС и перспективам дальнейшего развития этой организации.

В первый день работы конференции свои доклады представили студенты второго курса. Владислав Семин сделал попытку проанализировать евразийский вектор во внешней политике Беларуси, выделив экономические, политические и культурные факторы. Ксения Тряпицина в своем докладе подчеркнула важную роль Казахстана в формировании, развитии и воплощении идеи евразийской интеграции. Карина Шутова проанализировала основные причины вступления Армении в ЕАЭС, а также рассмотрела особенности взаимодействия Армении с другими государствами – членами организации. Даниил Черемисин в своем докладе исследовал роль Кыргызстана в интеграционных процессах на евразийском пространстве. Дарья Аксентович оценила перспективы вхождения в состав ЕАЭС Узбекистана и Таджикистана с учетом потенциальных преимуществ и возможных рисков. Майя Мамедова рассмотрела особенности взаимодействия Азербайджана и Грузии со странами ЕАЭС. Никита Жуков определил основные причины неудачи евразийского вектора во внешней политике Украины. Анна Гуркина проанализировала деятельность Молдовы в качестве государства-наблюдателя в ЕАЭС. Джэннет Йылдыз рассмотрела перспективы взаимодействия Турции и стран ЕАЭС. Анна Хаперсткова дала оценку эффективности евразийской интеграции в рамках ЕАЭС, используя статистические данные и экспертные оценки. Мария Гуркина определила позицию и роль ЕАЭС в мировой экономике. Наконец, Ирина Ревенко подвела первые итоги интеграции в рамках ЕАЭС.

Во второй день доклады презентовали студенты первого курса. Ася Саргсян определила сущность, форму и объективные предпосылки экономической интеграции. Светлана Леонова изучила историю развития евразийской экономической интеграции в 1990-е годы. Нурия Ануар исследовала основные положения Договора о ЕАЭС. Елена Оноприенко рассмотрела деятельность высшего Евразийского экономического совета и Евразийского межправительственного совета. Эмилия Адигозалова дала общую характеристику и выделила отличительные особенности Права ЕАЭС, а также рассмотрела деятельность Суда ЕАЭС. Дарья Баркова проанализировала основные положения Таможенного кодекса ЕАЭС. Виолетта Зуева определила основные направления сотрудничества в рамках ЕАЭС. Александр Евмененко проанализировал сотрудничество государств – членов ЕАЭС в различных отраслях экономики. Юлия Короткова рассмотрела вопрос трудовой миграции

и оценила перспективы создания единого рынка труда в рамках ЕАЭС. Диана Шарьяфетдинова проанализировала сотрудничество членов ЕАЭС в сфере энергетики. Дарья Широко определила перспективы развития и расширения ЕАЭС. Наконец, Анастасия Капарчук оценила перспективы взаимодействия ЕАЭС и ЕС и возможности для их сотрудничества. Следует подчеркнуть, что все участники конференции продемонстрировали хороший уровень владения материалом и приобрели важный опыт участия в научных мероприятиях. Лучшие студенческие работы будут рекомендованы к публикации в рубрике «Студенческие работы» в научном сборнике Института постсоветских и межрегиональных исследований РГГУ. Все работы участников конференции также будут опубликованы на сайте Института постсоветских и межрегиональных исследований.

Литература

Пивовар 2010 – *Пивовар Е.И.* Постсоветское пространство: альтернативы интеграции: Исторический очерк. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Алетейя, 2010. 400 с.

References

Pivovar, E.I. (2010), *Postsovetskoe prostranstvo: al'ternativy integracii. Istoricheskij ocherk.* [The post-Soviet Space: Alternatives to Integarion. Historical essay], vol. 2, 2nd ed., corr. and suppl., Aleteya, Saint-Petersburg, Russia.

Информация об авторах

Ирина Е. Ханова, кандидат философских наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; ГСП-3, 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; irkh_76@mail.ru

Вадим М. Шнейдер, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; ГСП-3, 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; vadiksh92@gmail.com

Information about the authors

Irina E. Khanova, Cand. of Sci (Philosophy), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; irkh_76@mail.ru

Vadim M. Shneider, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; vadiksh92@gmail.com

Дизайн обложки
Е.В. Амосова

Корректор
Т.В. Рютина

Компьютерная верстка
М.Е. Заболотникова

Подписано в печать 08.08.2019.
Формат $60 \times 90^{1/16}$.
Уч.-изд. л. 8,9. Усл. печ. л. 8,8.
Тираж 1050 экз. Заказ № 541

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
www.rggu.ru
www.knigirggu.ru